

ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
И М Е Н И
В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1968

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ В. В. КУШЫШЕВА

Серия историческая

В О П Р О С Ы
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

ВЫПУСК 2

кафедра новой и новейшей истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1968

В сборник включены статьи, посвященные анализу ряда вопросов внешней политики Соединенных Штатов Америки, Англии, Германии в период империализма. В статьях рассматривается борьба, которая происходила в правящих кругах названных стран по внешнеполитическим вопросам и роль милитаристской пропаганды в подготовке агрессии. В работе о политике России на крайнем северо-востоке Азии исследуются также проблемы русско-американских и англо-русских отношений в первой трети XIX века. Значительный интерес представляет статья, в которой анализируется оценка внешней политики правительства Бисмарка современными западногерманскими историками. Статьи написаны на основе разнообразных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот. Сборник статей рассчитан на научных работников, учителей, студентов и всех, интересующихся историей международных отношений.

Сборник можно выписать наложенным платежом по адресу: Томск, пр. Ленина, 36, Томский университет, склад изданий.

Ответственный редактор — профессор С. С. Григорьевич

Индекс 1-3-3.

**ВОПРОС О ВОЕННОЙ ГОТОВНОСТИ ГЕРМАНИИ
В СВЯЗИ С ОБСУЖДЕНИЕМ В РЕЙХСТАГЕ
В АПРЕЛЕ 1913 г. ЗАКОНОПРОЕКТА ОБ УВЕЛИЧЕНИИ
ВОЕННЫХ РАСХОДОВ**

А. И. БАЛОБАЕВ

Правящие круги Германии широко использовали усиление международной напряженности накануне первой мировой войны в целях дальнейшей гонки вооружений, увеличения кредитов на усиление армии и флота. Поражение Турции в первой Балканской войне германские милитаристы стремились использовать в качестве предлога для усиления собственных вооруженных сил. Крайние милитаристы, объединенные в Пангерманском союзе, Оборонном союзе и других националистических организациях, действовавших при широкой поддержке германского генерального штаба и кайзеровского правительства, используя прессу, различные митинги и собрания, а также трибуну рейхстага, доказывали, что Германия к войне не готова и, подобно Турции, может потерпеть поражение в случае войны.

Автор данной статьи, основываясь на изучении стенографических отчетов заседаний рейхстага в 1912—1913 гг. и донесений русских дипломатических представителей в Германии, ставит своей целью исследовать вопросы, касающиеся внутривнутриполитической борьбы, развернувшейся в германском рейхстаге в апреле 1913 г., в связи с обсуждением правительственного законопроекта об увеличении военных расходов на сумму в один миллиард марок. В советской исторической литературе упомянутые вопросы пока слабо освещены¹⁾.

¹⁾ А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность. М., 1964; Е. И. Рубинштейн. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX веков. М., 1953. Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. Соч., т. 5, М., 1958. В. М. Хвостов. История дипломатии. Изд. 2-е, т. 2, М., 1963.

Вопрос о военной готовности Германии накануне первой мировой войны в той или иной степени освещался немецкими историками времен Веймарской республики и фашистской Германии в ряде работ²⁾. В исторической и военной литературе, опубликованной после второй мировой войны в ФРГ, этим вопросам уделяется большое внимание, в особенности в связи с развернувшейся в Западной Германии полемикой о виновности Германии в развязывании первой мировой войны. Реакционные историки ФРГ стремятся оправдать политику германского империализма накануне первой мировой войны и доказать, что кайзеровская Германия вынуждена была вооружаться в связи с усилением военной опасности³⁾.

В начале 1913 г. в немецкой милитаристской печати стали появляться статьи с требованиями «увеличить состав германской армии в мирное время». Эти статьи направлялись из одного центра и подготавливали германское «общественное мнение» к новым налогам, которые должны были утверждаться рейхстагом весной 1913 г. Кредиты, отпущенные на усиление армии и флота Германии, не удовлетворяли пангерманцев. С началом нового года «стали раздаваться более определенные требования о необходимости новых кредитов на усиление германских сухопутных сил», — писал русский посол в Берлине в своем донесении в Петербург. Он правильно предполагал, что инициатива в этом вопросе принадлежит самому правительству, которое «нашло более удобным для себя не выступать по своему почину с новым требованием» в рейхстаге, а сделать это несколько позже, «якобы побуждаемое общественным мнением страны» и армией. Посол указывал, что «подготовительная работа велась в этом направлении главным образом известным «Оборонительным союзом». Как и предполагалось, германское правительство вскоре после этого официально выступило за новое усиление армии⁴⁾.

В 1913 г. Германия отмечала столетнюю годовщину освобождения от наполеоновского нашествия. В связи с этим по всей Германии были проведены празднества. Шовинисты использовали эти национальные торжества с целью усиления гонки вооружений. Император Германии Вильгельм II, «восхваляя патриотическое движение прусского населения того времени..., указал на необходимость... нового усиления боевой готовности Германии». Он говорил о необходимости рас-

²⁾ Liebig. Die Politik von Bethmann Hollveg. München, 1919. K. Westarp. Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreiches. Bd. 1, Berlin, 1935. Г. Хальгартен. Империализм до 1914 г. Перевод с нем., М., 1961.

³⁾ G. Ritter. Eine Neue Kriegsschuldthese? Zu Fritz Fischers Buch «Griff nach der Weltmacht». «Historische Zeitschrift», 1962, Band 194, Heft 3. G. Ritter. Zur Fischer—Kontroverse. «Historische Zeitschrift», 1965, Band 200, Heft 3.

⁴⁾ АВПР. Канцелярия, 1913, д. 40, л. 51.

ширить контингент армии и поддержал предложенный уже рейхстагу правительственный законопроект, предусматривающий «увеличение ежегодно принимаемых на военную службу на 45—50 тысяч человек»⁵).

В феврале 1913 г. одна из берлинских газет опубликовала большую статью под заглавием «Семь требований». В ней была дана оценка политического положения в Европе, сложившегося в результате первой Балканской войны. Военно-стратегическое положение Германии изображалось в преувеличенно «мрачных красках». Автор статьи требовал увеличить численность и боеспособность армии даже в ущерб усилению флота. 28 марта 1913 г. был опубликован внесенный на обсуждение рейхстага правительственный законопроект об усилении армии. Вся официальная германская печать была брошена в бой для доказательства необходимости утверждения законопроекта, предусматривающего миллиардные расходы на усиление армии и флота. Проводилась аналогия с 1813 годом, когда патриотический подъем населения способствовал разгрому наполеоновской армии. Проводились публичные лекции о войнах с Наполеоном, военные торжества, вечера, публиковалась масса шовинистических и милитаристских статей в газетах и журналах. Милитаристская пропаганда носила в это время в значительной степени антифранцузскую направленность. Французское правительство обвинялось в реваншистских устремлениях по отношению к Германии. В качестве доказательства ссылались на введение во Франции трехлетнего срока службы. В связи с этим раздавались призывы к превентивной войне с целью «поставить Францию на колени». Милитаристы обвиняли и царскую Россию в «агрессивных замыслах против Германии»⁶). Однако немецкая официальная пресса иногда осуждала подобные статьи. Правительство Германии еще надеялось на раскол Антанты, на нейтрализацию России в предстоящей войне. Пангерманская пресса указывала, что русская армия усиливается с каждым днем после поражений в войне с Японией и Германией и требовала это учитывать.

Ко времени открытия заседаний рейхстага милитаристская пропаганда в поддержку правительственного законопроекта о чрезвычайном усилении армии и флота достигла большого размаха. 3 апреля 1913 г. открылась очередная сессия рейхстага. Наиболее острым вопросом, который предстояло решить, был вопрос об утверждении военного бюджета. 7 апреля канцлер Германии Бетман-Гольвег, обосновывая предложение правительства, говорил, что «по единодушному мнению... военных авторитетов» усиление германских вооруженных сил яв-

⁵) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 40, л. 7.

⁶) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 48, л. 51. Доверительное письмо посла в Берлине в Министерство иностранных дел, 14/1 1913 г.

ляется необходимым, «чтобы обеспечить будущее Германии». Он также высказывался за увеличение числа молодых людей, призываемых на военную службу. Канцлер выразил полную уверенность в должной боеспособности германской армии и готовности Германии вести войну в любое время. Затем Бетман-Гольвег высказал свое убеждение в неизбежности европейской войны, в которой будет участвовать и Германия, борясь за свое существование, хотя «нет человека, который бы знал, когда начнется война». Канцлер указывал на существующую несколько месяцев напряженность в международной жизни и утверждал, что главная причина этой напряженности заключается в том, что «столкнулись интересы» Австро-Венгрии и России на Балканах. Он высоко оценил деятельность совещания послов в Лондоне и английского министра иностранных дел Эдуарда Грея, которому, по словам Бетмана-Гольвега, Европа должна была сказать «спасибо» за то, что Балканская война не переросла в общеевропейскую.

Обращало на себя внимание то место в речи канцлера, где он говорил, что в предстоящей европейской войне «...славяне и германцы выступают друг против друга»⁷⁾. Он говорил, что в борьбе за европейские территории Турции теперь появились новые соперники — южнославянские государства и призвал «не прятать голову в песок от опасностей», уподобляясь страусу. Надо думать о будущем Германии, — говорил Бетман-Гольвег, повторяя любимый лозунг пангерманцев, твердивших о «великом будущем» Германии.

Перейдя к рассмотрению франко-германских отношений, Бетман-Гольвег уверял, что они «хорошие» и во всяком случае «лучше, чем при Бисмарке». Но он подчеркнул, что французская армия достаточно сильная, а после перехода на трехлетнюю службу станет еще сильнее. «Французская армия делает все, чтобы в грядущей войне она могла справиться с немецкой армией», — говорил канцлер. Бетман-Гольвег нарисовал депутатам рейхстага страшную картину, когда французская артиллерия, французская авиация и французская пехота, с одной стороны, а с другой — «масса русской кавалерии и русской пехоты нагрянут» на Германию. Подъем шовинизма и милитаризма во Франции Бетман-Гольвег связывал с «панславистскими устремлениями» в России и делал вывод о необходимости усилить готовность Германии к войне. «Поражение Турции, — заявил Бетман-Гольвег, — является и поражением немцев»⁸⁾. Он видел причину поражения Турции в войне с балканскими странами в том, что последние пользовались французскими пушками и услугами француз-

7) Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages, XIII. Legislaturperiode. I Session, 1913, Bd. 289, S. 4512.

8) Ibid., S. 4513—4514.

ских инструкторов, затем заявил, что возможно «присоединение балканских государств к Антанте», в результате чего Антанта будет усилена, и вождения Франции на Эльзас и Лотарингию также усилятся.

Бетман-Гольвег заявлял, что германское правительство заботится об улучшении отношений с французским и русским правительствами и предлагает особые усилия, чтобы добиться улучшения англо-германских отношений⁹⁾. Стремясь притупить остроту англо-германских противоречий, он утверждал, что англо-германское морское соперничество, приводившее к ухудшению германо-английских отношений, теперь закончилось. «...Доверие снова начинает возвращаться» в англо-германские отношения.— уверял канцлер. Он ссылаясь на слова Асквита и Грея, которые также говорили об улучшении англо-германских отношений¹⁰⁾. Однако здесь же Бетман-Гольвег привел высказывание У. Черчилля, бывшего в то время морским министром Великобритании. Черчилль призывал сохранить военно-морскую гегемонию Англии, дабы не ослабить ее позиции на международной арене. В этом месте речь Бетман-Гольвега прерывалась антианглийскими выкриками членов райхстага — национал-либералов, в числе которых было 7 членов Пангерманского союза (из 15 пангерманцев, бывших депутатами рейхстага после выборов 1912 г.)¹¹⁾. В заключительной части своего выступления канцлер обрушился на левых социал-демократов и пацифистов, утверждавших, что увеличение военных расходов истощает Германию и может привести к войне. Он говорил, что в экономическом отношении Германия сильна, как никогда и германское правительство имеет возможность ставить перед собой «задачи культурного и социального развития» страны¹²⁾.

Речь Бетман-Гольвега в райхстаге получила международный резонанс, несмотря на усилия, предпринимавшиеся германским ведомством иностранных дел с целью смягчения отдельных ее положений. В частности, директор пресс-бюро министерства иностранных дел Германии Гамман вызвал представителя российского телеграфного агенства и по поручению канцлера просил его «передать речь, как можно точнее в Петербург», чтобы в России правильно поняли, что он говорил «о противоречиях славянства и германизма». Бетман-Гольвег уверял русского посла на следующий день, что он не имел в виду отметить какого-либо враждебного настроения Германии по отношению к России. Канцлер всячески подчеркивал «дружеские взаимные чувства, которыми проникнута

⁹⁾ Ibid., S. 4515.

¹⁰⁾ Ibidem.

¹¹⁾ M. S. Wertheimer. The Pan—German League 1890—1914. New York, 1924. p. 136.

¹²⁾ «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4515.

политика обонх правительств и стремления к миру...»¹³). Речь Бетман-Гольвега вызвала антигерманские выпады русских буржуазных газет. Например, «Новое время» писало о речи канцлера: «Впервые в Берлине с парламентской трибуны в правительственной речи противопоставлены интересы славянства и германизма». Восхваляя далее растущий якобы панславизм в России, автор статьи писал: «Пусть же речь руководителя германской политики послужит уроком для наших правящих кругов»¹⁴. Подобные выступления русской буржуазной прессы вызывали, в свою очередь, антирусские выступления шовинистов в Германии.

Резко протестовала чешская пресса. Канцлер, очевидно, упустил из виду, писал русский посол в Берлине Свербеев, что «Австро-Венгрия является скорее славянской, чем германской державой»¹⁵). Свербеев обращал внимание царского правительства на то, что «впервые в политической речи перед парламентом представитель правительства высказал в определенной форме антагонизм славянства к германизму и признал за этим явлением серьезную опасность для европейского мира». Посол делал вывод: «Несомненно, что именно этот антагонизм внушает здесь серьезные опасения и будет использован правительством для получения кредитов» на вооружения¹⁶).

Выступивший сразу же вслед за канцлером имперский военный министр генерал Херинген напомнил депутатам, что еще при внесении законопроекта об усилении армии в 1912 г. он подчеркивал, что превосходство германской «армии против возможных врагов» базируется на «хорошей дисциплине, организации, обучении и руководстве»¹⁷). Он указывал, однако, что «усердная и деловая работа в войсках... соседей (Франции и России.— А. Б.) и очень значительные средства, отпускаемые там на усовершенствования, приводят к все большему исчезновению превосходства германской армии в этой области». Поэтому, говорил министр, «все большее значение приобретает лишь численное сравнение наших вооруженных сил с силами других государств». Он сказал, что усиление германской армии в 1912 г. носило недостаточный характер. Он говорил о необходимости усилить армию, чтобы сохранить мир или в случае войны довести ее до победы». Он предупредил, что с целью сохранения военной тайны проект закона по-

¹³) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 37, л. 5. Секретная телеграмма посла в Берлине Свербеева, 7 апреля (25 марта) 1913 г.

¹⁴) «Новое время», 9 апреля (27 марта) 1913 г.

¹⁵) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 37, л. 8. Свербеев в Министерство иностранных дел. Депеша от 10 апреля (28 марта) 1913 г.

¹⁶) Там же, л. 6.

¹⁷) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 37, л. 7. Секретная телеграмма посла в Берлине Свербеева, 9 апреля (27 марта) 1913 г.

ступит только в бюджетную комиссию и там можно будет обсудить отдельные стороны закона»¹⁸⁾.

Херинген предлагал дополнительно сформировать 18 батальонов пехоты, 4 новых штаба бригад в Пруссии и 6 кавалерийских полков. Он потребовал усилить тяжелую артиллерию в Пруссии тремя полками. Военный министр отметил стремительное развитие техники передвижения и возможности атаки против германских железнодорожных линий. Он потребовал в связи с этим увеличить на 9 батальонов железнодорожные части, усилить телеграфные части на 4 батальона. Он говорил о быстром прогрессе в воздушном сообщении и предложил немедленно создать мощные военно-воздушные силы, усилив уже существующие на 5 батальонов. В заключение он говорил о продолжающемся развитии военной техники и необходимости учитывать этот фактор¹⁹⁾.

Выступая в рейхстаге 8 апреля, военный министр Херинген заявил, что критика германской армии в рейхстаге и газетах часто является неверной и что подобные нападки ослабят первый фактор победы. «Доверие к вооруженным силам является первым фактором победы». В связи с этим он призвал немецкую прессу к «сдержанности», тем более в таких сложных международных условиях, которые образовались к 1913 г.²⁰⁾.

На заседании рейхстага 7 апреля выступил глава Имперского союза борьбы против социал-демократии, один из руководителей Пангерманского союза генерал Либерт, который призывал к увеличению численности германской армии и усилению ее боеспособности. Он привел сравнительные данные о затратах на вооружения государств Тройственного союза и Антанты за 1901—1910 гг. При этом получилось, что страны Антанты израсходовали на военные цели на 10 млрд марок больше, чем страны Тройственного союза. Из этого Либерт делал вывод, что не только Германия отстает в вооружениях от потенциальных врагов, но и союзники Германии тоже. Либерт говорил: «В то время, как Франция имеет в армии 1,5% населения, мы — лишь 1,08%» и призывал увеличить численность германской армии мирного времени до миллиона человек. Он говорил, что законопроект об увеличении военных расходов являлся «выражением голоса народа, национальной прессы и общественного мнения»²¹⁾.

На следующий день, 8 апреля 1913 г., первым выступил другой видный пангерманец национал-либерал Бассерман, который приветствовал «улучшение отношений» с Англией, однако выступал за расширение строительства германского флота, утверждая, что морские вооружения Германии не на-

¹⁸⁾ «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4516.

¹⁹⁾ Ibidem.

²⁰⁾ Ibid., S. 4562.

²¹⁾ Ibid., S. 4532.

правлены против Англии²²). Он объяснял их необходимостью защиты «имперских интересов»²³). Бассерман ссылался на заявление адмирала Тирпица в бюджетной комиссии рейхстага, где Тирпиц говорил о возможности принятия соотношения германского и английского военных флотов как 10 к 16, что позволило бы Германии некоторое количество времени беспрепятственно строить корабли, в то время как Англия должна была бы прекратить это строительство²⁴). Бассерман высказался за более широкое допущение выходцев из буржуазных слоев в состав офицерского корпуса, численность которого предстояло увеличить в связи с запроектированным усилением армии. Это встретило поддержку депутатов рейхстага.

Бассерман стоял на позициях буржуазных теоретиков массовой войны, требовавших создания массовых армий. Видные пангерманцы из среды военных — генерал Кейм и генерал фон Бернгарди выступали за создание массовых армий, требовавших значительного увеличения офицерского корпуса. Против этого возражали консерваторы — юнкеры, не желавшие делиться своими привилегиями. Однако сторонников создания массовой армии активно поддержал генеральный штаб в лице руководителей оперативного отдела генштаба полковников Людендорфа и Таппена. Георг Хальгартен, видный немецкий буржуазный исследователь, обоснованно предполагал существование тесных связей между генеральным штабом и Оборонным союзом. Их требования усиления армии совпадали²⁵). Бассерман предложил сократить срок службы солдат в армии, усилив тем самым резервы, которые будут необходимы на случай войны. Он говорил, что времена меняются и это надо учитывать в деле подготовки к войне. Перейдя к анализу последствий первой Балканской войны, Бассерман предостерегал, что никто не может предвидеть, как будут развиваться дальше события на Балканах. В качестве доказательства своей правоты он сослался на политику Германии во время Боснийского кризиса, где лишь «искусство рейхсканцлера князя Бюлова» якобы спасло Германию.

Говоря о последствиях марокканского кризиса 1911 г., Бассерман подчеркивал: «Всякое военное осложнение между двумя европейскими великими державами (имелись в виду Франция и Германия.— А. Б.) при сегодняшнем положении вещей будет иметь результатом гигантский пожар мировой войны». Затем он демагогически утверждал, что все, кто хочет сохранить мир, должны вооружаться: «До тех пор нам удастся сохранить мир, пока мы будем сильными». А потому, — говорил он, — необходимы финансовые жертвы населения во имя

²²) Ibid., S. 4539.

²³) Ibid., S. 4544.

²⁴) Ibidem.

²⁵) Г. Хальгартен. Указ. Соч., стр. 559.

отечества²⁶). Германские милитаристы из всех сил старались убедить трудящихся в необходимости платить тяжелые налоги.

Значительная часть немецкого народа выступала против гонки вооружений и подготовки войны. Происходили массовые антивоенные демонстрации трудящихся Германии. Особую активность в борьбе с милитаризмом проявляли левые социал-демократы во главе с К. Либкнехтом. Однако правые лидеры германской социал-демократии солидаризировались с открытыми милитаристами и шовинистами.

При обсуждении чрезвычайного военного законопроекта в рейхстаге от социал-демократической партии выступил оппортунист Шейдеман, ставший после смерти Бебеля председателем партии и парламентской фракции. Шейдеман взял под защиту националистскую пропаганду в Германии от нападок антимилитаристов, в том числе и зарубежных. Он говорил, что на Германию надвигается «русско-панславянская опасность», в связи с чем необходимо ожидать столкновения между германизмом и славянством. Вместе с тем он призвал к улучшению отношений с Францией. Шейдеман однако не поддержал лозунг Оборонного союза «Кто отвергает военные предложения, тот враг народа». Шейдеман напоминал, что увеличение численности немецкой армии на 136 тыс. солдат приведет к значительным материальным трудностям для немецкого народа²⁷). Тем не менее позиция социал-демократов по вопросам внешней политики была чисто соглашательской и вызвала удивление даже русского посла в Берлине.

Депутат от партии центра Эрцбергер также взял под защиту милитаристскую пропаганду в Германии, обрушившись с критикой на пробуждающийся «национальный инстинкт» в России и балканских странах, чему якобы способствовали балканские войны²⁸). Он указывал, в частности, на статьи «Нового времени», способствовавшие разжиганию шовинизма в России. В тон пангерманцам депутат д-р Дорман говорил о большом значении армии «для физического и нравственного воспитания молодежи». «Армия, как школа воспитания, может оказать для нации еще более значительную и ценную услугу», чем теперь,— говорил он. Он призвал добиваться того, чтобы армия была более совершенной²⁹).

9 апреля 1913 г. в рейхстаге вновь выступил Бетман-Гольвег, который на этот раз попытался смягчить антирусское и антиславянское острие своего первого выступления. Он говорил, что лозунг борьбы с панславизмом, выброшенный немецкими шовинистическими газетами, не должен смешиваться «с принадлежностью к славянской расе». Канцлер пояснил,

²⁶) «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4549—4550.

²⁷) Ibid., S. 4564—4568.

²⁸) Ibid., S. 4572.

²⁹) Ibid., S. 4583.

что так как славяне проживают в нескольких государствах, то «уже в силу этого лозунг борьбы со славянством неверен». Более того, Бетман-Гольвег отметил, что серьезных противоречий между Германией и Россией не существует и что Германия проводит политику, направленную «на сохранение хороших добрососедских отношений с Россией».

Перейдя к вопросу об усилении германской армии, Бетман-Гольвег говорил, что социал-демократы, выступившие с критикой правительственного законопроекта, имеют неправильное представление о его происхождении, так как законопроект вызван, утверждал канцлер, не давлением военных, а государственной необходимостью. «Ни оборонный союз, ни капитуляция военного министра перед генеральным штабом не побуждали к этому», — уверял Бетман-Гольвег. Он сослался на то, что еще в ноябре 1912 г. он указывал на необходимость новых вооружений для германской армии³⁰⁾.

Внесенный правительством военный законопроект был поддержан всеми партиями рейхстага, за исключением социал-демократов, правое крыло которых голосовало против законопроекта лишь из чисто тактических соображений. При утверждении военного законопроекта встал вопрос об изыскании средств для его проведения в жизнь. Социал-демократы имели расхождения с буржуазно юнкерскими партиями рейхстага по вопросу о том, как оплатить эти чрезвычайно большие военные расходы. Социал-демократы выступали за принятие налога на наследства, против увеличения косвенных налогов, ложившихся основной тяжестью на неимущие слои населения³¹⁾. Например, социал-демократ Зюдекум выступал против косвенных налогов. Он утверждал, что большинство рейхстага согласно на требование прямых налогов, а не косвенных³²⁾. Социал-демократ Эммель высказал предложение, что «300 тысяч русских сельских рабочих, ежегодно приходящих в Пруссию и являющихся, несомненно, запасными солдатами, могут быть задержаны в Германии «и этим сразу значительно уменьшить русскую боевую силу»³³⁾.

В заключение первого чтения закона о чрезвычайном военном налоге выступал Бетман-Гольвег. Он заявил о необходимости единовременного военного налога на население. «Мысль о военном налоге будет хорошо принята, я предчувствую это... мы должны приносить жертвы». Он сказал, что немецкий народ уже проявил стремление к жертвам и выразил уверенность в том, что «Германия не будет находиться в опасности, будет жить в довольстве и роскоши». В заключение канцлер

³⁰⁾ Ibid., S. 4609.

³¹⁾ Ibid., S. 4679—4680.

³²⁾ Ibid., S. 4723—4725.

³³⁾ АВПР. Канцелярия, 1913, д. 37, л. 8. Депеша Свербеева в Министерство иностранных дел, 10 апреля (28 марта) 1913 г.

просил депутатов изыскать средства для покрытия чрезвычайных военных расходов и уверял, что они будут хорошо использованы³⁴).

На этой же апрельской сессии рейхстага обсуждался во втором чтении имперский бюджет на 1913 г. Докладчиком по этому вопросу был пангерманец Бассерман. Он изложил кратко выступление статс-секретаря ведомства иностранных дел Ягова в бюджетной комиссии рейхстага, где Ягов говорил о том, что в связи с обострением обстановки на Балканах Германия нуждается в более сильной армии для защиты германских интересов и поддержки Австро-Венгрии в названном районе³⁵).

Говоря об англо-германских отношениях, Ягов сказал, что «Англия и Германия действовали в балканском вопросе совместно друг с другом и выразил надежду на дальнейшее улучшение англо-германских отношений. Он преувеличивал противоречия, существовавшие между Англией и Россией, в частности, по вопросу о Монголии. Он говорил: «Если Россия добьется протектората над Монголией, то... станет закрытой для торговли» немецкими и английскими товарами площадь в 1,5 млн. английских квадратных миль «Англия заявила протест, завязав тем самым новый конфликт», — уверял Ягов. Он просил рейхстаг дать средства на усиление «германского... дела в Китае», которое находилось, по его выражению, «накануне кризиса» и предлагал увеличить число германских консульств в Китае. Обращает на себя внимание полное взаимопонимание, существовавшее между ведомством иностранных дел Германии и пангерманцами типа Бассермана.

После Бассермана выступил статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов, который говорил, что Балканский кризис, вызванный войной, идет к концу. Румынское правительство «является элементом мира и порядка на Балканах», — заявлял Ягов, рассчитывая на то, что этот отзыв найдет хороший прием в Румынии и облегчит вступление Румынии в Тройственный союз³⁶). Говоря о Турции, Ягов выразил уверенность, что она оправится после понесенных поражений. Большая часть ее азиатских владений является широким полем для усиления и консолидации», — говорил Ягов. Он выразил уверенность в том, что Турцию ждет «лучшее будущее»³⁷).

Пангерманцы в своих выступлениях в рейхстаге призывали германское правительство проводить более активную политику на Балканах и оказать поддержку Австро-Венгрии в борьбе против Сербии и России. Когда один из лидеров на-

³⁴) «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4709—4711.

³⁵) Ibid., S. 4729—4741.

³⁶) Ibid., S. 4732.

³⁷) Ibid., S. 4733.

ционал-либералов барон Рихтгофен выступил с заявлением о том, что ущерб интересам Австро-Венгрии явился бы ущербом для Германии, то это вызвало крики «браво» депутатов-пангерманцев. Рихтгофен высказался за всемерное укрепление связей с Румынией и выразил сомнение в том, что «мир на Балканах может скоро наступить», как уверял Ягов. Рихтгофен говорил: «Мы все хотим мира, но здесь замешаны сильные хозяйственные интересы». Он ратовал за политику «хозяйственного проникновения в Малую Азию»³⁸).

Пангерманцы поддерживали политику германского правительства, направленную на то, чтобы попытаться нейтрализовать Англию в предстоящей войне. Рихтгофен говорил о том, что можно добиться улучшения взаимоотношений с Англией и урегулировать с ней вопрос о Багдадской железной дороге. Однако по поводу отношений с Францией Рихтгофен говорил, что они вовсе не улучшаются. Он рассказал депутатам рейхстага в красочной форме об инциденте, который произошел на вокзале в Нанси, где «немецкие купцы и офицеры подверглись оскорблениям». Инцидент заключался в том, что в ночь с 13 на 14 апреля 1913 г. в Нанси пять немецких туристов подверглись оскорблениям французов на вокзале. Немецкие шовинистические газеты сразу же раздули это происшествие. Сигналом к началу антифранцузской газетной кампании послужило сообщение официозного агенства Вольфа. В этой кампании приняли участие газеты, связи которых с германским правительством, по словам русского посла Извольского, не подлежат сомнению»³⁹). Разразившуюся в германской печати кампанию против «французского шовинизма» удалось несколько утихомирить лишь тем, что французское правительство сразу же официально принесло свои извинения Берлину. Фон Ягов, однако, еще до выяснения фактической стороны дела и лишь на основании явно преувеличенных газетных сведений; счел возможным выступить в рейхстаге с... весьма мало дружественными (выражениями.— А. Б.) по отношению к Франции». При этом необходимо отметить, что фон Ягов объяснил французскому послу свое поспешное выступление в рейхстаге тем, что он хотел якобы «предупредить попытки запросов со стороны пангерманцев» в рейхстаге»⁴⁰). Национал-либерал Гекшер поддержал Ягова в вопросе о германской политике в Китае. Он привел цифры: в Китае насчитывалось 1 445 английских народных школ, 1 992 американских и лишь 164 немецких. Количество средних и высших школ

³⁸) Ibid., S. 4745—4746.

³⁹) АВПР. Канцелярия, 1913, д. 39, л. 19—20. Извольский Сазонову. Париж 24 (11 апреля) 1913 г.

⁴⁰) Там же. См. также выступление Ягова в рейхстаге по этому вопросу 16 апреля 1913 г. «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4797—4798.

в Китае было 241 — английских, 286 — американских и лишь 15 — немецких. В связи с этим он выступал за резкое увеличение числа германских школ в Китае, где после революции 1911 г. усиливалась борьба народных масс Китая против иностранных эксплуататоров⁴¹⁾.

Говоря об англо-германских отношениях в Малой Азии, Гекшер утверждал, что балканские события последних лет явились испытанием для Тройственного союза, который часто оказывался «большим». Однако, по его мнению, Тройственный союз именно в «последнее время снова проявил свою жизненную силу». Гекшер отметил рост франко-германских противоречий. Он подчеркнул, что происшествие в Нанси еще более ухудшит франко-германские отношения. Он стал сетовать далее на французский шовинизм, уверяя рейхстаг, что случай в Нанси дает новую пищу антигерманским настроениям. Он сослался на французские газеты, которые «изо дня в день выступают против Германии, против немецкого народа и культуры». Он указывал на «успехи французской авиационной техники» и требовал не ждать французского выступления, а действовать. Таким образом, Гекшер фактически призывал к превентивной войне против Франции.

В ходе обсуждения бюджета Германии на 1913 г. по ведомству иностранных дел обсуждалась и оценивалась вся внешняя политика германского правительства. Большинство депутатов рейхстага активно поддерживали империалистическую внешнюю политику Германии. Социал-демократ Ледебур говорил о «панславистских притязаниях» России: «Панславизм является лишь жалкой прозрачной маской», которая, по его словам, является выдумкой захватнической мировой политики русского царя, который хотел бы подчинить себе все славянские народы⁴²⁾.

О французском шовинизме говорил пангерманец депутат Мюллер: «Французский шовинизм много старше, чем немецкий». Мюллер напоминал левым социал-демократам, что именно депутат Жорес в газете «Юманите» указывал, что он всегда будет систематически травить «немецкий варваризм». Мюллер возлагал всю ответственность за ухудшение франко-германских отношений на французских шовинистов. Говоря о восточно-азиатском вопросе, Мюллер заявил, что от социал-демократов до консерваторов, от «Форвертс» до «Дейче цейтунг» парламент и пресса составили единое мнение о необходимости признания Китайской республики. Он также высказался за дипломатическое признание Китайской республики и призвал к резкой активизации германского проникновения в Китай⁴³⁾.

⁴¹⁾ «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4749—4750.

⁴²⁾ Ibid., S. 4771.

⁴³⁾ Ibid., S. 4777—4778.

Депутат Герцог говорил о положении на Балканах, подчеркнув, что в Триесте «славянские интересы оттесняют немецкие хозяйственные интересы, хотя он сделал оговорку, что это «не означает, что надо обращаться к политическим действиям». Герцог стремился доказать, что шовинизм во Франции усиливался еще до того, как был принят военный закон по увеличению германских молодых и сухопутных сил. Он уверял, что французский шовинизм является следствием того, что «преобладающая часть французского народа придерживается мысли о рванше»⁴⁴⁾.

Правые социал-демократы поддержали выступавших шовинистов и милитаристов. Однако антимилиитаристски настроенные члены социал-демократической фракции выступали против ярых националистов. Социал-демократ Вайль разоблачал французских и немецких шовинистов. Шовинизм, шовинистическое науськивание там (во Франции.— А. Б.) такое же, как и здесь,— говорил он. Он подверг критике шовинистические статьи, помещавшиеся в газете «Берлинер тагеблат». Вайль говорил, что «Берлинер тагеблат» выступала против сближения между Францией и Германией. Вайль высказался за автономию для Эльзас-Лотарингии, за мирное разрешение франко-германских противоречий⁴⁵⁾.

18 апреля 1913 г. Карл Либкнехт, выступая в рейхстаге, в яркой и образной форме разоблачил сущность военной политики и пропаганды германского империализма. Он говорил: «..В такое время, когда в «Крейццейтунг» некий господин советник мог написать: «Господи! Ниспошли нам снова войну!», когда «Консервативе корреспондент» может писать: «Война для нас была бы весьма кстати!» и когда господин генерал фон дер Гольц позволил себе заявить: «Когда же она, наконец, начнется!», в такое время, когда продолжающиеся вооружения прямо наводят на опасную мысль о превентивной войне, в такое время, когда господин фон дер Гольц публично заявил в Потсдаме в связи с чествованиями памяти Гюрка: «Нам не нужны образцы добродетели!», в такое время, господа, чрезвычайно интересно осветить ту область, которой до сих пор мало кто касался и тем самым вскрыть корни военной опасности, угрожающей народам Европы и особенно немецкому народу. Я хочу рассмотреть практику и происки поставщиков оружия для нашей армии»⁴⁶⁾.

К. Либкнехт в своем выступлении привел доказательства того, что военная пропаганда в значительной степени направлялась и субсидировалась магнатами тяжелой промышлен-

⁴⁴⁾ Ibid., S. 4781.

⁴⁵⁾ Ibid., S. 4788—4789.

⁴⁶⁾ См. К. Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи. М., 1961, стр. 182.

ности, а также указал на деловые связи немецких и французских монополий⁴⁷⁾.

На заседании 17 апреля 1913 г. вновь выступил военный министр Херинген. Он открещивался от связей с милитаристскими кругами из Оборонного союза и говорил, что этот «Союз не подчиняется военному министру». Пусть этим делом занимается ведомство внутренних дел,—говорил он. Херинген поддержал милитаристов из Оборонного союза заявлением, что это «не политическая организация, а патриотическая», что вызвало насмешки у левых социал-демократов. Херинген вместе с тем заявил, что «основные положения», которые ставит перед собой Оборонный союз, «могут приветствоваться армией как таковые». Он призывал поддерживать деятельность Оборонного союза⁴⁸⁾.

Национал-либерал Мумм говорил о патриотизме, затем об антипатриотизме — о пролетарском молодежном движении и о брошюре Карла Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм», о большом влиянии, которое оказывала эта книга на немецкую молодежь. В качестве сопоставления он привел сборник песен Фихте, в котором особо импонирует ему песня о немецкой верности. Мумм вновь поднимает вопрос о еврейских офицерах в армии. Он поддержал выступление юнкерской «Крейццейтунг», которая выступала против приема евреев в ряды офицерского корпуса⁴⁹⁾. Национал-либерал Геттинг подчеркивал, что для усиления германской армии необходимо 4 тысячи офицеров и 15 тысяч унтер-офицеров. Он говорил о необходимости улучшить пенсионное обеспечение офицеров. Национал-либералы и шовинисты кричали «браво», когда оратор заговорил о помощи офицерам — пенсионерам со стороны военного ведомства⁵⁰⁾.

Законопроект об усилении армии был утвержден рейхстагом подавляющим большинством голосов и получил силу закона, вступающего в действие с 1 октября 1913 г. За двухлетний срок (1911—1913 гг.) Германия в третий раз увеличивала состав армии мирного времени. С каждым годом идеологическая обработка населения усиливалась. Милитаристская пропаганда велась настолько широко и активно, что народные массы Германии не могли выступить единым фронтом против войны. Принятие закона 1913 г. об увеличении армии явилось важным моментом на пути подготовки германского империализма к первой мировой войне. Новое значительное увеличение германской армии вызвало контрмеры со стороны стран Антанты и повело к дальнейшему усилению международной напряженности.

⁴⁷⁾ Там же, стр. 183.

⁴⁸⁾ «Stenographische Berichte...», 1913, Bd. 289, S. 4865.

⁴⁹⁾ Ibid., S. 4868.

⁵⁰⁾ Ibid., S. 4873—4877.

**ВОПРОС ОБ АНГЛИЙСКИХ ВОЕННЫХ ДОЛГАХ
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В 1929—1932 гг.**

З. В. БАЛОБАЕВА

Вопрос о взаимоотношениях двух великих империалистических держав, Англии и США, в период между двумя мировыми войнами в той или иной степени освещался в трудах советских историков А. С. Ерусалимского, С. А. Иванова, А. Кодаченко, В. Лана, Ф. И. Нотовича, Л. В. Поздеевой, В. Г. Трухановского¹). Однако специальных работ, посвященных вопросу о влиянии проблемы военных долгов на развитие взаимоотношений Англии и США, в советской литературе нет, хотя многие советские и зарубежные авторы в своих общих работах выделяют эту проблему как одну из наиболее важных во взаимоотношениях держав в период от первой до второй мировой войны.

В американской и английской историографии имеется довольно обширный круг литературы, посвященной вопросу англо-американских отношений и проблеме военных долгов²).

¹) «Репарационный вопрос и военные долги». М., 1933. (См. вступительную статью А. Ерусалимского и С. Л. Иванова). А. Кодаченко. Англо-американское экономическое соперничество в период кризиса 1929—1933 гг. В сб. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», М., 1959. В. Лан. США от первой до второй мировой войны. М., 1947. Ф. И. Нотович. От первой до второй мировой войны. Ташкент, 1943. В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958.

²) Robert Allen. Why Hoover Faces Defeat. New York, 1932.

Thomas Bailey. A Diplomatic History of the American People. New York, 1958.

Fish, Angel, Hussey. The United States and Great Britain. Chicago, 1932.

Lloyd George. The Truth about Reparations and War Debts. London, 1932.

В оценке политики президента США (1929—1932) Герберта Гувера по вопросу об английских военных долгах Соединенным Штатам у английских и американских историков нет единого мнения.

Наиболее острой критике подвергается вопрос о тарифной политике правительства Гувера, которая оказала серьезное влияние на уплату долгов. Так, например, Д. Прайт пишет: «Платежи, которые не были обременительны в лучшие времена..., стали слишком тяжелы с приходом великой депрессии. Соединенные Штаты своей тарифной политикой способствовали ухудшению положения»³). Такой же точки зрения придерживается и Т. Бэйли, который считает, что «Республиканский конгресс в значительной мере способствовал этому ужасному процессу (кризису — З. Б.), когда в 1930 г. утвердил закон Хоули-Смута о повышении тарифов»⁴). Р. Аллен гораздо резче выражает свой взгляд по этому вопросу: «Имея такой большой и разносторонний опыт в международной торговле, какой имел президент (Гувер.— З. Б.), нельзя не сознать тот крах и ненависть, которые явились результатом незаконного и порочного тарифного билля Хоули-Смута»⁵). Резкой критике Р. Аллен подвергает мораторий Гувера на долговые платежи. «Мораторий президента, пишет он, просто-напросто сорвался и потерпел провал из-за его (президента.— З. Б.) робости и глупости»⁶). Аллен считает, что причиной падения Гувера является его «колоссальная некомпетентность» в политике, робость и недалекость в тех мероприятиях, которые он предпринимал. Маультон и Пазвольский склонны признать некоторый положительный эффект моратория, который, по их мнению, «действительно отсрочил, по крайней мере на время» дальнейшее трагическое развитие событий.

Некоторые английские и американские историки, признавая существование спорной проблемы военных долгов, пытаются доказать, что этот вопрос не играл большой роли во внешнеполитических взаимоотношениях Англии и США, не приводил к серьезным разногласиям, что эти государства на протяжении всего периода истории между двумя мировыми

Moulton and Pasvolsky. War Debts and World Prosperity. New York, 1932.

Julius Pratt. A History of the U. S. Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1957.

Reynolds. British Foreign Policy in the Inter—War Years. London, New York, Toronto, 1954.

Dorsey Richardson. Will They Pay? A Premier of the War Years.

³) J. W. Pratt. Op. cit., p. 570.

⁴) Th. Bailey. Op. cit., p. 664.

⁵) R. S. Allen. Op. cit., p. 47.

⁶) Ibid., p. 53.

войнами оставались добрыми друзьями и верными союзниками. Так, например, К. Фиш считает, что «отношения никаких других двух наций не были такими близкими, как отношения между Соединенными Штатами и Англией»⁷⁾. Он не отрицает, что иногда возникали спорные проблемы, которые довольно бурно обсуждались этими двумя странами, но «обе нации,— утверждает Фиш,— все-таки приходили к взаимопониманию через все споры и противоречия»⁸⁾. Причину подобного явления К. Фиш видит в общности языка. Для того, чтобы не возникло противоречий между этими двумя странами, по мнению другого автора Хасси, необходимо добиться гармонии в понимании самой идеи человеческих отношений, т. е. чтобы «равенство возможностей преобладало в отношениях между людьми и равенство суверенности в отношениях государств». Ни Англия, ни Соединенные Штаты, утверждает Хасси, не должны стремиться к возвышению друг над другом, «равенство в любой форме является тем балансиром, который не даст спровоцировать конфликт»⁹⁾.

Противоположную точку зрения по вопросу англо-американских отношений наиболее ярко выразил Л. Денни в книге «Америка завоевывает Британию». Он прямо заявляет о том, что «ошибочен уже и сам подход к англо-американским отношениям как к семейному делу»¹⁰⁾. Л. Денни открыто полемизирует с теми историками, которые утверждают, что война между Англией и США немыслима. «В современном мире,— пишет он,— который становится все более тесным, нет места для двух таких крупных, враждебных и грабительских империй как Великобритания и Америка. Или Великобритания добровольно признает гегемонию Америки, или эта гегемония будет утверждена в кровавых боях»¹¹⁾.

Автор данной статьи ставит своей задачей установить значение вопроса об уплате английского военного долга Англии Соединенным Штатам Америки в развитии взаимоотношений двух держав в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

Проблема уплаты долгов стран Антанты Соединенным Штатам возникла сразу после первой мировой войны и до 1932 г. оставалась причиной серьезных разногласий между США и их должниками. Английские историки Маультон и Пазвольский писали: «В течение 14 лет почти с самого момента, когда стихли орудия на военных фронтах Европы, вопрос о репарациях и военных долгах занимал внимание мира, накаляя страсти и давая почву для острой враждебности

⁷⁾ Fish, Angell, Hussey. Op. cit., p. 3.

⁸⁾ Ibid., p. 7.

⁹⁾ Ibid., p. 215.

¹⁰⁾ Л. Денни. Америка завоевывает Британию. М., 1932.

¹¹⁾ Л. Денни. Указ. соч., стр. 8.

и резких противоречий»¹²⁾. Американский историк Л. Денни также оценивает проблему долгов как «сложную и неприятную проблему»¹³⁾. «Для американского народа,— пишет он,— союзные долги представляют собою обязательства, которые иностранные правительства взяли на себя и которые должны быть выплачены. Для граждан союзных стран эти деньги — далеко не достаточная компенсация за наше позднее вступление в войну...»¹⁴⁾.

Долги Англии и других государств антигерманской коалиции Соединенным Штатам возникли в результате кредитов, представленных им, а также задолженность за поставки продовольствия, хлопка, снаряжения судов и оборудования. После того как Соединенные Штаты вступили в войну, американское правительство взяло на себя финансирование всех закупок, которые делали союзники в Америке. Все эти долги покрывались облигациями иностранных правительств. 28 государств, по американским данным, оказались должниками США. «Каждая держава, воевавшая в первой мировой войне, кроме Турции,— писали Маультон и Пазвольский,— находится сегодня либо в состоянии должника, либо кредитора, некоторые из них являющиеся одновременно и должниками и кредиторами»¹⁵⁾. Они приводят следующие данные относительно наиболее крупных должников США — Англии, Франции и Италии в долларах¹⁶⁾.

Страна	Сумма основного долга	Сумма процентов	Общая сумма долга с процентами	Годовые проценты
Франция	4025000000	2822674104	6847674104	1,6
Англия	4600000000	6505965000	11105965000	3,3
Италия	2042000000	365677500	2407677500	0,4

Общий долг европейских стран США вместе с процентами составил более 22 млрд. долларов. Больше всех задолжала Соединенным Штатам Англия, ее долг, включая проценты, превышал 11 млрд. долларов. Столь большая задолженность ставила в затруднительное положение правительства европейских стран-должников. Экономика большинства из них была в значительной степени подорвана войной и не могла служить источником для выполнения финансовых обязательств перед Соединенными Штатами. Поэтому страны-победительницы, ныне должники США, возлагали большие надежды на

¹²⁾ Moulton and Pasvolsky. Op. cit., p. 3.

¹³⁾ Л. Денни. Указ. соч., стр. 169.

¹⁴⁾ Там же.

¹⁵⁾ Moulton and Pasvolsky. Op. cit., p. 5.

¹⁶⁾ Ibid., p. 91.

германские репарации, за счет которых они надеялись погасить свою задолженность Америке. Как известно, Парижская мирная конференция не решила вопрос о репарациях. Конференция в Спа, не определив общей суммы репараций, лишь установила долю каждого из союзников: Франции — 52%, Великобритании — 22, Италии — 10, Японии — 0,75, Бельгии — 8% и т. д.¹⁷⁾. Практически, однако, оказалось, что получить репарации с Германии не такое легкое дело. И трудность заключалась не только в том, что Германия не хотела их платить, решению этой проблемы препятствовали серьезные противоречия, существовавшие между бывшими союзниками.

Экономика Франции больше всего пострадала от войны. Франция должна была получить большую часть германских репараций, а поэтому, естественно, что французская дипломатия делала все возможное, чтобы ускорить их выплату. Кроме того, для Франции борьба за возможно большие репарации являлась частью борьбы за гегемонию на континенте.

В отличие от Франции английская промышленность избежала разрушительных последствий войны. Главные трудности, которые испытывала английская экономика, были вызваны не прямыми последствиями военных действий, а резким сокращением спроса на английские товары на европейском рынке. Англия, с одной стороны, пыталась ослабить экономические позиции Германии как своего конкурента, но сохранить ее как рынок для своих товаров и как серьезный противовес Франции, стремившейся установить гегемонию в Европе.

К укреплению своих позиций в Европе стремились Соединенные Штаты Америки. Под видом «помощи» в восстановлении разрушенного войной хозяйства монополии США активно боролись за упрочение своих позиций на европейском рынке. Центральным звеном в осуществлении этой политики являлась Германия. Острая нужда ее в иностранных займах и готовность платить высокие проценты вызывали особенно большой интерес Уолл-стрита. Однако не могло быть и речи о скольконибудь широких американских капиталовложениях в германскую экономику в условиях, когда Германия находилась под постоянной угрозой репрессивных мер со стороны Франции и финансового краха. Указанные соображения определяли позицию США в репарационном вопросе: они считали необходимым облегчить германские репарации, и когда союзники попытались поставить вопрос о прямой зависимости выплаты своих долгов Соединенным Штатам от получения репараций с Германии, те решительно возражали. Отказ американского сената ратифицировать Версальский договор и затем победа республиканцев на выборах осенью 1920 г. открыли во внешней политике США полосу так называемого «изоляционизма».

¹⁷⁾ История дипломатии. т. III, М., 1965, стр. 212.

Теперь под видом невмешательства в европейские дела Соединенные Штаты упорно отвечали отказом на все попытки своих должников поставить вопрос о выплате военных долгов в зависимости от получения репараций с Германии. Гувер, например, прямо заявлял, что «...репарации представляют полностью европейскую проблему, к которой мы не имеем отношения»¹⁸⁾. Признание зависимости выплаты военных долгов от получения репараций противоречило интересам магнатов американского финансового капитала, которые стремились получить военные долги с Англии, Франции и Италии и в то же время не собирались поступаться доходами от капиталов, вложенных в Германию.

Правительство Соединенных Штатов Америки вело длительную борьбу с Англией, Францией, Италией и другими государствами, добиваясь выплаты военных долгов. На Парижской мирной конференции США не захотели вступить в какую бы то ни было дискуссию о сокращении суммы военных долгов. Однако попытки союзников вновь поставить этот вопрос не прекращались. В начале 1920 г. они вновь попытались получить согласие Америки на полную отмену военных долгов. Инициатива исходила от Англии. Маультон и Пазвольский писали: «Прямая попытка предложить аннулирование долгов была сделана Великобританией в феврале 1920 г. и повторена через пять дней в прямом послании министра финансов Англии... До этого времени вопрос об аннулировании долгов не был оформлен в виде официального предложения»¹⁹⁾. В 1922 г. Англия обещала простить своим должникам их долги, если Америка спишет долги Англии. Но «Соединенные Штаты, как пишет Джексон,— не обнаружили склонности подхватить этот намек»²⁰⁾.

В 1923 г. было подписано соглашение между Великобританией и США, по которому Англия признала свой долг в сумме 2 200 млн. фунтов стерлингов и обязывалась его выплачивать. Соединенные Штаты сделали некоторую уступку Англии, сократив ее долг на 30%. Средний годовой процент был назначен в 3,3%. Выплата долга должна была происходить в течение 62 лет. Англия пошла на урегулирование своего долга США с тем, чтобы укрепить позиции фунта стерлингов в заграничных финансовых операциях.

Франция и Италия, финансовое положение которых было довольно тяжелым, упорно добивались сокращения суммы долгов и льгот по их выплате. Франция подписала соглашение о долгах в 1926 г., а ратифицировала только в 1929, при этом США сделали Франции гораздо большие уступки, чем Англии,

¹⁸⁾ Сб. «Репарационный вопрос и военные долги», стр. 47.

¹⁹⁾ Moulton and Pasvol'sky. Op. cit., p. 60.

²⁰⁾ Д. Джексон. Послевоенный мир. М., 1937, стр. 63.

в частности, сократили сумму долга на 60,3% и установили средний годовой процент в 1,6%. Вслед за Францией подписала долговое соглашение Италия, причем США вынуждены были сделать ей еще большую уступку. Муссолини фактически был подкуплен крупным частным займом, общая сумма долга Италии была сокращена на 80,2%, при среднем годовом проценте 0,4%. Таким образом, Англия, которая урегулировала вопрос о выплате долгов первой, оказалась в невыгодном положении по сравнению с другими странами-должниками США, что вызывало серьезное недовольство правящих кругов Великобритании.

Особую остроту проблема военных долгов в англо-американских отношениях приобрела вследствие того, что положение этих стран на мировой арене после первой мировой войны стало существенно меняться. Соединенные Штаты подрывают экономические позиции Англии в мире. Финансовую задолженность Англии Л. Денни склонен считать одной из причин ослабления позиций Великобритании и роста могущества США. «Военные долги союзников,— пишет он,— вот одна из причин роста американского финансового могущества и одна из причин снижения финансовой мощи Англии»²¹).

Вступление Соединенных Штатов в полосу экономического кризиса в 1929 г. сопровождалось серьезными политическими осложнениями в отношениях между США, с одной стороны, и их должниками,— с другой. Кризис ослабил позиции США в ряде стран. Размеры старых инвестиций за границей сокращались. Экспорт новых американских капиталов приостановился. Престиж доллара упал. В начале экономического кризиса Гувер и его правительство были настроены оптимистически. В такой стране, как США, где золотой запас превышал 4 млрд. долларов и где излишки бюджета исчислялись сотнями миллионов, бороться с кризисом, по мнению Гувера, было нетрудно. Однако экономика США погружалась во все больший хаос, никакие правительственные мероприятия не давали положительного эффекта. Определяя значение кризиса, Эдвин Гэй, профессор экономики Гарвардского университета писал: «Опасность настоящей ситуации заключается не просто в страдании большого числа людей, а в возникающем вопросе относительно силы и характера нашей экономической структуры...»²²).

Экономический кризис привел к тому, что цены на различные товары падали все больше, что в конечном итоге привело к положению, при котором должники Соединенных Штатов Америки должны были продавать в два раза больше товаров для выплаты, долга, что в условиях кризиса было совершенно

²¹) Л. Денни. Указ. соч., стр. 168.

²²) «Foreign Affairs», July 1932, p.529.

невозможно. Следует отметить, что проблема долгов в отношениях Англии и США наиболее осложнилась в 1931 г., до этого времени платежи в счет погашения долговых обязательств со стороны Англии поступали более или менее регулярно. Это обострение было связано с повышением ввозных пошлин в США.

Известно, что ни репарации, ни межсоюзнические долги в золотом исчислении не платились, потому что Германия, Англия и другие европейские государства не имели достаточных запасов золота. В силу этого платежи производились в форме товарных поставок. Поставляя товары в Соединенные Штаты, Англия и другие государства-должники добивались понижения американских таможенных тарифов. Однако в поисках путей выхода из кризиса правительство Гувера подняло ввозные пошлины в США. Новый тарифный закон, установивший самые высокие в истории США таможенные пошлины, был внесен в конгресс в 1929 г. через два месяца после прихода Гувера к власти. Однако принят он был только в 1930 г. Этот тариф вошел в историю под названием тарифа Хоули-Смута.

Повышение ввозных пошлин вызвало глубокое недовольство в Англии и Франции. Журнал «Foreign affairs» писал, что «реакция Европы на подписание тарифа Хоули-Смута была немедленной, единодушной и отрицательной... Английские газеты сравнивали тариф с германской атакой 1914 г.»²³). В самой Америке свыше 1000 экономистов подписали коллективный протест. «1028 американских экономистов,— писал Бэйли,— направили послание президенту Гуверу, призывая его запретить тариф..., но Гувер, безусловно сознавая, что запрещение нанесет ущерб его партии на приближающихся выборах в конгресс, не только подписал тариф Хоули-Смута, но старательно защищал его сразу после утверждения и позднее»²⁴). Профессор политэкономии Гарвардского университета писал, что «даже для человека с улицы теперь очевидно, что это (тариф — З. Б.) было бы большой ошибкой, давайте выберем лучший путь»²⁵). Недовольство Англии в отношении тарифа было особенно сильным. Л. Денни писал, что «этот билль ударял по английской торговле увеличением пошлины на химикалии, масла и краски, металлические изделия, текстильные товары, фаянс и другие изделия»²⁶), т. е. товары, которые представляли главную статью экспорта Англии в США. Увеличение ввозных пошлин в США ухудшило возможности европейских стран в отношении выплаты военных долгов, так как доходы от экспорта резко сократились.

²³) «Foreign Affairs», October 1930, p. 13.

²⁴) Th. Bailey. Op. cit., p. 665.

²⁵) «Foreign Affairs», April 1933, p. 405.

²⁶) Л. Денни. Указ. соч., стр. 72.

В связи с новым тарифным законом в США, Англия и Франция вновь поднимают вопрос о связи долгов с репарациями. Соединенные Штаты не могли принудить платить долги европейские государства, которые делали взносы в счет погашения долга после поступления репараций с Германии, а последняя, в связи с экономическим кризисом, настойчиво добивалась моратория на выплату репараций. Лидер английских либералов Ллойд Джордж так оценивал сложившуюся ситуацию: «Мы движемся в замкнутом кругу. Германию заставили продавать свои товары за границей, чтобы платить репарации. Страны-кредиторы подняли тарифы, чтобы защитить свою промышленность от конкуренции этих товаров, — тех самых товаров, доходы от продажи которых требуют в качестве репараций с Германии... Вот почему, когда США требуют платежей военных долгов от союзных государств Британии, Франции, Италии, это в свою очередь вызывает требование к Германии. Германия делает неистовые усилия продать свои товары где-нибудь, чтобы достать деньги для платежей, но она обнаруживает, что тарифные барьеры перед ее товарами поднимаются все выше и выше. Наконец, тариф Хоули-Смута вдребезги разбил надежду Германии заплатить Америке, и Германия потерпела Крушение²⁷⁾».

Правительство Соединенных Штатов по-прежнему настаивало на выплате долгов и отказывалось признать взаимосвязь между долгами и репарациями. Гувер говорил, что «в вопросе о репарациях и других межгосударственных долгах, связанных с войной, наша позиция полностью отличается от позиции государств, которые являются одновременно и должниками и кредиторами»²⁸⁾. В связи с подобной политикой Америки по вопросу военных долгов и ухудшенном экономическом положении в Германии, должники все громче начинают говорить об аннулировании долгов. В Англии резко усиливаются антиамериканские настроения. Л. Денни писал: «Продолжая внимание долгов, мы вызываем ненависть Англии и всей Европы к нам; мы дорогой ценой покрываем эти платежи. Ненависть эта приняла такие размеры, что Вашингтон уже должен с ней считаться — она действует тлетворно на наши международные связи и затрудняет осуществление многих наших планов»²⁹⁾.

Ллойд Джордж предупреждал американское правительство, что «если Америка успешно настоит на продолжении платежей союзниками, несмотря на то, что они не получают репараций, которыми они могли платить, она только приведет эти страны... к повторению невыполнения обязательств и все-

²⁷⁾ Lloyd George. Op. cit., y. 5.

²⁸⁾ The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover. v. 2, New York, 1934, p. 488.

²⁹⁾ Л. Денни. Указ. соч., стр. 172.

общему банкротству»³⁰). Правительство Великобритании запугивало правящие круги США возможностью революционного взрыва в Европе. В июне 1931 г. премьер-министр Англии Макдональд в беседе с американским поверенным в делах в Лондоне Атертоном говорил о том, что «дела в Европе движутся в опасном направлении», когда Атертон спросил его «ждет ли он войну?», то Макдональд ответил: «Нет, революцию»³¹). В тот же день Макдональд лично обратился с письмом к Стимсону, в котором писал так: «... насколько мне известно, президент и вы полностью осведомлены о ситуации и поможете нам облегчить ее, если обстоятельства политические и другие позволяют вам это»³²).

18 июня 1931 г. Атертон снова сообщал в Вашингтон после беседы с Макдональдом и Гендерсоном: «Мое личное мнение, с точки зрения той обстановки, которая сейчас сложилась, заключается в том, что справедливости ради президент должен проявить инициативу в отсрочке платежей. Франция без платежей со стороны Германии, несомненно откажется выплачивать долги... и другие страны вероятнее всего последуют за ней»³³).

Когда германское правительство довело до сведения Англии, Франции и других государств, что Германия не может платить взносы по репарациям, то Франция оказала нажим на Германию и Австрию, требуя от банков этих стран уплаты краткосрочных французских займов, которые оценивались в 300 млн. долларов. Требования Франции ухудшили финансовое положение Германии³⁴).

К весне 1931 г. финансовое экономическое положение капиталистических стран Европы было очень тяжелым. В США стали опасаться, что углубление кризиса не только положит конец платежам военных долгов, но может повести к потерям сотен миллионов долларов, вложенных американскими монополиями в европейских государствах. В связи с этим в американской прессе появляются высказывания о том, что своим упорством США могут заставить должников просто отказаться от уплаты долгов. Т. Бейли писал, что «США своим отказом пересмотреть военные долги в свете всемирной депрессии, наконец, прижали своих должников к стене»³⁵). Маультон и Пазвольский, характеризуя международную об-

³⁰) Lloyd George. Op. cit., p. 124.

³¹) Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. (в дальнейшем — «F.R.»), v. 1, 1931. Washington, 1946, p. 8. Американский поверенный в Англии Атертон государственному секретарю. Лондон, 8 июня 1931 г.

³²) Ibid., p. 13.

³³) Ibid., p. 25.

³⁴) J. W. Pratt. Op. cit., p. 568.

³⁵) Th. Bailey. Op. cit., 669.

становку, также замечали, что «необходимость какого-либо решения в отношении репарационных платежей и военных долгов стала предметом ожесточенной дискуссии в деловых и политических кругах как в Америке, так и в Европе...»³⁶⁾.

В такой обстановке правительство США вынуждено было согласиться на установление годичного моратория на выплаты репараций и долгов. Посол США в Лондоне Дауэс писал в своем дневнике: «Нью-Йоркские банкиры постоянно звонили Гуверу..., требуя правительственной помощи в облегчении европейской ситуации»³⁷⁾. Гувер объявил о своем решении предложить мораторий в начале июня 1931 г.³⁸⁾. Прежде чем выносить этот вопрос на рассмотрение конгресса, Гувер неофициально заручился поддержкой большинства сенаторов. Была проведена консультация с английским правительством. Английский посол в Вашингтоне Линдси в письме министру финансов Англии Гендерсону подробно изложил существо предложений Гувера³⁹⁾. Английское правительство приветствовало решение Гувера о моратории. 24 июня 1931 г. британский министр финансов сделал заявление в палате общин, в котором говорил о том, что правительство Англии «полностью поддерживает основные предложения президента Гувера и готово сотрудничать в выработке деталей с тем, чтобы без промедления практически воплотить эти предложения»⁴⁰⁾.

Англия целиком поддержала инициативу Гувера, потому что английский банковский капитал был заинтересован в восстановлении платежеспособности Германии не менее американского; мораторий отвечал также стремлениям Англии добиться одновременного аннулирования репараций и межсоюзнических долгов⁴¹⁾. Обсуждение предложений правительства Гувера состоялось в конгрессе в декабре 1931 г. Выступая с посланием конгрессу, Гувер говорил, что предлагает «... отсрочку на год всех платежей в счет межсоюзнических долгов и репараций, конечно, не включая обязательства правительств, данные частным компаниям»⁴²⁾. Вместе с тем президент подчеркивал: «... я не в малейшей степени не одобряю аннулирование союзнических долгов. Подобной акцией нельзя

³⁶⁾ Moulton and Pasvolsky: Op. cit., p. 302.

³⁷⁾ Dawes. Journal as Ambassador to Great Britain. New York. 1939.

³⁸⁾ H. Hoover. The Memoirs of Herbert Hoover. The Great Depression, 1921—1941. New York, 1952. v. 3; p. 67.

³⁹⁾ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939, в дальнейшем — «B. D.»; v. 2, 1931, p. 70. Линдси Гендерсону. Вашингтон, 6 июня 1931 г.

⁴⁰⁾ «F. R.» v. 1, 1931, p. 205. Заявление Сноудена в палате общин. Английский посол Линдси помощнику государственного секретаря Кастлу. Вашингтон, 24 июля 1931 г.

⁴¹⁾ Сб. «Репарационный вопрос и военные долги», стр. 12.

⁴²⁾ American Foreign Policy. A Documentary Survey, 1776—1960. Ed. by Goebel. New York, 1961, p. 260.

было бы повысить доверие мира»⁴³). В послании Гувер ни слова не сказал о том недовольстве, которое вызвал мораторий во Франции, Он заявил, что «все главные правительства-кредиторы приняли его предложения»⁴⁴). Обращаясь к конгрессу с просьбой утвердить мораторий, президент делает ударение на экономической ситуации в Европе, когда «часть государств-должников будет не в состоянии сделать очередной взнос в обстановке ожидания восстановления нормальной экономической жизни»⁴⁵).

Предложение президента о моратории было принято в сенате 79 голосами, а против — 15, в палате представителей 317 голосами против 100. 23 декабря билль о моратории был утвержден. Одновременно с этим сенат принимает резолюцию, в которой еще раз подчеркивается, что мораторий не означает отмены межсоюзнических долгов. В частности, в ней говорилось, что «противоречит политике конгресса», чтобы долги иностранных государств «были каким бы то ни было образом устранены или сокращены»⁴⁶) и что «регулярные сроки уплаты долгов должны быть продолжены 15 декабря 1932 г. после окончания моратория»⁴⁷). Таким образом, правящие круги США решительно настаивали на выплате военных долгов.

Мораторий Гувера был направлен прежде всего на то, чтобы помочь германскому монополистическому капиталу сохранить свои позиции в Германии. Американские вложения в немецкую промышленность были слишком велики, чтобы Америка могла рисковать ими. Посол в Англии Дауэс прямо писал, что «... предложения президента — моральная поддержка Германии в ее ситуации и ободрение иностранных кредиторов Германии, включая наших собственных»⁴⁸).

Финансовое положение Великобритании продолжало оставаться тяжелым. В июле 1931 г. появилась угроза банкротства Английского банка. 1 августа английское правительство попросило у американских частных банков заем на 250 млн. долларов. Однако 5 августа 1931 г. последовало новое понижение валютного курса, а 26 августа Англия попросила новый заем у США в 400 млн. долларов, этот заем также был представлен, но, как писал Гувер, «оба займа послужили тому, чтобы создать общий ужас»⁴⁹). Паника перекинулась в США, Гувер объяснял это следующим образом: «Из этого (паника

⁴³) «F. R.», v. 1, 1931, p. XXIV. Message of Desember 10, 1931 to the Senate and House of Representatives: World War Depts Postponement.

⁴⁴) Ibid., p. XXV.

⁴⁵) Ibidem.

⁴⁶) The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover. p. 96.

⁴⁷) Ibidem.

⁴⁸) Dawes. Op. cit., p. 361.

⁴⁹) H. Hoover. The Memoirs of Herbert Hoover, v. 3, p. 82.

в Англии. — 3. Б.) иностранцы заключили, что США будут следующей ступенью в крушении международной стабильности. Они начали снимать вклады из наших банков в золотой валюте. К концу октября мы потеряли около 700 млн. долларов нашего золотого запаса»⁵⁰).

Влиятельные круги в Англии продолжали кампанию за полную ликвидацию военных долгов. По этому вопросу правительство Англии стремится установить общность действий с Францией. В декабре 1931 г. Англия сделала официальное предложение Франции сотрудничать в решении вопросов о долгах. В меморандуме от 16 декабря 1931 г. отмечалось, что «Правительство Его величества заявляет о своем постоянном стремлении к близкому сотрудничеству с французским правительством в решении проблемы репараций и попытается путем дружеской дискуссии достичь соглашения в отношении лучшего метода восстановления мира и процветания в Европе, что является общей целью обоих государств»⁵¹). В декабре 1931 г. состоялись переговоры между представителем Великобритании Лейт-Россом и министром финансов Франции Фланденом, во время которых произошел обмен мнениями по вопросу репараций и военных долгов. Фланден прямо поставил вопрос об отношении Англии к Соединенным Штатам, на что Лейт-Росс осторожно ответил, что «это как раз тот самый вопрос, по которому британское правительство хотело бы знать точку зрения Франции»⁵²), а в отношении существа вопроса он ответил, что точка зрения правительства Великобритании еще не определилась, что они колеблются между стремлением либо «добиться лучшего варианта решения с Америкой.., а затем предпринять шаги договориться с Европой, либо объединиться с остальной Европой в попытке генерального пересмотра долгов»⁵³). Причем далее он обращает внимание французам на тот факт, что «последнее было традиционной политикой Англии, но вряд ли американский конгресс пойдет на отказ от долгов...»⁵⁴).

Фланден предложил, чтобы европейские должники обсудили «сложившуюся обстановку между собой и приняли совместное общее решение» относительно выплаты долгов. Представитель Англии также высказался за «необходимость полного единства» в противном случае, если «одно государство будет готово заплатить Америке, нет сомнения, что и другие вынуж-

⁵⁰) Ibidem.

⁵¹) «B. D.», v. 2, p. 371. Memorandum, Foreign Office, December 16, 1931.

⁵²) Ibid., p. 380.

⁵³) Ibidem.

⁵⁴) Ibidem.

дены будут сделать то же самое ради их собственного кредита»⁵⁵).

В декабре 1931 г. стали известны доклады комитетов экспертов, изучавших проблемы репараций. Один из них был создан после Лондонской конференции в июле, другой—в декабре, по просьбе германского правительства. 23 декабря Базельский комитет экспертов опубликовал свой доклад, который констатировал, что по истечении срока моратория Гувера Германия не сможет возобновить платежи в счет репараций. «Приспособление вопроса межсоюзнических долгов в целом к нынешнему критическому мировому положению,— говорилось в докладе,— приспособление, которое должно быть осуществлено без промедления, во избежание новых катастроф. является единственно надежным средством восстановить доверие, которое само по себе представляет условие экономической стабильности и подлинного мира»⁵⁶).

В сложившейся обстановке глава английского правительства Макдональд предложил немедленно созвать конференцию стран-должников США. «Доклад экспертов показал вполне ясно,— заявил Макдональд,— что правительства должны собраться, не тратя ни единого дня на ненужную отсрочку...»⁵⁷). 30 декабря британское правительство делает официальное предложение о созыве конференции. Предлагалось созвать конференцию в Лозанне 13 января 1932 г. 9 января 1932 г. французская пресса опубликовала заявление германского канцлера Брюнинга британскому послу в Берлине о том, что «Германия не сможет в дальнейшем выплачивать репарации»⁵⁸).

Англия направляет все усилия на скорейший созыв конференции, однако выявились англо-французские противоречия по вопросу о репарациях с Германией. Французское правительство настаивало на «предварительных переговорах между заинтересованными державами, что является необходимым для успеха всего мероприятия»⁵⁹). Вследствие того, что определенной договоренности не было достигнуто, конференцию перенесли на 13 февраля 1932 г. Однако эта дата также оказалась неприемлемой, и окончательным решением держав было созвать конференцию в Лозанне 16 июня 1932 г. В период подготовки конференции большую сенсацию вызвало сообщение о том, что очередной британский бюджет, внесенный в палату

⁵⁵) «В. Д.» 2, в. 2, р. 381. Запись беседы Лейт-Росса и Фландена от 19 декабря относительно германских репараций и военных долгов. Получено в Форин Оффис 22 декабря 1931 г.

⁵⁶) Эд. Эрриго. Из прошлого. Между двумя войнами 1914—1936. М., 1958, стр. 395.

⁵⁷) Сб. «Репарационный вопрос и военные долги», стр. 20.

⁵⁸) «F. R.» 2, в. 1, 1932, р. 656. Посол во Франции Эйдж государственно-му секретарю. Париж, 25 января 1932 г.

⁵⁹) Moulton and Pasvolsky. Op. cit., p. 354.

общин министром финансов Чемберленом (27 апреля 1932 г.), не предусматривал на предстоящий финансовый год ни полученных по репарациям или военным долгам от европейских должников Англии, ни платежей по военному долгу США. Правда, Чемберлен оговорился, что, когда определится исход Лозаннской конференции и других переговоров, правительство, может быть, внесет дополнительный финансовый билль. Подобный жест несомненно демонстрировал готовность Англии к одновременному списанию долгов и репараций.

В начале июня 1932 г. во Франции в результате парламентских выборов к власти пришло правительство радикалов и радикал-социалистов во главе с Эдуардом Эррио. Позиция нового французского правительства по вопросу о репарациях была изложена в правительственной декларации 7 июня 1932 г., где говорилось: «Что касается репараций, Франция не может допустить, чтобы оспаривали права, вытекающие не только из договоров, но и из договорных соглашений, соблюдение которых гарантируют поставленные под ними подписи»⁶⁰). На заседании совета министров Эррио прямо заявил относительно репараций: «...никакого аннулирования»⁶¹). Французское правительство еще не потеряло надежду задержать экономический и военный рост Германии при помощи изъятия капиталов из страны в виде репараций. Подобная позиция Франции противоречила политике Великобритании.

Американские дипломаты были встревожены возможностью совместного англо-французского выступления. Американский посол в Париже Эйдж писал в государственный департамент: «Если Великобритания и Франция смогут договориться об общей политической линии, а дискуссия относительно этого, разумеется, будет продолжаться и после июня, они затем совместно выступят перед Соединенными Штатами в тот же самый день, когда произойдут выборы в Америке, т. е. около 15 ноября, потребуют упорядочения вопроса о военных долгах или их аннулирования в зависимости от того, к какому решению они придут относительно Германии»⁶²). Однако англо-французские противоречия не дали возможности установить общую позицию двух держав по вопросу о репарациях и долгах. 11 июня 1932 г. Макдональд встретился с Эррио и предложил заключить между Англией и Францией предварительное соглашение на основе договоренности о полной отмене репараций. Эррио отказался. Франция и Англия так и не пришли к единому решению по вопросу о репарациях с Германией. Обстановка на Лозаннской конференции была напряженной.

⁶⁰) Э. д. Эррио. Указ. соч., стр. 383.

⁶¹) Там же, стр. 386.

⁶²) «F. R.» v. 1, 1932, p. 656. Посол во Франции Эйдж государственному секретарю. Париж, 25 января 1932 г.

Женевьева Табуи писала: «Заседания проходят в накаленной атмосфере. Макдональд, который в очень плохом настроении, все время заявляет, что «следует аннулировать все долги»⁶³).

Решение Лозаннской конференции были оформлены в заключительном соглашении. Общая сумма германских репараций должна была быть сокращена до 714 млн. долларов при условии, если США аннулируют или, по крайней мере, соответственно сократят военные долги. В частности, в этом документе говорилось: «Впоследствии, если удовлетворительное соглашение о их собственных долгах (долгах союзников.— З. Б.) будет достигнуто, вышеупомянутые державы-кредиторы ратифицируют это соглашение и договор с Германией войдет в действие. Но если такое соглашение не будет достигнуто, то договор с Германией не должен быть ратифицирован»⁶⁴).

Таким образом, окончательное решение репарационной проблемы было поставлено в зависимость от соглашения с Соединенными Штатами Америки по вопросу о долгах. Американский дипломат Гибсон сообщал после конференции в Вашингтон: «Парижское издание «Нью-Йорк геральд» 11 июля опубликовало заявление корреспондента из Лозанны, что все делегации в Лозанне считают пересмотр военных долгов неизбежным и близким событием, так как англичане и французы находятся в постоянном контакте с Вашингтоном через Дэвиса и меня»⁶⁵). После подписания лозаннского соглашения переговоры Англии с Францией были продолжены. 13 июля 1932 г. американский поверенный во Франции сообщал: «... в результате вчерашних переговоров между Эррио и британским послом, а позднее и с президентом Франции дипломатическое событие величайшего значения готово совершиться между Францией и Великобританией»⁶⁶).

14 июля британский посол в Вашингтоне Линдси сообщил государственному секретарю о франко-английском соглашении. Линдси уверял при этом Вашингтон, что его правительство не хочет, чтобы США подозревали какую-либо комбинацию между Францией и Англией против США, что этот момент они всегда принимали во внимание, когда хотели установить союз с Францией»⁶⁷).

⁶³) Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 159.

⁶⁴) «F. R.», v. 1, 1932, p. 688. Консул в Базеле Кохан государственному секретарю. Базель 12 июля 1932 г.

⁶⁵) «F. R.», v. 1, 1932, p. 687. Председатель американской делегации на конференции по разоружению Гибсон государственному секретарю.

⁶⁶) «F. R.», v. 1, 1932, p. 692. Американский поверенный во Франции Армоур государственному секретарю. Париж, 12 июля 1932 г.

⁶⁷) Там же. Меморандум государственного секретаря о беседе с английским послом Линдси. Вашингтон, 14 июля 1932 г.

Несмотря на оговорку, сделанную послом, фронт против США был налицо. В том же разговоре с послом Стимсон заметил относительно англо-французского соглашения «... это представляется попыткой организовать единый фронт против нас и заставить нас отказаться от метода решения вопроса о военных долгах индивидуально с каждой нацией-должником». В тот же день, 14 июля, британское посольство сообщило государственному департаменту условия англо-французского соглашения.

Союзникам необходимо было как можно скорее реализовать лозаннское соглашение. Следовательно, должен был состояться разговор относительно военных долгов, и он не заставил себя ждать. Приближался срок, когда Англия и другие должники США должны были сделать первый после моратория взнос в счет долгов. 10 ноября Линдси сообщил в государственный департамент, что «британское правительство выражает надежду, что режим межгосударственных финансовых обязательств, который существует в настоящее время, будет пересмотрен»⁶⁸). Он также заметил, что его правительство заинтересовано в скорейшем решении этого вопроса, а поэтому надеется, что американское правительство найдет способ обменяться мнениями в ближайший по возможности момент»⁶⁹). Англия аргументировала свое требование тем, что та обстановка, в которой вопрос о долгах имел свое решение, является «несовместимой с настоящей экономической организацией мира, и что какое-либо признание этих платежей есть стремление усугубить пагубность современного кризиса и подвергнуть риску все усилия преодолеть его»⁷⁰).

Английским послом была также передана нота английского правительства правительству США, в которой содержалось требование отложить очередной взнос в счет погашения долга до окончательного решения этого вопроса. Англия вновь заявляла, что в условиях настоящей депрессии она не имеет возможности вносить необходимые платежи. В ответ на эту ноту последовала декларация Гувера от 12 ноября 1932 г., в которой он заявлял: «Надо иметь в виду, что у нас нет никаких обязательств по отношению к другим, и поэтому какая бы то ни была уступка в вопросе о причитающихся нам долгах не могла бы ни в целом, ни частью уравниваться уступками, предоставленными нам по поводу наших собственных обязательств перед державами-кредиторами или перед другими странами. Наоборот, всякая сделанная нами подобная уступка неизбежно переложила бы налоги, обременяющие

⁶⁸) «F. R.», v. 1, 1932, p. 755. Английский посол в США Линдси государственному секретарю. Вашингтон, 10 ноября 1932 г.

⁶⁹) Там же.

⁷⁰) «F. R.», v. 1, 1932, p. 764. Английское посольство государственному департаменту. Вашингтон, 1 декабря 1932 г.

налогоплательщиков в некоторых государствах, на плечи наших собственных налогоплательщиков, к тому же без всякой возможности какой-либо компенсации»⁷¹⁾.

Государственный секретарь США Стимсон, отклоняя предложения Англии о ликвидации военных долгов, заявлял: «Я не уверен в том факте, что мировая депрессия и сопутствующее ей падение цен, увеличила тяжесть долгов во многих странах мира... С другой стороны, не надо забывать, что все эти черты депрессии упали большим грузом и на американский народ... Я не вижу ни одного положения в вашей ноте, которое могло бы убедить конгресс США действовать как-то иначе чем он действовал до сих пор»⁷²⁾.

После выборов в ноябре 1932 г. Гувер постарался переложить на Рузвельта задачу непопулярной отсрочки очередных долговых платежей. Рузвельт не пожелал вмешиваться в эту проблему. Тогда Гувер отказался продлить мораторий. Окончательное решение всей проблемы долгов, таким образом, было отложено до официального вступления Рузвельта в должность президента.

Обсуждение вопроса об уплате долгов показало наличие серьезных англо-американских противоречий. 15 декабря 1932 г. после безуспешного обмена шестью нотами с правительством США Великобритания внесла очередной взнос в счет долга, но одновременно с этим заявила, что взнос будет последним и предлагала урегулировать данную проблему путем переговоров. Возможность дальнейших переговоров по вопросу о долгах американское правительство оговаривало рядом условий. Президент Гувер заявил, что США смогут вести переговоры о долгах лишь с теми государствами, которые произвели очередные платежи до 15 декабря 1932 г. Вместе с тем подчеркивалось, что «военные долги могут обсуждаться только с отдельными государствами, и они не должны являться предметом коллективной дискуссии»⁷³⁾. Однако, как писал Пратт: «Практически платежи репараций и военных долгов (исключая Финляндию) закончились вместе с мораторием Гувера»⁷⁴⁾.

Обсуждение вопроса о выплате военных долгов Великобритании Соединенным Штатам Америки показало наличие острых противоречий между двумя государствами и повело к ухудшению англо-американских отношений.

⁷¹⁾ Сб. «Репарационный вопрос и военные долги», стр. 166.

⁷²⁾ «F. R. », v. 1, 1932, p. 757. Государственный секретарь английскому послу Линдси. Вашингтон, 23 ноября 1932 г.

⁷³⁾ Сб. «Репарационный вопрос и военные долги», стр. 42.

⁷⁴⁾ Там же, стр. 14.

«ВЕЛИКИЕ ДЕБАТЫ». ДИСКУССИЯ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СВЯЗИ С ПОРАЖЕНИЕМ ВОЙСК США В КОРЕЕ (Ноябрь 1950 — март 1951 гг.)

С. В. ВОЛЬФСОН

«Великие дебаты» — так называют в американской исторической литературе бурную дискуссию по внешнеполитическим вопросам, которая происходила в Соединенных Штатах Америки в конце 1950—первой половине 1951 гг. Она была порождена стремлением наиболее агрессивных кругов американского империализма распространить войну, начатую США в Корее, на обширные районы Восточной Азии. В ходе этой дискуссии подверглись обсуждению основы военно-стратегической доктрины Соединенных Штатов Америки, цели и средства американской внешней политики.

Вопросам внутривластной борьбы в правящих кругах США о путях осуществления внешнеполитического курса в 1950—1951 гг посвящена довольно значительная историческая литература. Эти проблемы в той или иной мере рассматриваются в трудах американских авторов Д. Спэниера, Н. Грэбнера, Э. Гольдмана, Р. Осгуда, Г. Киссингера, Т. Хиггинса, У. Уайта, Р. Роувера, А. Шлезингера, И. Стоуна, английского историка Д. Риса¹⁾. Затрагиваются эти вопросы

¹⁾ K. Kovere, A. Schlesinger. The General and the President and the Future of American Foreign Policy. New York, 1951.

W. White. The Taft Story. New York, 1954.

N. Graebner. The New Isolationism. A Study in Politics and Foreign Policy Since 1950. New York, 1956.

J. Spanier. The Truman—MacArthur. Controversy and the Korean War. Cambridge, Massachusetts, 1959.

T. Higgins. Korea and the Fall of MacArthur. A Precis in Limited War, New York, 1960.

D. Rees. Korea: The Limited War. London, 1964.

И. Стоун. Закулисная история войны в Корее. Москва, 1953.

Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика. Москва, 1959

Р. Осгуд. Ограниченная война. Москва, 1960.

и в трудах советских историков Н. Иноземцева, В. Лана, Н. Яковлева²). В работах В. Лана, Н. Яковлева раскрывается характер «великих дебатов» как борьбы между сторонниками расширения войны в Корее и превращения ее в большую войну в Азии и сторонниками локализации корейского конфликта³). Однако труды Н. Иноземцева, В. Лана, Н. Яковлева посвящены внешней политике США эпохи империализма, либо истории США за несколько десятилетий, что не позволило им достаточно полно рассмотреть поставленную в данной статье проблему. Между тем эти вопросы приобретают особую актуальность именно сейчас, когда в правящих кругах США обостряются разногласия по вопросу о путях осуществления внешнеполитического курса в связи с эскалацией войны во Вьетнаме.

Только немногие буржуазные авторы решились признать истинный характер политической борьбы в правящих кругах США в 1950—1951 гг. Наиболее последовательную позицию занимает в этом отношении известный американский журналист И. Стоун. В своей книге «Закулисная история войны в Корее», написанной по горячим следам событий и опубликованной в 1952 г., И. Стоун обоснованно доказывает, что в США в это время влиятельные политические и военные круги пытались провести в жизнь планы, направленные на превращение войны в Корее во всеобщую войну в Азии. Наличие подобного рода планов признают также американские историки Р. Роувер, и А. Шлезингер. В книге, написанной непосредственно после «великих дебатов», они в пылу полемики утверждают, что линия, отстаиваемая главными оппонентами администрации Трумэна — сенатором Тафтом, бывшим президентом США Гровером, генералом Макартуром, состояла в превращении войны в Корее в большую войну в Азии⁴). Следует отметить, что в книге Р. Роувера и А. Шлезингера содержатся обвинения в изоляционизме в адрес членов тафтистского крыла республиканской партии. В условиях активной внешнеполитической экспансии американского империализма обвинения в изоляционизме были самым тяжелым политическим обвинением для любых представителей правящего класса империалистической Америки. Подобного рода ярлык довольно широко

²) Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. Москва, 1960.

Н. Яковлев. Новейшая история США. Москва, 1961.

В. Лан. США в военные и послевоенные годы. 1940—1960. Москва, 1964.

³) Н. Яковлев. Новейшая история США, стр. 538.

В. Лан. США в военные и послевоенные годы, стр. 346—347.

⁴) R. Rovere, A. Schlesinger. The General and the President and the Future of American Foreign Policy. New York, 1951, p. 239.

использовался в политической борьбе представителями различных фракций империалистической буржуазии, зачастую совершенно бездоказательно. Чем дальше уходили в историю события 1950—1951 гг., тем явственнее стремление буржуазных историков затуманить истинный характер политической борьбы в правящих кругах США. Здесь и стремление найти корни этой борьбы в неопытности одного из лидеров республиканской партии сенатора Тафта во внешнеполитических вопросах, в его непоследовательности⁵⁾. Понимая примитивность подобного рода объяснения внешнеполитической программы Тафта — Гувера — Макартура, большинство буржуазных историков стремится замаскировать ее экспансионистский характер, наклеивая на нее все тот же ярлык «неоизоляционизма». Тафта и Гувера обвиняли в отказе от активной внешней политики в глобальном масштабе, в стремлении замкнуться в Западном полушарии и т. д. В действительности «изоляционистская» программа Тафта—Гувера — Макартура не имела ничего общего с отказом от проведения экспансионистской политики. Тафт и Гувер требовали от правительства Трумэна более агрессивного курса на Дальнем Востоке, в Азии. Тафтистское крыло республиканской партии выступило против европейской политики Трумэна не только потому, что это затрагивало экономические интересы монополий американского Юго-Запада и Запада, но и потому, что европейская политика Трумэна означала отказ от расширения военного конфликта на Дальнем Востоке в ближайшее время.

Американский историк Н. Грэбнер в своем исследовании «Новый изоляционизм» вынужден признать, что характерным признаком неоизоляционизма является стремление вернуть чанкайшистов на континент, полная поддержка чанкайшистского режима⁶⁾. В действительности речь шла не о борьбе между «неоизоляционистским курсом Тафта — Гувера и «глобальным» характером внешнеполитического курса, проводимого правительством Трумэна, а об отношении к проблеме расширения войны в Азии, о соотношении экспансии в Азии с европейской политикой правительства Трумэна и т. д. Поэтому нельзя полностью согласиться и с утверждением советского историка М. Возникова, что «изоляционистское крыло республиканской партии, возглавляемое сенатором Тафтом, пыталось

⁵⁾ D. Rees. Korea: The Limited War. London, 1964, p. 201.

W. White. The Taft Story. New York, 1954, p. 143, 145.

⁶⁾ N. Graebner. The New Isolationism. A Study in Politics and Foreign Policy Since 1950. New York, 1956, p. 74. Термин «изоляционизм» или «неоизоляционизм» трактуется американскими историками применительно к послевоенной истории США весьма широко. Так, в частности, американский профессор Г. Графф видит признаки «неоизоляционизма» в выступлениях против американского участия в войне во Вьетнаме. См. «The New York Times Magazine». May 16, 1965, p. 26—27, 98—100.

в свое время оказать сопротивление «глобальной» политике и стратегии Трумэна»⁷⁾). Конечно, нельзя полностью отрицать наличие изоляционистских традиций в США в конце 40-х начале 50-х гг. но не изоляционизм был главным в программе тафтинского крыла республиканской партии.

Война в Корее оказала определяющее влияние на характер, содержание и остроту разногласий в правящих кругах США. Дискуссия по вопросам внешней политики происходила в условиях, когда внутри страны в определенной степени изменилось соотношение политических сил, ведущих борьбу за власть. Ноябрьские выборы привели к сильному ослаблению позиций демократической партии в конгрессе. В сенате число мест у демократической партии сократилось с 54 до 49 мест, республиканская партия увеличила число мест в сенате с 42 до 47.

Весьма характерно, что потерпели поражение лидер демократического большинства в сенате сенатор С. Лукас, председатель комиссии по вооруженным делам сената М. Тайдингс, и организатор парламентского большинства сенатор Ф. Мейерс — политические деятели, очень тесно связанные с администрацией Трумэна. В палате представителей также сократилось число членов от демократической партии с 262 до 234, республиканская партия соответственно увеличила число мест в палате представителей со 171 до 200⁸⁾). В конгрессе теперь полностью господствовал блок правых республиканцев и южных демократов-консерваторов. Антикоммунизм и вопросы внешней политики, по всеобщему признанию, были главными проблемами предвыборной кампании 1950 г., и на волне антикоммунизма и военной истерии прошли в сенат и палату представителей или укрепили свои позиции политические деятели вроде Никсона и Кейпхарта, Маккарти и Маккарэна, Тафта и Хиккенлупера. По общему мнению, особенно укрепило свои позиции в конгрессе тафтинское крыло республиканской партии — промаккартисты. Еще в ходе предвыборной кампании Тафт, Ноулэнд, Никсон, Уили, Маккарти демагогически использовали в своих корыстных целях недовольство среднего американца войной в Корее, растущими налогами, гонкой вооружения, растущими как снежный ком новыми обязательствами Соединенных Штатов в далеких странах. Но в этот период разногласия по вопросам внешней политики не носили столь острый характер, как это стало очевидным в декабре 1950-январе 1951 гг. Взрыв политических разногласий, переросший в открытую схватку, был вызван

⁷⁾ «Движущие силы внешней политики США» (под редакцией И. Леммина, В. Лана, М. Возчикова, Юр. Меньшикова). Москва, 1965, стр. 205.

⁸⁾ «U. S. News and World Report», November 17, 1950, p. 14.

сообщениями о поражении американских войск и войск их союзников по агрессии в конце ноября 1950 г. в Корее.

Начатое в третьей декаде ноября по приказу генерала Макартура наступление не привело к достижению поставленной цели — к новому году оккупировать всю территорию Северной Кореи вплоть до реки Ялуцзян. Макартур не выполнил обещания, данного им солдатам 8-ой американской армии — вернуть их в США к рождеству. Случилось обратное: под ударами Народной армии КНДР и отрядов китайских народных добровольцев американские армии и военные соединения их союзников беспорядочно отступали. Американская пресса, еще в начале ноября пестрившая сообщениями об окончательной победе, теперь писала о «втором Дюнкерке». И именно в тот момент, когда страну буквально потрясло известие о поражениях американской армии в Корее, когда число американских жертв в корейской войне в громадной степени возросло, когда вновь резко были увеличены расходы на вооружение, а значит, — и налоги, — лидеры тафтистского крыла республиканской партии решили перейти в наступление на внешнеполитический курс правительства Трумэна.

Тафт и его единомышленники стремились, воспользовавшись обстановкой, навязать правительству Трумэна свою внешнеполитическую программу и создать основу для победы на президентских выборах 1952 г. Тафт надеялся укрепить свое положение лидера республиканской партии и тем самым добиться выдвижения в качестве кандидата в президенты от республиканской партии. Конечно, в декабре 1950 — январе 1951 гг. первоочередной задачей было стремление тафтистского крыла республиканской партии навязать свою внешнеполитическую программу в качестве внешней политики США. Корыстные внутривнутриполитические цели, которые ставили перед собой Тафт и его единомышленники, только усугубляли авантюристический характер их требований.

Известия о поражении в Корее явились своеобразным катализатором, ускорившим взрыв политической борьбы по вопросам внешней политики в правящих кругах США. Основные причины «великих дебатов» лежали глубже — прежде всего в поражении внешнеполитического курса США в целом. Выступая 12 декабря на форуме в юридической школе университета штата Виргиния, бывший американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди так характеризовал внешнюю политику Соединенных Штатов: «Эта политика губительна... Наша политика в настоящее время в политическом и моральном отношении — обанкротившаяся политика». Указав на то, что Соединенные Штаты затратили на различные программы миллиарды долларов, Джозеф Кеннеди спрашивал: «Что мы имеем в обмен за эти усилия? Друзей? У нас намного меньше друзей, чем мы имели в 1945 году». Самое же главное, вынужден был

признать Кеннеди, эта политика «не сдержала коммунизм», а, наоборот, привела к его упрочению⁹⁾.

«Поражение в Корее,— писал 11 декабря Уолтер Липман,— это предупреждение о том... что курс, который мы избрали, начиная с доктрины Трумэна, основывается на фатально ложной оценке наших соперников, наших друзей и нас самих»¹⁰⁾.

Конечно, далеко не все представители империалистических кругов так откровенно признавали банкротство американского внешнеполитического курса. Однако Г. Гувер, лидеры республиканской партии Р. Тафт и Т. Дьюн, бывший государственный секретарь в правительстве Трумэна Д. Бирнс резко критиковали внешнеполитический курс правительства Трумэна прежде всего за его бесчисленные провалы и поражения.

Ноябрьско-декабрьское поражение американских войск в Корее, являясь, по признанию многих американских политических деятелей проявлением банкротства американского внешнеполитического курса, отнюдь не привело к действительно здоровой переоценке ценностей. Скорее обратное — сообщения о поражении привели к резкому взрыву военной истерии, в раздувании которой приняли участие фактически все фракции американской империалистической буржуазии.

28 ноября состоялось совещание Национального Совета Безопасности, на котором обсуждался в числе других вопросов вопрос об укреплении Северо-Атлантического союза и о назначении командующего войсками НАТО. Большинство его участников высказывались в том смысле, что главным врагом Соединенных Штатов является Советский Союз и предлагали определить военную и внешнюю политику США, исходя из этой установки¹¹⁾.

30 ноября на прессконференции президент США Г. Трумэн заявил о возможности использования ядерного оружия. Составленное в туманных выражениях заявление Трумэна создавало широкие возможности для спекуляций относительно использования атомных бомб против корейского и китайского народов. Последующие за заявлением Трумэна «разъяснения» Белого дома только подлили масла в огонь — в них указывалось, что возможность использования атомного оружия рассматривалась с самого начала корейской войны¹²⁾.

1 декабря в послании конгрессу Трумэн запросил около 18 млрд. долларов дополнительных ассигнований на военные

⁹⁾ Congressional Record. Proceedings and Debates of the 81st Congress Second Session, vol. 96, p. A7723, A7910.

¹⁰⁾ Congressional Record, vol. 96, p. A7512.

¹¹⁾ H. Truman. Memoirs, vol. II, Years of Trial and Hope. New York, 1956, p. 408—411. D. Rees. Korea: The Limited War, p. 167.

¹²⁾ J. Pollard. The President and the Press. Truman to Johnson. Washington, 1964, p. 21.

расходы. Это увеличение приводило к тому, что планируемые на текущий 1950—1951 финансовый год военные расходы уже превышали сумму свыше 40 млрд. долларов. Указав, что за 5 месяцев корейской войны численность вооруженных сил США увеличена с 1500 000 человек до 2250 000 человек и к концу текущего финансового года составит 2800000 человек, Трумэн подчеркнул, что последние события будут иметь своим следствием пересмотр и этих цифр. И действительно, 8 и 14 декабря 1950 г. Национальный Совет Безопасности принял решение о новых дополнениях к оборонной программе. Новые дополнения исходили из планов доведения численности американских вооруженных сил до 3,5 млн. человек в 1951-1952 финансовом году. Требование дополнительных ассигнований на гонку вооружения соответствовало планам, разработанным специальным подкомитетом Национального совета безопасности (НСБ) и объединенной группы начальников штабов (ОГНШ) в соответствии с приказом министра обороны от 13 сентября. Соответствующие документы — NSC — 68/1 и NSC — 68/2 были подготовлены к концу сентября¹³).

Правительство Трумэна использовало обстановку военной истерии, искусственно созданную в Соединенных Штатах, для быстрого проталкивания через конгресс программы перевооружения, дальнейшего ее расширения. В то же время были предприняты меры военного характера, направленные против СССР, КНР и других стран социалистического лагеря. В декабре ОГНШ направила всем американским командующим предупреждение о готовности к всеобщей войне, а 6-му флоту, базирующемуся в Средиземном море, было приказано выйти в море¹⁴).

В американской прессе оживленно обсуждались различные планы достижения победы над «мировым коммунизмом». Так, например, конгрессмен из Флориды Ч. Е. Беннет предлагал призвать в армию десять миллионов человек и требовал предьявить ультиматум Китайской Народной Республике. В случае отказа КНР от выполнения условий ультиматума Беннет предлагал бомбить Китай, включая и использование атомных бомб¹⁵).

В опубликованном 12 декабря 1950 г. в газете «Нью-Йорк таймс» письме членов «гражданского комитета по внешней политике» выдвигалась программа из 14 пунктов. На первый план выдвигалось требование о введении чрезвычайного положения в стране и немедленной всеобщей мобилизации¹⁶).

¹³) P. Hammond. NSC-68: Prologue to Rearmament. В книге W. Shilling, P. Hammond, G. Snyder. Strategy, Politics and Defense Budgets. New York and London, 1962, p. 363—357.

¹⁴) D. Rees. Korea: The Limited War, p. 173.

¹⁵) Congressional Record, vol. 96, p. A7498.

¹⁶) The New York Times, December 12, 1950.

Выступив в этот же день в сенате против расточительства людских резервов в «беспольных, перешагивающих малых войнах» сенатор Линдон Джонсон¹⁷⁾ потребовал скорейшей разработки всеобщего глобального рассчитанного на длительное время стратегического военного плана и немедленной полной мобилизации имеющихся в распоряжении людских резервов¹⁸⁾. Командующий Американским легионом Эрл Кокк требовал безотлагательно утверждения в конгрессе закона о всеобщем военном обучении и немедленной тотальной мобилизации вооруженных сил до полных военных размеров¹⁹⁾. Бывший кандидат в президенты США от республиканской партии, губернатор штата Нью-Йорк Т. Дьюи предлагал довести американскую армию до 100 дивизий, заявив при этом, что численность американской дивизии должна вдвое превышать численность советской дивизии²⁰⁾. Потребовав безотлагательно начать экономическую мобилизацию, Дьюи заявлял, что непосредственной целью Соединенных Штатов должно стать выделение 25% производственных мощностей на оборонное производство²¹⁾.

16 декабря 1950 года в результате милитаристской и антикоммунистической истерии в США было введено чрезвычайное положение. Определенная часть американской империалистической буржуазии расценивала этот акт как свидетельство вступления США в третью мировую войну.

Влиятельный американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» в статье «III мировая война: началась ли она?», отвечая на этот вопрос, писал: «Война, которую ждали в будущем, началась. Корея, Греция, Китай, Индокитай являются сражениями первого класса. Жертвы уже соответствуют большой войне... III мировая война практически продолжается в настоящее время и США участвуют в ней»²²⁾. Подводя итоги «первой фазы третьей мировой войны», журнал утверждал, что «в настоящее время III мировая война угрожает вступить в новую, более опасную фазу»²³⁾. В уже цитированной выше речи сенатор Линдон Джонсон утверждал: «Мы в состоянии войны. Мы в состоянии войны не просто с коммунистическим Китаем но со всей военной силой так же, как и с физическими и человеческими ресурсами, находящимися за железным занавесом. Мы находились в состоянии войны в течение 6 месяцев.

¹⁷⁾ В настоящее время является президентом США.

¹⁸⁾ Congressional Record, vol. 96, p. 16459.

¹⁹⁾ Ibid., p. A7679.

²⁰⁾ Ассигнования, затребованные Трумэном 1 декабря, исходили из планов доведения размеров американской армии до 16 дивизий.

²¹⁾ Congressional Record, Vol. 96, p. A7715.

²²⁾ «U. S. News and World Report», November 17, 1960, p. 11.

²³⁾ Ibid., p. 12.

Мы вполне можем быть в состоянии войны еще в течение 10 или 20 лет»²⁴).

Различные фракции американской империалистической буржуазии понимали лозунг: «Мы — в состоянии войны» по-разному. Для одних это были расчеты на будущие десятилетия гонки вооружений, международной напряженности и холодной войны. О периоде продолжительной международной напряженности, возможно, на десятилетие вперед, говорил впоследствии, выступая в сенате, министр обороны США Д. Маршалл²⁵). Другие, отстаивая этот тезис, стремились добиться осуществления конкретных политических целей, в частности, планов расширения района военного конфликта на Дальнем Востоке и превращения корейской войны в большую войну. Это прежде всего выразилось в действиях командующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерала Д. Макартура, который настойчиво добивался от правительства Г. Трумэна разрешения на бомбардировку Китая, на морскую блокаду КНР, на участие чанкайшистских войск в военных действиях в Корее и на китайском континенте. Направляя в Вашингтон панические реляции о бедственном положении американских войск в Корее, ставя вопрос об их возможной эвакуации из Кореи, генерал Макартур требовал снятия ограничения на действия американской авиации и военно-морского флота. При этом он не ограничился выдвижением подобных требований в секретных донесениях, направляемых в адрес ОГНШ, но изложил их в целой серии интервью, писем в редакции газет, журналов и т. д. Характерным в этом отношении было интервью, данное Макартуром журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». На вопрос, заданный корреспондентом журнала: «Рассматриваете ли вы ограничения, предотвратившие неограниченное преследование больших китайских вооруженных сил посредством неограниченного нападения на их базы, в качестве помехи к эффективным военным операциям?». Макартур ответил: «Огромная помеха, без прецедента в военной истории»²⁶).

Программа «неограниченного нападения» на КНР, была шумно поддержана наиболее агрессивной частью американской империалистической буржуазии. В конгрессе, в печати, на митингах выдвигались программы конкретных действий во многом идентичные с программой Макартура. «Время действий не за горами, — взывал 6 декабря в сенате небезызвестный сенатор Маккарти. — Генералу Макартуру должны быть немедленно предоставлены полномочия ударить по китайским коммунистам где бы, когда бы и как бы ни считал он это не-

²⁴) Congressional Record, vol. 96, p. 16158.

²⁵) Assignment of Ground Forces of the United States to Duty in the European Area. Hearings. Washington, 1951, p. 49.

²⁶) «U. S. News and World Report», December 8, 1950, p. 17.

обходимым». Это требование Маккарти выдвинул в качестве первоочередного. А дальше шло изложение остальных семи пунктов «собственной программы» Маккарти, в числе которых были предоставление чанкайшистам самолетов, танков, снаряжения, соответствующее снабжение чанкайшистских банд на континенте, разрешение Чан Кай-ши таких действий, «как и он и генерал Макартур считают целесообразными», заключение тихоокеанского пакта и т. д.²⁷⁾.

В письмах в газеты, в выступлениях различных политических деятелей варьировались эти требования. Те, кто выдвигал их, были убеждены, что Соединенные Штаты настолько могущественны, что могут безнаказанно претворить в жизнь план перенесения военных действий на территорию КИР. «Соединенные Штаты могут одержать победу в любой войне с любым государством или группой государств», — заявлял с трибуны сената 14 декабря 1950 г. сенатор Малоне²⁸⁾. Редактор даллаской газеты «Даллас морнинг ньюс» Г. Унтзерс, взывая 12 декабря «к спасению жизней американских парней», говорил: «Это означает, конечно, предоставление Макартуру полномочий бомбить вражеские базы снабжения в Маньчжурии и использование атомной бомбы, если он считает это целесообразным». «Это может означать тотальную войну», — продолжал воинственный редактор, — но она приближается так или иначе. ...Мы стремимся к этому, мы готовы, мы не боимся²⁹⁾.

Неслучайно именно в декабре 1950-январе 1951 гг. в Соединенных Штатах обсуждался план эвакуации американских войск из Кореи. В определенной степени предложение о выводе американских войск из Кореи явилось результатом их крупного поражения и отступления в конце 1950 г. Некоторые политические деятели, выступая за отвод американских войск из Кореи, исходили из того, что ведение наземных операций на Корейском полуострове силами американской армии не приведет к победе, но грозит истощением людских ресурсов Соединенных Штатов. Однако для милитаристских кругов предложение об эвакуации американских войск из Кореи явилось составной частью планов превращения войны в Корею в большую войну в Азии.

Один из лидеров республиканской партии в конгрессе Э. Мартин внес в протоколы конгресса передовую статью из газеты «Филадельфия инкуайер» — мысли, изложенные в статье, отражали его мнение. Статья призывала к выводу американских войск из Кореи с целью их перегруппировки. Сравнивая положение американских войск в Корею с положением английских войск под Дюнкерком в 1940 г., газета утверждала,

²⁷⁾ Congressional Record, vol. 96, p. 16178.

²⁸⁾ Ibid., p. 16554.

²⁹⁾ Ibid., p. A7655.

что уход американских войск из Кореи только создаст основу для возвращения³⁰). Лозунг «Дюнкерк — но не Мюнхен» получил довольно широкое распространение в те дни в Соединенных Штатах. (Под «Мюнхеном» американская реакционная печать в данном случае подразумевала возможность переговоров с социалистическими странами об урегулировании дальневосточных проблем). Причем требование ухода из Кореи с целью расширения района военного конфликта выдвигали не только сторонники Макартура в республиканской партии, но и некоторые весьма влиятельные деятели в демократической партии. Возможность ухода из Кореи в случае, если ООН откажется дать согласие на бомбардировку и блокаду Китая, предсказывал Д. Бирнс в своей речи при вступлении на пост губернатора Южной Каролины³¹).

Отражая мнение империалистических кругов, поддерживавших и вдохновлявших действия генерала Макартура, реакционный американский публицист Д. Лоуренс писал в декабре 1950 г.: «На этот раз мы должны вести войну против коммунистического Китая, или скорее мы должны признать факт, что мы уже находимся в «состоянии войны». Не должно быть никаких ограничений на эффективное использование нашей военной мощи против врага»³²). И, наконец, излагая прогнозы на будущее и тем самым определяя действительное место расчетов на войну с Китайской Народной республикой как этапа к всемирной войне, все тот же журнал «Ю. С ньюс энд Уорлд рипорт» писал 8 декабря 1950 г.: «Война большая война началась. Война временно может быть ограничена Китаем. Война США против Китая, однако, не может являться малой войной. Это война, большая война, война неизвестной продолжительности и неопределенного исхода, и вы должны соответственно приспособить ваше мышление и ваше планирование. Война с Китаем в какой-то момент выльется в мировую войну» (разрядка моя — С. В.)³³).

Следует учитывать, что различные варианты решения «корейской проблемы» в соответствии с интересами американского империализма, выдвигавшиеся на страницах газет и журналов и в устных выступлениях политических деятелей, не имели ничего общего с поисками действительного урегулирования дальневосточных проблем или даже не были просто поисками «правильного пути», как это утверждают некоторые американ-

³⁰) Ibid., p. A7551.

³¹) «U. S. News and World Report», January 26, 1951, p. 26. В отличие от Макартура, Мартина и других считавших, что за уходом из Кореи должно последовать расширение военных действий на Дальнем Востоке, Бирнс исходил из возможности возникновения военных действий в Европе против Советского Союза. В этом случае он считал ошибочным отвлечение американских вооруженных сил для войны в Корее.

³²) «U. S. News and World Report», December 8, 1950, p. 56.

³³) Ibid., p. 7.

ские авторы. Милитаристская пропаганда, в частности, преследовала определенную цель — угрозой применения атомного оружия заставить Советский Союз и Китайскую Народную республику отказаться от поддержки справедливой освободительной борьбы корейского народа.

Правда, в правящих кругах были люди, понимавшие перспективность подобной политики и предостерегавшие правительство Соединенных Штатов от опрометчивых действий. Издаваемая в Бостоне газета «Крисчен сайенс монитор» 29 ноября 1950 г. опубликовала статью «Мудрость может одержать победу», в которой говорилось: «Мы не должны пасть жертвами наших собственных сильных выражений и предположить, что мировая война неизбежна. Мировая война, как все мы знаем, была бы катастрофой, и существует много путей предотвратить ее. Один путь — лучший путь, это... не допустить того, чтобы наше государство и Объединенные нации предприняли ошибочный и безрассудный шаг в данном кризисе»³⁴).

11 декабря в статье «Вывод и переоценка» Уолтер Липпман писал о глубокой встревоженности повсюду в мире возможной безрассудной реакцией США на поражение в Корее. «Наши союзники опасаются, — писал Липпман, — не без провокации с нашей стороны, что мы выскочим из северо-корейского огня в пламя дальневосточной войны». Липпман предупреждал, что расширение войны не поможет войскам генерала Макартура. «Не лучшим выходом для них будет, если в дополнение к китайским наземным армиям, они должны будут также вести борьбу с большей частью советской авиации и советского военно-морского флота»³⁵).

Но подобного рода трезвые голоса были немногочисленны. В хоре несогласных с линией на развязывание большой войны на Дальнем Востоке в этот период значительно громче раздавались другие голоса. Влиятельные политические круги и многие военные лидеры считали, что США не могут пойти на риск войны с Китаем, так как их противником «номер один» является Советский Союз, и Соединенные Штаты не должны увязнуть в войне с «второстепенным» противником. Признавая возможность малых войн в Азии, журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» так писал о перспективе большой войны: «Если уже суждено быть войне большого масштаба, то это будет война с Россией в Европе, а не с Китаем в Азии»³⁶). «Ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты не должны позволить себе быть втянутыми во всеобщую войну с коммунистическим Китаем. Китай не является нашим врагом. Им явля-

³⁴) Congressional Record, vol. 96, p. A7400.

³⁵) Ibid., p. A7571.

³⁶) «U. S. News and World Report», December 1, 1950, p. 13.

ется Советская Россия», — писала 11 декабря газета «Вашингтон дэйли ньюс»³⁷⁾. Мы ничего не получим от войны с коммунистическим Китаем, утверждал командующий Американским легионом Эрл Кокк. Нашим действительным врагом является Советская Россия, заявлял он и призывал в первую очередь ударить по Советскому Союзу³⁸⁾.

Именно этот вопрос, кто является главным противником империалистической Америки, был одной из главных спорных проблем, вызвавших острейшие разногласия в правящих кругах США. Люди, подобные Эрлу Кокку, были единомышленниками Макартура в планах, рассчитанных на развязывание большого конфликта. Но видя главный источник могущества социалистического лагеря и главный барьер для осуществления своих империалистических замыслов именно в Советском Союзе, они не соглашались с Макартуром по вопросу о нанесении удара по Китайской Народной республике, считая что основные силы США должны быть сохранены на случай войны с СССР.

Политика правительства Трумэна по этим вопросам определялась соотношением сил на международной арене, ходом военных операций в Корее, состоянием внутривластной борьбы в правящем лагере США по вопросам внешней политики. Что касается планов расширения военного конфликта на Дальнем Востоке, в декабре 1950-первой половине января 1951 г. окончательное решение еще принято не было. В государственном департаменте, в военных ведомствах шла скрытая борьба. Выражением этой скрытой борьбы явился меморандум ОГНШ от 12 января 1951 г., во многом фактически идентичный предложениям генерала Макартура. Но в конечном итоге президент Трумэн и члены его правительства строили свою политику, исходя из того, что основным театром военных действий в будущей войне должна быть Европа. Поэтому главные усилия, как и раньше, направлялись на военно-стратегическое укрепление Западной Европы. В то же время правительство Трумэна не отвергало категорически предложения Макартура, пытаясь, по замечанию Уолтера Липпмана, по кардинальным вопросам политики на Дальнем Востоке пойти на компромисс с генералом Макартуром и сенатором Ноулэндом, таким же способом, как если бы это был законопроект об ассигнованиях или тарифах. «Курс Трумэна-Ачесона на Дальнем Востоке объединил худшее из двух конфликтующих политических курсов», — писал Уолтер Липпман в «Вашингтон пост»³⁹⁾. Это приводило к тому, что силы, стоящие за Макартуром и Ноулэндом, по-прежнему имели возможность, ис-

³⁷⁾ Congressional Record, vol. 96, p. A7575.

³⁸⁾ Ibid., p. A7679.

³⁹⁾ Washington Post, December 14, 1950.

пользуя колебания правительства Трумэна, оказывать на него все более усиливающееся давление. В открытое наступление те, кто выступал за расширение военного конфликта на Дальнем Востоке, перешли после того, как 19 декабря 1950 года в Вашингтоне было объявлено о том, что генерал Д. Эйзенхауэр направляется в Европу в качестве главнокомандующего войсками Северо-Атлантического союза. В этот же день было сообщено, что Соединенные Штаты увеличат численность американских дивизий в Западной Европе. Это сообщение вызвало новый взрыв острейших разногласий в правящих кругах США. В ночь с 20 по 21 декабря по радио с большой программной речью выступил влиятельный деятель республиканской партии Герберт Гувер. Эта речь положила начало так называемым «великим дебатам».

Характеризуя «глобальную военную ситуацию», Гувер отметил монолитность социалистического лагеря, объединяющего 800 млн. человек, располагающего мощными вооруженными силами. Военному могуществу коммунистических стран, указывал Гувер, на востоке противостоят Япония, Филиппины, Южная Корея, имевшие вместе 12 дивизий при практическом отсутствии танков, авиации и военно-морского флота. В Азии, Африке и Латинской Америке, исключая Турцию и Тайвань, по его мнению, не было сколько-нибудь большой военной силы, способной выступить на стороне «западных стран». Гуверовская характеристика «европейского фронта» была мрачной: союзники США там располагали менее чем 20 дивизиями, они имели мало танков, небольшую авиацию и военно-морской флот. «Но, — с сарказмом и горечью отмечал Гувер, — их (т. е. европейцев. — С. В.) стремление защищать себя ничтожно, а их разобщенность очевидна». По мнению Гувера, только Соединенные Штаты располагали значительной военной мощью, включающей гигантские военно-воздушные силы и военно-морской флот⁴⁰).

На основе анализа сложившегося соотношения сил Гувер пришел к выводу, что США и их союзники не готовы к большой наземной войне со странами социалистического лагеря. «Мы должны смотреть в лицо факту, — говорил Гувер, — что бросить разбросанные сухопутные вооруженные силы коммунистических стран в наземную войну против этой коммунистической массы значило бы привести к войне без победы, к войне без успешного политического конца»⁴¹). «Полнейшим безумием» назвал Гувер любую попытку вести войну с коммунистическими странами посредством наземного вторжения в Китай, Индию или Западную Европу. «Это было бы кладбищем для американских парней и закончилось бы истощением

⁴⁰) Congressional Record, vol. 96, p. 16874—16875.

⁴¹) Ibid., p. 16875.

Гибралтара западной цивилизации» (Гибралтаром западной цивилизации Гувер называл Соединенные Штаты Америки.— С. В.) Даже если бы Западная Европа была вооружена намного лучше, мы никогда бы не смогли достичь Москвы, завлял он, ссылаясь на опыт гитлеровской Германии⁴²). С горечью Гувер вынужден был признать на основании корейского опыта, что расчеты на атомное оружие, как на доминирующее в любой войне, не оправдались. Наличие атомного оружия не спасло вооруженные силы США от унижительного поражения⁴³). В то же самое время одним из важнейших «военных выводов», содержащихся в речи Гувера, был тезис о недостижимости Соединенных Штатов для действий любого возможного противника, тезис, лежащий в основе всей его военной и политической «программы». «...Мы американцы,— утверждал он,— одни со своей военно-морской и авиационной мощью можем так контролировать Атлантический и Тихий океаны, что не сможет произойти никакого возможного вторжения коммунистических армий в западное полушарие»⁴⁴). В данном случае выдвижение избитого тезиса о существовавшей якобы угрозе Соединенным Штатам со стороны коммунистических государств, было необходимо Гуверу для отстаивания тезиса о безнаказанности любых возможных военных акций со стороны Соединенных Штатов, основанных на применении военно-воздушной и военно-морской мощи. Но, выдвигая подобного рода утверждение, Гувер и его единомышленники явно не учитывали изменяющегося военного соотношения сил после второй мировой войны и, главное, не учитывали наличие ядерного оружия и средств его доставки у ведущей страны социалистического лагеря — Советского Союза.

Основой национальной политики, по мнению Гувера, должно было быть укрепление военной и экономической мощи США как «Гибралтара западной цивилизации». «С нашими военно-воздушными и военно-морскими силами,— подчеркивал Гувер,— мы можем без малейшего сомнения удерживать Атлантический и Тихий океаны с пограничной линией, проходящей по Британии (если она желает сотрудничать), с одной стороны, и по Японии, Формозе и Филиппинам,— с другой». «Чтобы сделать это, мы должны вооружить до зубов наши военно-воздушные и военно-морские силы. Мы в малой степени нуждаемся в большой армии, если мы не отправимся в Европу или в Китай»⁴⁵). Предлагая сосредоточить основные усилия на увеличении авиации и военно-морского флота, Гувер также, как и многие его единомышленники, считал, что США должны

⁴²) Ibidem.

⁴³) Ibidem.

⁴⁴) Ibidem.

⁴⁵) Ibidem.

оказывать военную и экономическую помощь только тем государствам, которые «уже проявили храбрость и силу в обороне против коммунизма», но «оборона» Западной Европы, по его мнению, являлась делом самих европейских государств, а не американцев. Указав на то, что США после второй мировой войны предприняли беспрецедентные усилия с целью укрепить положение в европейских капиталистических государствах и их «волю к борьбе» с коммунизмом, Гувер доказывал, что эти усилия не достигли успеха. Европа по-прежнему раздроблена. «Они исключили Испанию,— обвинял Гувер европейские народы,— хотя у нее есть желание и средства сражаться». Особое недовольство Гувера вызвало наличие в Западной Европе сильных коммунистических партий. «Их высокоорганизованные коммунистические партии представляют угрозу, которую мы не должны игнорировать»⁴⁶). Гувер требовал, чтобы еще до того, как Соединенные Штаты Америки высадили дополнительно хотя бы одного человека или предоставили еще хотя бы один доллар, западноевропейские государства предоставили доказательства своего стремления к «борьбе и единству». Гувер требовал в качестве подобного доказательства чего-то большего, чем пакты, конференции, бумажные обещания или декларации. Упомянув, что в ходе мировых войн в течение 60 дней европейские государства могли выставить свыше 250 боевых дивизий с сильными ВВС и ВМС, Гувер предъявлял счет: «Сегодня это должно выразиться в организованных и снаряженных боевых дивизиях в таком громадном числе, как если бы была воздвигнута истинная плотина против красного потока»⁴⁷).

Речь Гувера отражала взгляды и требования влиятельного консервативного крыла республиканской партии. Апеллируя к националистическим чувствам и традициям американцев, Гувер и его сторонники стремились обеспечить поддержку своих позиций со стороны американского народа. Гувер и стоявшие за ним реакционные круги добивались прежде всего увеличения расходов на авиацию и военно-морской флот, считая что это даст возможность осуществить наиболее дешевым и безболезненным путем далеко идущие глобальные цели американского империализма. В то же время сказывалось давление на американских союзников по НАТО с целью добиться от них более активной поддержки агрессивной войны американского империализма в Корее. Именно в этом и заключался смысл содержащихся в речи Гувера угроз сократить экономическую и военную помощь странам Западной Европы.

Взгляды Гувера были поддержаны сенатором Робертом Тафтом. 5 января, не ожидая зачтения традиционного посла-

⁴⁶) Ibidem.

⁴⁷) Ibidem.

ния президента США конгрессу 82-го созыва (обычно только после зачитания такого послания начиналось обсуждение важнейших вопросов), Тафт произнес большую программную речь. Эта речь явилась своеобразным дополнением и развитием идей, высказанных ранее в выступлении Гувера. Но прежде всего необходимо отметить, что в выступлении Тафта сохранились утверждения, в определенной степени отличающиеся от заявленных Гувера. Это, в частности, касалось характеристики позиций Советского Союза. Если Гувер делал упор на наличие так называемой «коммунистической угрозы» безопасности Соединенных Штатов, то Тафт заявлял буквально следующее: «Я не вижу каких-либо убедительных доказательств, что они (т. е. советские руководители.— С. В.) рассчитывают начать войну с Соединенными Штатами»⁴⁸).

Заявление звучало реалистически. Но оно было необходимо Тафту для того, чтобы выдвинуть тезис о возможной неподготовленности Советского Союза к мировой войне, в силу которой СССР, якобы не мог оказать должной помощи «красному Китаю» в случае американских ударов по территории Китайской Народной республики.

В своей речи Тафт выделил четыре, с его точки зрения, главные проблемы, по которым американскому правительству предстояло пересмотреть свои позиции в связи с войной в Корее: 1) вопросы политики Соединенных Штатов относительно ООН; 2) вопросы военной политики; 3) экономические проблемы во взаимосвязи с внешней политикой; 4) вопросы идеологической борьбы с коммунизмом.

Тафт так же, как и Гувер, высказал резкое недовольство Организацией Объединенных Наций. Его недовольство объяснялось «неэффективностью» ООН в борьбе с «коммунистической угрозой». Тафту не нравилось то, что на ООН нельзя положиться в борьбе против революционного движения, что Советский Союз обладает правом вето и использует это право вето с тем, чтобы «предотвратить акцию против коммунистического Китая»⁴⁹). Наконец, Тафт предвидел тот момент, когда Соединенные Штаты смогут оказаться в меньшинстве в ООН. «У нас будет только один голос из 60, которые когда-нибудь в будущем, даже в очень ближайшем будущем, могут причинить нам затруднения». Тафт предлагал внести угодные США поправки к уставу ООН и, если эти поправки будут заблокиро-

⁴⁸) Congressional Record, vol. 97, p. 59.

⁴⁹) Ibid., p. 60. Гуверу явно была не по душе та резкая критика, которой подвергалась политика США в стенах ООН со стороны Советского Союза, социалистических стран и некоторых азиатских государств. Его особое недовольство вызывалось тем, что США вынуждены были взвалить на себя 90% военного бремени в Корее и несли свыше 90% военных потерь. Численность и потери южнокорейской армии в данном случае не учитывались.

ваны Советским Союзом, «осуществить роспуск Объединенных Наций и сформировать новую организацию», которая была бы более эффективным орудием в осуществлении американских целей⁵⁰). «Что касается военной политики,— продолжал Тафт,— я не вижу выбора, кроме как пренебречь Объединенными Нациями и разработать собственную военную политику и политику союзов, не принимая во внимание несуществующие способности Организации Объединенных Наций по предотвращению агрессии»⁵¹).

Речь Тафта носила ярко выраженный милитаристский характер: проблемы военной политики заняли в ней ведущее место. Тафт повторил заявления Гувера о том, что главной задачей американской военной политики является «оборона Соединенных Штатов» как цитадели «свободного мира». Путь к решению этой проблемы, равно как и к укреплению американского господства во всем мире был, по мнению Тафта, один — всемерное увеличение военно-воздушных и военно-морских сил.

Вопросам роли военно-воздушных и военно-морских сил США в будущей войне Тафт уделил особое внимание. Собственно это и было своеобразным ядром, сутью программной речи сенатора, претендующего не только на лидерство в республиканской партии, но и на кресло президента США. «Кажется очевидным,— утверждал Тафт,— что непосредственные проблемы обороны страны зависят от контроля на море и в воздухе»⁵²). Для этого необходимо настолько увеличить военно-воздушные силы, чтобы полностью контролировать воздух над Соединенными Штатами, над океанами, а в случае войны — над остальным миром, в том числе и над страной-противником. С нашими ресурсами, имея Великобританию в качестве союзника, подчеркивал Тафт, это возможно.

Тафт, как и Гувер, утверждал, что с достаточной военно-морской и авиационной мощью можно достичь полного прикрытия страны от любых возможных ударов, в том числе и от ядерных. Он полагал, что сухопутная армия нужна Соединенным Штатам для обороны авиационных баз и для «случающихся время от времени» акций в Европе или Азии, если они обещают успех. Но он выступал против значительного увеличения сухопутной армии, которая должна была бы вести наземную войну на европейском или азиатском континенте. Однако последнее не означало отказа от агрессивной внешней политики.

Превосходство в воздухе и на море во всемирном масштабе, по мнению Тафта, позволило бы Соединенным Шта-

⁵⁰) Congressional Record, vol. 97, p. 60.

⁵¹) Ibidem.

⁵²) Ibidem.

там достичь многих целей, в том числе и возможность активного вмешательства в самых различных районах земного шара. Более того, это не означало призыва отказаться от агрессивной политики, которую США проводили в Европе, Азии и других районах земного шара. «Фактически тезис об эффективном контроле на море и в воздухе, осуществляемом свободными государствами, требует, чтобы мы были заинтересованы в Европе и в Ближнем Востоке, в Индии, и в Дальнем Востоке так, чтобы коммунистическое влияние не могло расширяться на районы, из которых еще возможно его исключить иными методами, нежели чем использование наземных армий»⁵³).

Защищая Гувера от обвинений в изоляционизме, Тафт подчеркивал необоснованность подобных утверждений и доказывал, что он и его сторонники возражают не против активной экспансии в Европе, а против того, чтобы сражение с коммунизмом велось «главным образом на обширных земельных просторах европейского или азиатского континента, где мы находимся в самом невыгодном положении в войне с Россией»⁵⁴). (Разрядка моя.—С. В.) Тафт призывал учесть уроки Кореи и не вести военных действий в таких условиях, когда противнику была бы дана возможность использовать свои преимущества. «Не существует никакой необходимости в конкретной линии обороны»,— утверждал Тафт и приводил в пример Англию, которая, по его мнению, обладая морской мощью, оказывала сильное влияние на положение дел на европейском континенте.— «Мне кажется,— говорил Тафт, что контроль в воздухе и на море посредством приемлемого союза с Англией, Францией, Голландией, Австралией и Канадой может создать силу, которая защитит Европу и которой Россия никогда не сможет бросить вызов»⁵⁵). Против активного применения авиационной и военно-морской мощи Тафт не возражал ни в коей степени. Он требовал, чтобы США ни по договору, ни другим путем не брали на себя обязательств, требующих использования американских сухопутных сил. «Мы не должны предпринимать что-либо, выходящее за пределы наших возможностей»,— говорил Тафт и перечислял те страны, которым Соединенные Штаты могут и обязаны оказать «военную помощь»: Япония, Формоза, Филиппины, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия, Англия. Таким образом, Тафт выступал за широкую экспансию прежде всего в Азии и отнюдь не предлагал замкнуться в «Fortress America» (в «крепости Америка»). Более того, именно переход Тафта от

⁵³) Ibid., p. 61, R. Taft. A Foreign Policy for Americans. Garden City, 1951, p. 77—78. Весьма характерно, что дословно повторяя в этой книге данный тезис, Тафт не упомянул Индии, заменив ее Северной Африкой.

⁵⁴) Congressional Record, vol. 97, p. 61.

⁵⁵) Ibidem. R. Taft. A Foreign Policy for Americans, p. 79.

изложения общих теоретических постулатов предлагаемой им стратегии к конкретным предложениям раскрывал действительную сущность его плана. Тафт настаивал на расширении военных операций США на Дальнем Востоке. «Нелепо говорить о том, что необходимо избежать войны с коммунистическим Китаем, когда эта война уже существует»⁵⁶). Он предлагал усилить военные акции против Китайской Народной республики и оказать всю необходимую помощь Чап Кай-ши как оружием, так и в высадке на континенте. Отметая возражения своих оппонентов о возможных последствиях расширения района военного конфликта на Дальнем Востоке, Тафт утверждал: «Такая война определенно не повлечет за собой вторжения американской армии в Китай и не будет стоить нам больше хотя бы на одного человека или на один доллар, чем нынешняя война в Корее. Фактически, она будет стоить нам намного меньше». И вслед за этим Тафт сразу же поднял вопрос о возможности и необходимости не рисковать армией и уйти из Кореи.

«Намного лучше отступить к оборонительным позициям в Японию и на Формозу, чем удерживать корейскую позицию, которая несомненно была бы непригодна к обороне в любой третьей мировой войне»⁵⁷) (Разрядка моя.— С. В.).

Тафт, Гувер и их сторонники стремились использовать поражение в Корее для дальнейшей гонки военно-воздушных и военно-морских вооружений, разжигания антикоммунистической пропаганды и борьбы с прогрессивными силами внутри Соединенных Штатов Америки и, главное, для усиления борьбы против социалистических стран. Имperialистические круги, группировавшиеся вокруг Тафта, выступали против локального характера корейской войны и связанных с этим ограничений и добивались ее превращения в войну дальневосточную. Но решение правительства Трумэна об отправке нескольких американских дивизий в Европу ставило под угрозу осуществление подобного рода планов. Именно поэтому Тафт, Гувер и их сторонники выступили против отправки частей американской сухопутной армии в Европу, доказывая, что это ведет к распылению сил и ослабляет позиции США. «В соответствии с общими принципами, сформулированными мною,—заявил Тафт,—я должен сказать, что было лучше в настоящее время не посылать американских войск на европейский континент»⁵⁸). Тафт, однако, не возражал против отправки некоторого числа американских воинских частей в соответствии с «общим духом Атлантического пакта».

⁵⁶) Congressional Record, vol. 97, p. 61—62.

⁵⁷) Ibid., p. 62.

⁵⁸) Ibidem.

Но, во-первых, он подчеркивал, что подобного рода программа «никогда не должна быть ключевым пунктом в нашей всеобщей военной стратегии», во-вторых, и это главное, он считал бессмысленным отправку американских наземных войск в Европу в случае войны с Советским Союзом. Ни Наполеон, ни Гитлер не оказались способны, аргументировал Тафт свою точку зрения, разгромить Россию, а у них было больше людских резервов, чем планируем создать мы. Даже если мы пошлем в Европу полтора миллиона человек, существует шанс, что эта армия может быть разгромлена и никогда не сможет вернуться в нашу страну⁵⁹). Именно страх перед поражением во всеобщей войне против Советского Союза, опасение похоронить американскую армию в наземных сражениях на европейском континенте диктовали выступления Гувера и Тафта против отправки американских войск в Европу в декабре 1950 — январе 1951 гг. Именно поэтому проблема отправки войск в Западную Европу стала одной из главных проблем «великих дебатов».

Решение о направлении американских дивизий в Европу, по мнению Тафта, представляло угрозу для экономической структуры США. По его подсчетам контроль над евроазиатским континентом потребует, по крайней мере, учетверения армии, а для того, чтобы одержать победу над Россией в самой России, потребуются ее неограниченное расширение, причем, по признанию Тафта, существует и возможность проиграть подобного рода войну⁶⁰). В то же время, если главную часть военных расходов направить на строительство мощной авиации, то тем самым можно будет обеспечить превосходство в воздухе и на море. Если когда-либо третья мировая война произойдет, подчеркивал Тафт (и подчеркивал впоследствии неоднократно) «она будет выиграна государством, которое сможет полностью господствовать в воздухе»⁶¹).

Выступления Гувера и Тафта всколыхнули Соединенные Штаты и вызвали острейшую дискуссию по важнейшим кардинальным проблемам внешней политики. Уже в те дни в буржуазной прессе, в конгрессе существовало явное стремление завуалировать главные проблемы дискуссии. Внесенная 8 января лидером республиканского меньшинства в сенате сенатором Уэрри резолюция, требующая, чтобы отправка дополнительных американских дивизий в Западную Европу была произведена только с согласия конгресса, еще более способствовала камуфляжу. Дискуссии был придан характер конституционного спора — имеет ли президент право без полномочий конгресса направлять сухопутные войска за пределы Соединенных Штатов. Уже тогда, в январе-феврале 1951 года,

⁵⁹) Ibid., p. 63.

⁶⁰) R. Taft. A Foreign Policy for Americans, p. 99—100.

⁶¹) Ibid., p. 76.

критики Тафта (в том числе Маршалл и Лчесон) обвиняли его в неопытности, в противоречивости его программы, в изоляционизме, стремясь замолчать главное, что программа, очерченная в выступлениях Гувера и Тафта, вела ко всеобщей войне. Эта версия была подхвачена и развита впоследствии многими буржуазными историками.

Английский историк Д. Рис обвиняет Тафта в непоследовательности, в противоречивости его позиции. Эту непоследовательность он видит в том, что в январе Тафт выступал за уход из Кореи, а в апреле 1951 года он одобрил программу Макартура⁶²). Но именно реляции Макартура создавали основу для выдвижения тезиса об эвакуации Кореи. Как показывает само содержание речи Тафта, он был единодушен с Макартом уже в январе, а не в апреле. Главное, что не хочет заметить Рис, это то, что тезис об уходе из Кореи, как и вся речь Тафта, были подчинены главному — способствовать принятию программы Макартура по расширению военного конфликта на Дальнем Востоке.

Явное стремление выделить второстепенные вопросы в качестве основных имеется и у американского историка Д. Спэннера⁶³). Он выделяет три вопроса в качестве вопросов, находящихся в фокусе дискуссии: 1) должны ли вообще американские наземные войска быть посланы в Европу, кроме тех, которые уже несут службу в Европе в качестве оккупационной армии? 2) если должны, то какое количество дивизий и людей США обязаны расположить в Европе в соответствии с Северо-Атлантическим пактом? 3) имеет ли право президент принять обязательство об отправке войск без соответствующих полномочий конгресса?

Да, действительно, Тафт, в своей речи поднял вопрос о полномочиях президента, о роли конгресса в решении вопроса об отправке американских наземных войск в Европу. Но не это было главным в программе, изложенной в выступлениях Гувера и Тафта. Главным было высказанное в речи Тафта требование расширения военных действий против Китайской Народной республики, главным было признание, что США уже находятся в состоянии войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом отношении весьма характерным был диалог Тафта с сенатором Дугласом, сразу же после того, как Тафт закончил свою речь. Тафт вновь подчеркнул, что США находятся в состоянии войны с Китаем. Ссылаясь на измышления некоего «хорошо информированного журналиста» о том, что завтра коммунисты почти определенно «напа-

⁶²) D. Rees. Korea: The Limited War. London, 1964, p. 201.

⁶³) J. Spanier. The Truman-MacArthur Controversy and the Korean War. Cambridge, Mass., 1959, p. 156.

дут на Индокитай»⁶⁴), Тафт утверждал: «если это так, то не лучше ли быть в состоянии войны» и попытаться, чтобы китайские националистические силы отвлекли китайских красных от попытки завоевать Юго-Восточную Азию. (Разрядка моя.— С. В.)⁶⁵).

Резкость нападок Гувера и Тафта на европейскую политику правительства Трумэна во многом объяснялась не их приверженностью к изоляционистским традициям, а тем, что принятие решения об отправке американских дивизий в Западную Европу означало, автоматически, откладывание решения о превращении войны в Корее в войну дальневосточную. Осуществление военно-стратегических планов НАТО требовало времени, а, по мнению группировки Гувера-Тафта, войну необходимо было начать уже сейчас, немедленно, а не в будущем. Именно поэтому Тафт требовал не посылать наземные войска в Европу и послать их в Японию, именно поэтому, обвиняя Трумэна и Ачесона в провоцировании войны в Европе, Тафт и его единомышленники требовали признать, что США находятся в состоянии войны на Дальнем Востоке.

По их мнению, отправка наземных войск в Западную Европу ставила США в неблагоприятные условия в случае войны с Советским Союзом. Гувер подчеркивал мощь наземных вооруженных сил Советского Союза. Тафт об этом умалчивал, подчеркивая отсутствие у Советского Союза стремления к мировой войне. Но в позиции и Гувера, и Тафта в данном вопросе противоречия не было: Гувер доказывал тем самым опасность участия США в наземной войне в Европе, Тафт давал понять, что существует возможность безнаказанного расширения военного конфликта на Дальнем Востоке. И тот, и другой предусматривали возможность военных действий против Советского Союза. Содержание выдержанных в военном духе речей Гувера и Тафта доказывает это. Но эта война, если США не будут втянуты в наземную войну на европейском континенте, могла бы вестись на условиях, диктуемых Соединенными Штатами, и выбор оружия принадлежал бы им. А этим оружием, по мнению Гувера и Тафта, должны были быть военно-воздушные и военно-морские силы. В данном случае ни Тафт, ни Гувер не были оригинальными, и их позиция меньше всего являлась результатом «неопытности» или некомпетентности. Скорее всего эта позиция отражала концепции, в значительной степени распространенные в конгрессе, в Пентагоне (в частности, в военно-воздушных силах), концепции, получившие широкое распространение в стране.

⁶⁴) Тезис, активно используемый в США для оправдания расправы над революционным национально-освободительным движением, для оправдания собственной империалистической агрессии.

⁶⁵) Congressional Record, vol. 97 p. 65.

Группировку Тафта-Гувера активно поддерживали те круги монополистического капитала США, которые были связаны с производством самолетов и авиационного оборудования и получали крупные барыши от правительственных военных заказов, а также наиболее реакционные и шовинистические организации. Так, например, Американский легион на своем ежегодном съезде вновь подчеркнул решающую и ведущую роль военно-воздушных сил в военной политике США⁶⁶). В защиту теории решающей роли ВВС в будущей войне выступил бывший начальник штаба ВВС генерал Карл Спаатс. Характерной в этом отношении была его статья, опубликованная 11 декабря 1950 г. в журнале «Ньюсунк». К. Спаатс требовал извлечь уроки из поражения в далекой Северной Корее. Он писал: «Изложенный просто, этот урок заключается в следующем: Соединенные Штаты, когда они будут вынуждены предпринять наступление для защиты своих неотъемлемых интересов, должны полагаться главным образом на воздушную мощь, в которой они имеют превосходство, нежели чем на людские ресурсы, в которых превосходство принадлежит их врагам, настоящим и потенциальным»⁶⁷).

Используя весь свой военный опыт и авторитет, Спаатс призывал перенести воздушную войну на территорию Китая, выдвигая предложения, фактически идентичные предложениям Макартура. Утверждая, что и Япония, и Германия в период II мировой войны были разгромлены прежде всего в результате применения военно-воздушной мощи (заявление, явно не соответствующее фактам), Спаатс подчеркивал: «Китай может быть разбит тем же самым способом. Такое может произойти с любым государством, подвергнутому продолжительной бомбардировке с воздуха»⁶⁸). И чтобы ни у кого не было никаких сомнений, кого он имеет в виду, Спаатс указывал: «Та же самая стратегия должна быть использована против Советской России, если война с отечеством красных станет неизбежна»⁶⁹).

8 января 1951 г. в послании конгрессу президент Трумэн изложил точку зрения правительства по вопросам внешней и внутренней политики США. Президент призывал готовиться к полной военной мобилизации и изложил программу гонки вооружения, которая предусматривала расширение военной промышленности с целью обеспечить производство 50 000 современных самолетов и 35 000 танков в год⁷⁰). Отвечая на выступления Тафта и Гувера, Трумэн вновь подчеркивал первоочередную роль Европы в «военно-стратегических планах аме-

⁶⁶) Congressional Record, vol. 96, p. A7576.

⁶⁷) Ibid., p. A7577.

⁶⁸) Ibid., p. A7578.

⁶⁹) Ibidem.

⁷⁰) Congressional Record, vol. 97, p. 105.

риканского империализма». «Северо-Атлантическое сообщество является сердцем нашего общего оборонительного усилия.— утверждал Г. Трумэн — Оборона Европы является основой обороны всего свободного мира, включая и нас самих... Стратегически, экономически и нравственно оборона Европы является частью нашей собственной обороны»⁷¹). Эта же мысль вновь была подчеркнута Г. Трумэном в его письме генералу Макартуру от 13 января 1951 г. Задача ускоренного увеличения военной мощи и мобилизации всех сил западных держав против Советского Союза выдвигалась Трумэном на передний план⁷²).

Во второй половине января 1951 г. вопрос о возможности эвакуации американских войск из Кореи отпал в связи с тем, что американским войскам удалось задержать наступление корейской народной армии и китайских народных добровольцев. В дальнейшем фронт стабилизировался в основном по 38 параллели. Это, в свою очередь, укрепило позиции тех сил в Соединенных Штатах, которые выступали против расширения района военного конфликта на Дальнем Востоке или считали это несвоевременным.

В течение января острейшая дискуссия по вопросам внешней политики США продолжалась в прессе, в выступлениях на митингах, официальных обедах и встречах, в обеих палатах конгресса. В феврале основная тяжесть «великих дебатов» была перенесена в комиссию по иностранным делам и по вооруженным силам американского сената, которые проводили открытые слушания по резолюции Уэрри⁷³). В ходе слушаний с показаниями в комиссиях выступили: командующий вооруженными силами НАТО генерал Д. Эйзенхауэр, министр обороны генерал Д. Маршалл, государственный секретарь Д. Ачесон, председатель объединенной группы начальников штабов генерал О. Брэдли, начальник штаба армии генерал Коллинз, начальник штаба ВМС адмирал Шерман, начальник штаба ВВС генерал Х. Ванденберг, командующий стратегической авиацией генерал Лемэй, бывший президент США Г. Гувер, сенатор Тафт, конгрессмен Д. Кеннеди, представители многочисленных, в основном реакционных организаций. Правда, прозвучал во время слушаний и голос тех, кто выступил за истинные поиски мирного урегулирования международных проблем. Это были выступления секретаря прогрессивной партии

⁷¹) Ibid., p. 104.

⁷²) «The Memoirs by Harry S. Truman», vol. 2, p. 435—436.

⁷³) Assignment of Ground Forces of the United States to Duty in the European Area. Hearings before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services United States Senate Eighty-Second Congress First Session on S. Con. Res. 8. A Concurrent Resolutions Relative to the Assignment of Ground Forces of the United States to Duty in the European Area. February 1, 15, 16, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27 and 28, 1951. Washington, 1951.

К. Болдуина и представителя Мэрилендского комитета в защиту мира. Но члены сенатских комиссий явно были заинтересованы в том, чтобы заглушить эти голоса. И они были заглушены голосами многочисленных высокопоставленных представителей американской империалистической буржуазии.

Формально главной проблемой обсуждения во время слушаний в сенатских комиссиях было рассмотрение резолюции Уэрри — кто обладает соответствующими полномочиями направлять американские наземные войска в Европу — президент или конгресс. Сторонники тафтистского крыла, отстаивая права конгресса, стремились получить дополнительное средство давления на правительство. Имело, конечно, значение и то, что наблюдающийся в послевоенные годы процесс ограничения власти конгресса и усиления исполнительной власти, особенно в вопросах внешней и военной политики, вызывал соответствующую реакцию в стране и в конгрессе. И неслучайно представители тех немногих организаций, которые во время слушаний выступали за поиски действенной программы ослабления международной напряженности, отстаивали право законодательной власти решать вопросы войны и мира, выступали против узурпации этой власти президентом. Однако главными проблемами, которые рассматривались в ходе сенатских слушаний были сущность и содержание военно-стратегических доктрин, вопросы направленности американской внешнеполитической экспансии, проблемы политики в Европе и в Азии. Генерал Эйзенхауэр, командующий войсками Северо-Атлантического союза, в своем выступлении на неофициальном заседании обеих палат конгресса 1 февраля 1951 г., а затем и в показаниях перед комиссиями сената на первый план выдвинул вопрос о значении Западной Европы. Подчеркнув роль индустриального потенциала Западной Европы, Эйзенхауэр говорил: «Если мы возьмем весь этот комплекс с его военным потенциалом и переместим его с нашей стороны на другую, военное равновесие изменится настолько круто, что наша безопасность будет серьезно подвержена опасности, чрезвычайно подвержена опасности». Генерал Эйзенхауэр настаивал на увеличении численности американских войск в Западной Германии и других государствах Западной Европы. Он доказывал, что опираясь на экономически развитые европейские государства, США и их союзники смогут энергично вести борьбу против стран социалистического лагеря. Он подчеркивал, что победа социалистической революции в странах Западной Европы подорвет позиции капитализма в колониях западноевропейских государств. «Едва ли возможно вообразить отпадение Западной Европы к коммунизму, — говорил Эйзенхауэр, — без одновременного падения многих из этих великих районов, особенно тех, которые находятся в политической зависимости от европейских держав, тех самых

районов, из которых мы черпаем материалы, абсолютно необходимые для нашего существования, для нашего образа жизни»⁷⁴). Генерал Эйзенхауэр, которого уже тогда, в 1951 г., называли в качестве вероятного кандидата от республиканской партии на пост президента США, считал правильной стратегическую линию американского империализма в послевоенный период: всеми средствами предотвратить победу революционного движения, укрепив капиталистические порядки в Западной Европе и рассматривал Северо-Атлантический пакт в качестве важнейшего звена в системе военно-политических союзов, созданных Соединенными Штатами.

Весьма важно то обстоятельство, что в выступлениях министров правительства Трумэна, членов ОГНШ имеется немало косвенных указаний на то, что они понимали, что Западной Европе не грозит опасность военного нападения со стороны Советского Союза. Так, в частности, генерал Коллинз признавал, что 6 американских дивизий явно недостаточно, чтобы сдержать советское наступление⁷⁵). Но официальные деятели правительства Трумэна в ходе слушаний неоднократно давали заверения в том, что планов дальнейшего увеличения американских войск в Европе в данный момент не существует. Так ли это или не так, но подобные утверждения означали, что сведения об отправке американских войск в Европу появились в прессе Соединенных Штатов Америки в связи с агрессивными планами самого американского правительства. И факты показывают, что правительство США действительно исходило из следующих расчетов. Эти расчеты были основаны на том, что с 1952 г. Соединенные Штаты будут находиться в состоянии военной готовности. Документ NSC-68/4, в котором разрабатывались основные стратегические установки в США в области военной и внешней политики, перенесил планируемую дату завершения перевооружения Соединенных Штатов с 1954 на 1952 г.⁷⁶). Выступая в комиссиях сената, генерал Эйзенхауэр доказывал, что к 1952 г. западноевропейские союзники США будут иметь 40 дивизий⁷⁷). Шесть американских дивизий, по словам Д. Маршалла, должны были стать «сердцевинной», «краеугольным камнем» европейской армии⁷⁸). Антисоветский характер подобных действий был столь очевиден, что даже такой реакционный деятель, как сенатор Берд, в своем выступлении указывал на провокационный характер концентрации американ-

⁷⁴) Assignment of Ground Forces, p. 3.

⁷⁵) Ibid., p. 175. Две американские дивизии уже находились в Европе в составе американской оккупационной армии в Западной Германии, четыре дивизии планировалось отправить дополнительно.

⁷⁶) W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. Strategy, Politics and Defense Budgets. New York, London, 1962, p. 357.

⁷⁷) Assignment of Ground Forces, p. 20.

⁷⁸) Ibid., p. 45.

ских войск в Европе и перевооружения Западной Германии, по отношению к Советскому Союзу⁷⁹⁾.

В выступлениях генералов Маршалла, Брэдли, Ванденберга, Коллинза, адмирала Шермана выдвигался тезис, что в будущей войне именно Европа должна стать главным театром военных действий. В этой войне, по словам Брэдли, Западной Европе выделялась роль: «первой линии обороны Соединенных Штатов»⁸⁰⁾. Это означало, что правящие круги Соединенных Штатов рассчитывали, что военные действия не затронут Соединенных Штатов, а будут ограничены Европой. Соглашаясь в этом с председателем сенатской комиссии по вооруженным силам сенатором Расселом, министр обороны США Д. Маршалл выражал надежду, что Соединенным Штатам удастся всегда удерживать район военных действий «настолько далеко, насколько это возможно, по ту сторону океана, вдали от нас»⁸¹⁾. Ему вторил председатель ОГНШ генерал О. Брэдли: «Намного лучше вести войну по ту сторону Атлантического океана, где у нас есть друзья. Мы делали это в течение двух мировых войн и нам следовало бы надеяться, что если третья мировая война действительно придет опять, она будет вестись главным образом в Европе, а не в нашей стране»⁸²⁾.

Необходимо отметить, что лозунг «держат войну подальше от наших берегов» и стремление использовать народы европейских государств в качестве пушечного мяса поддерживали лидеры как демократической, так и республиканской партий.

Разногласия касались того, где, когда и как, какими методами будет вестись эта война. Правительство Трумэна при планировании военной и внешней политики исходило из того, что США могут пойти на риск мировой войны только в Европе против Советского Союза. Война в Корее показала, что США к мировой войне готовы не были. Влиятельные члены правительства Трумэна подчеркивали необходимость учета этого фактора и наличия атомного оружия у Советского Союза. Все это, подчеркивал адмирал Шерман, оказало влияние на военное мышление⁸³⁾. Военные круги США считали, что основной ударной силы США должны оставаться авиация, военноморской флот и атомное оружие. «В настоящее время, — говорил Брэдли во время сенатских слушаний, — величайшей устрашающей силой является обладание атомной бомбой и способность доставки ее»⁸⁴⁾. Но в то же время война в Корее

79) Ibid., p. 51—52.

80) Ibid., p. 130.

81) Ibid., p. 47.

82) Ibid., p. 148.

83) Ibid., p. 206.

84) Ibid., p. 135.

заставила военных руководителей США произвести переоценку роли военно-воздушных сил, осознать необходимость сильной наземной армии. Журнал «Офисерс кол», издаваемый министерством армии для офицеров запаса писал: «Мы не можем больше полагаться на философию, которая наводнила нашу страну после того, как была произведена атомная бомба»⁸⁵). Генерал Коллинз неоднократно во время слушаний говорил, что уроки войны в Европе, уроки войны в Корее доказывают, что США нуждаются в большой сухопутной армии⁸⁶). В соответствии с планами Пентагона основу наземных войск Северо-Атлантического союза должны были выставить западноевропейские государства. В ходе сенатских слушаний государственный секретарь Д. Ачесон вынужден был признать, что западноевропейские государства не отстают от Соединенных Штатов в гонке вооружения. Ачесон привел данные о количестве солдат, призванных под ружье в различных странах на декабрь 1950 г. (из расчета на 1000 человек населения)⁸⁷).

США — 15
Франция — 17

Англия — 14
Бельгия — 12.

Нидерланды — 11

В ходе дискуссии Гувер, Тафт и их сторонники в основном повторяли мысли, изложенные ранее. Главным тезисом, который они постоянно «развивали» был все тот же тезис о решающей роли военно-воздушных сил в предстоящей мировой войне. Необходимо отметить, что начальник штаба ВВС генерал Ванденберг после настойчивых вопросов сенатора Уэрри, может ли военный потенциал Советского Союза быть разрушен американской авиацией, заявил: «С соответствующими военно-воздушными силами, должным образом укомплектованными, с достаточным личным составом, сооружениями, базами, по моему мнению, военный потенциал любого государства в мире может быть разрушен этими военно-воздушными силами». Но в дальнейшем Ванденберг вынужден был признать, что американская авиация не готова к этому и не располагает соответствующими возможностями⁸⁸).

Ряд сенаторов, (в частности, лидер республиканского меньшинства в сенате Уэрри), основываясь на теории решающей роли военно-воздушных сил в будущей войне, настойчиво выдвигали и отстаивали идею нанесения удара по Советскому Союзу до отправки американских войск в Европу. «Моя точка зрения заключается в том,— говорил Уэрри, обращаясь к генералу Коллинзу,— что до того, как вы примите на себя эти обязательства и ваши парни станут частью интегрированной

⁸⁵) Ibid., p. 191.

⁸⁶) Ibid., p. 154, 191.

⁸⁷) Ibid., p. 96.

⁸⁸) Ibid., p. 232.

армии, не было бы умнее использовать данное средство устрашения, о котором вы только что говорили как о решающем средстве устрашения, и бомбить военный потенциал России»⁸⁹). Генерал Коллинз говорил об обладании атомной бомбой и средствами ее доставки как о «средстве устрашения», но он считал, что исход войны нельзя решить только атомным ударом и что за сухопутными войсками остается их весьма важная и даже решающая роль. В конечном счете, утверждал Коллинз, решающим фактором является солдат⁹⁰). Но предложение принять участие в наземных сражениях с могучими армиями Советского Союза и других социалистических государств пугало многих американских политических деятелей. Манья всемогущества, овладевшая ими, когда они призывали сбросить атомные бомбы на Советский Союз, Китай и другие социалистические страны, сразу же исчезала, как только им говорили о возможности вступить в бой с Советской армией, армиями социалистических государств.

Весьма характерный диалог, вскрывающий позиции сторон, произошел между Уэрри и Коллинзом 19 февраля 1951 г.: «Сенатор Уэрри: Почему не начать с бомбардировки военного потенциала России и, разрушив Россию, не сделать нашу позицию лучшей до того, как мы ввяжемся в наземный бой с Россией?»

Генерал Коллинз: Я думаю, что наше разногласие, если оно имеется, состоит исключительно в проблеме времени. Я могу заверить вас, что в случае большой войны наши стратегические военно-воздушные силы с громадной силой ударят по России, и они не будут ждать, пока решится исход наземного сражения. Обе вещи произойдут одновременно. Точка зрения, которую я отстаиваю, состоит в том, что атака стратегической авиации любого размера по России не предотвратит тем временем захвата Европы, а потеря европейского потенциала как людских ресурсов, так и производственных мощностей, определенно продлит войну, если это не будет означать ее проигрыш. Определенно результатом этого может быть проигрыш войны»⁹¹).

Ответы Коллинза свидетельствуют о том, что так же, как и Уэрри, он исходил из вероятности войны с социалистическими государствами. Но в отличие от Тафта, Гувера, Уэрри, он, отражая точку зрения армейских кругов, считал, что необходимо время, чтобы подготовиться к войне в Европе и поэтому призывал к созданию больших сухопутных армий США и государств, вошедших в агрессивный Северо-Атлантический союз. В ходе прений сторонники Тафта выдвинули принципы,

⁸⁹) Ibid., p. 192.

⁹⁰) Ibid., p. 190.

⁹¹) Ibid., p. 192—193.

которые позднее были включены в официальную военно-стратегическую доктрину правительства Эйзенхауэра — доктрину «массированного возмездия». Главный ее принцип заключался в признании основным средством ведения войны против социалистических государств и национально-освободительного движения, как наиболее приемлемым для США, — атомной бомбардировки жизненно важных центров. Второй принцип — это тезис о центральном положении Соединенных Штатов, о том, что США ради сохранения мобильности и гибкости не должны концентрировать свои силы только в каком-то одном районе. Генерал Эйзенхауэр, призывавший сформировать мощную атлантическую армию в Европе и придававший большое значение Западной Европе в военно-стратегических концепциях США, в то же самое время утверждал: «Занимая центральное положение, мы должны иметь в виду многие секторы (земного шара). Мы не можем концентрировать все наши силы в каком-либо одном секторе, даже в таком важном, как Западная Европа. Мы должны, главным образом, находиться здесь (т. е. в США.— С. В.) с большими, мобильными, мощными резервами, готовыми поддержать нашу политику, наши права, наши интересы, где были они ни находились в опасности»⁹²).

Наиболее полно в ходе сенатских слушаний точка зрения о том, что для успешного проведения глобальной политики США не должны расплывать свои силы, была сформулирована сенатором Смитом в его выступлении 16 февраля 1951 г. Смит, подчеркивая необходимость сохранения «высокой степени гибкости в определении, где мы должны использовать наши силы», заявлял далее следующее: «Мы нуждаемся в большой степени мобильности, так как в то время как сегодня опасность может находиться в Центральной Европе или Западной Европе, завтра она может находиться где-либо еще. Мы должны мыслить с точки зрения нашей мировой силы и направлять наши вооруженные силы труда, где мы в случае крайней необходимости нуждаемся в них». Далее Смит развивал идеи о «возмездии» и роли стратегической авиации⁹³). Необходимо отметить то, что все эти идеи о «гибкости», «маневренности», «возмездии» и т. д. возникли как реакция на войну в Корее. Тяжелые потери увязнувшей на далеком Корейском полуострове большой американской армии, недовольство теми ограничениями, которые вынужденное считаться с международным соотношением сил, правительство Трумэна установило на военные действия американских войск — все это и заставляло определенную часть военных и политических кругов США искать выхода в новых идеях. Немалую роль играло и опасение, что в Европе повторится корейская ситуация, что и в ев-

⁹²) Ibid., p. 5.

⁹³) Ibid., p. 139, 5, 53, 54, 140.

ропейской войне союзники оставят США в одиночестве, что и здесь возможны ограничения на американскую мощь. Сенатор Ноулэнд, подчеркнув, что руки американских командующих в Корее связаны различными ограничениями, спрашивал, где гарантии, что и в Европе не будут иметь место дискуссии — использовать или не использовать атомное оружие, использовать или не использовать стратегическую авиацию, где гарантии того, что Организация Объединенных Наций вновь не помешает действиям американских командующих⁹⁴).

Лидеры республиканской партии широко использовали недовольство американского народа войной в Корее, стоящей американцам десятки тысяч человеческих жертв и миллиарды долларов. В ходе сенатских слушаний сторонники идеи «массированного авиационного удара» доказывали, что его применение обойдется американским налогоплательщикам намного дешевле, чем формирование большой сухопутной армии и потребует меньше человеческих жертв. В данном случае показателем был диалог между генералом Ванденбергом и сенатором Уэрри. Сколько будет стоить достижение абсолютного господства в воздухе — в людях, в самолетах, во всем, что связано с ними, — сколько будет стоить победа во всеобщей войне, где Америка будет иметь полное превосходство в воздухе по сравнению с наземной войной в Европе, — ответа на эти вопросы добивался сенатор Уэрри от генерала Ванденберга. И Ванденберг серьезно пытался дать ответ.

Однако вмешался председательствующий на заседании сенатор Коннэли, который заявил, что обсуждение подобных вопросов может завести очень далеко и явно неуместно на открытом заседании⁹⁵).

Конечно идея, вошедшая впоследствии в доктрину «массированного возмездия», в февральские дни 1951 года еще не получили законченного развития. Понадобилось еще много — зашедшая в тупик война в Корее, выборы 1952 г., крах старых военно-стратегических доктрин, — чтобы правящие круги США пришли к признанию этой доктрины в качестве официального курса. Но само выдвижение этих идей в конце 1950 — начале 1951 г. говорило о многом и было неслучайным. Их появление имеет непосредственное отношение к планам расширения военного конфликта на Дальнем Востоке. Идея «гибкости», «маневренности», массированного авиационного удара, «дешевой» войны, высказанные во время дискуссии, были своеобразным теоретическим обоснованием программы Макартура о расширении войны на Дальнем Востоке, хотя в ходе расследования имя Макартура почти не упоминалось. Но в действительности, выступив против отправки наземных войск

⁹⁴) Ibid., я. 173, 27.

⁹⁵) Ibid., p. 232—234.

в Западную Европу, против ограничений на действия командования американских войск на Дальнем Востоке, отстаивая идеи доминирующей роли авиации, политические деятели типа Уэрри, Смита, Ноулэнда, не говоря уже о Тарте и Гувере, активно защищали программу Макартура. Правда, их позиции не были полностью идентичны. Ноулэнд, в частности, соглашался на отправку американских дивизий в Западную Европу, но с условием предоставления Макартуру свободы действий на Дальнем Востоке.

«Великие дебаты» вскрыли наличие глубоких разногласий между различными фракциями американской империалистической буржуазии. При этом Тафт, Гувер, Уэрри, Макартур и их сторонники выступили не только против политики правительства Трумэна, но и против весьма влиятельной в республиканской партии группировки Дьюн-Стассена-Эйзенхауэра. В ходе слушаний политические и военные деятели, примыкающие к группировке Эйзенхауэра-Дьюн-Стассена фактически выступили против программы Гувера-Тафта-Макартура, с определенными оговорками поддержав программу действий правительства Трумэна.

Необходимо подчеркнуть, что ни одна из этих группировок не выдвигала мирной альтернативы. В своем кратком выступлении в сенате секретарь прогрессивной партии С. В. Болдуин говорил: «Подлинной дискуссии относительно нашей внешней политики не было, ибо американскому народу не было предложено действительной альтернативы. Трумэн, Дьюн и Эйзенхауэр, с одной стороны, Гувер и Тафт, с другой, выдвинули два подхода к войне, но не альтернативу войне. Ни один из этих подходов не отражает истинного стремления американского народа к миру... Очень важно, что в то время как непреодолимое желание американского народа состоит в требовании вывода наших войск из Корей, участники большого спора обсуждали вопрос о том, какое количество войск должно быть послано в Европу»⁹⁶).

Посылка войск в Европу, предупреждал представитель Мэрилендского комитета защиты мира, это шаг, основанный на предпосылке неизбежности войны, шаг в направлении к войне. «Требование американского народа — наши парни должны быть возвращены из Корей домой... «Мы, простые люди, настаиваем на том, что реальная альтернатива существует. Такой альтернативой является урегулирование как результат переговоров». Такое урегулирование, подчеркивали участники движения в защиту мира, как результат переговоров между США и СССР, возможно»⁹⁷).

⁹⁶) Ibid., p. 238—239.

⁹⁷) Ibid., p. 244—246

Голос американского народа не был услышан. Но представители выступающих друг против друга группировок американской империалистической буржуазии вынуждены были считаться со сложившимся на международной арене соотношением сил. Военно-стратегические концепции обеих группировок вынуждены были учитывать как важнейший фактор наличие социалистического содружества государств и считаться с мощью Советского Союза. Программа Гувера-Тафта-Макартура была отвергнута потому, что их оппоненты как из демократической, так и из республиканской партии, считали, что главным препятствием, главным барьером в осуществлении агрессивных планов империалистических кругов США является Советский Союз. Решиться на прямое военное столкновение с Советским Союзом правительство США не смогло, так как, по общему признанию, США к этому не были готовы. В конечном счете во время «великих дебатов» победила линия, отстаиваемая правительством Трумэна. 4 апреля сенат принял резолюцию, одобряющую отправку четырех американских дивизий в Западную Европу в дополнение к имевшимся там американским войскам. Оппозиции не удалось провести в жизнь принцип обязательного предварительного одобрения конгрессом любой отправки американских войск вне пределов США. Одобрение решения об отправке американских дивизий в Западную Европу означало отказ от принятия плана развязывания большой войны на Дальнем Востоке. 10 апреля 1951 г. был уволен в отставку генерал Д. Макартур. Однако после его отставки внутриполитическая борьба в Соединенных Штатах Америки по вопросам внешней политики продолжалась.

РЕАКЦИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ НА ИСПЫТАНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (КОНЕЦ 1949 г.— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950 г.)

С. В. ВОЛЬФСОН

С конца 1949 г. отмечается обострение внутривнутриполитической борьбы в Соединенных Штатах Америки. Особенно острыми были разногласия в правящих кругах по вопросу о том, какому внешнеполитическому курсу следовать в условиях участившихся провалов американской внешней и военной политики, с одной стороны, и растущих успехов и международного авторитета социалистических стран, прежде всего СССР, с другой.

В 1947—1948 гг. Советское правительство, выступавшее за полное запрещение атомного оружия, предупреждало мировое общественное мнение, что секрета производства атомной бомбы не существует, что этим секретом советская наука уже овладела. Правительство Трумэна, военные круги Соединенных Штатов игнорировали эти заявления. Они категорически отвергали предложения правительства СССР о запрещении атомного оружия. При разработке внешнеполитических программ и военно-стратегических планов правящие круги США по-прежнему исходили из того, что Соединенным Штатам в течение длительного времени удастся сохранить монополию на атомную бомбу. Президент США Г. Трумэн впоследствии в своих мемуарах писал, что никто в его правительстве, в военных кругах не ожидал, что Советский Союз взорвет какое-либо атомное устройство ранее 1952 г.¹⁾

Объединенный комитет начальников штабов, в частности, в своих расчетах исходил из того, что если Советскому Союзу и удастся взорвать атомное устройство к 1952 г., то накопить имеющий военное значение запас атомных бомб СССР сумеет

¹⁾ H. S. Truman. Memoirs, vol. 2. Years of Trial and Hope. 1946—1952, New York, 1956, p. 306.

лишь к 1955 г. В октябре 1948 г. в «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья, в которой утверждалось, что рассчитанные на длительное время планы объединенного комитета начальников штабов исходят из того, что только в 1977 г. Советский Союз сможет иметь межконтинентальные ракеты с атомными боеголовками²⁾.

Буквально за два дня до сообщения президента США Г. Трумэна о советском атомном испытании обычно осведомленные влиятельные американские журналисты братья Олсон, излагая суть американских стратегических планов в отношении Западной Европы, сообщали, что к 1954 г. должны быть завершены планы перевооружения Западной Европы и создания там армии НАТО в размере 40—50 дивизий. 1954 год избирался в качестве конечной даты потому, что именно к этому времени, по мнению тех, кто составлял подобного рода планы, Советский Союз начнет создавать запасы атомного оружия³⁾.

Заявление президента Трумэна, аналогичные заявления в Лондоне и Оттаве о наличии у Советского Союза атомного оружия означали фактическое признание провала расчетов на атомную монополию США. В заявлении ТАСС от 25 сентября 1949 г. было подтверждено наличие в Советском Союзе атомного оружия. Вместе с тем в заявлении ТАСС была подчеркнута решимость Советского правительства настаивать на безусловном запрещении атомного оружия⁴⁾.

Как реагировало правительство Трумэна на это событие? Ничего чрезвычайного и неожиданного не произошло — в этом суть позиции, занятой официальными кругами Вашингтона. «Правительство Соединенных Штатов не было неподготовленным к русскому атомному взрыву, — писал впоследствии Г. Трумэн в своих мемуарах... — не было необходимости критических решений. Это была ситуация, которая, как мы ожидали, должна была произойти рано или поздно. Разумеется, она возникла скорее, чем это ожидали эксперты, но она не требовала от нас изменения направленности нашей программы⁵⁾.

Реакция генерала Эйзенхауэра совпадала с точкой зрения президента Трумэна: «Я не вижу причины, почему развитие, которое предвиделось несколько лет тому назад, должно привести к какому-либо революционному изменению в нашем мышлении или в наших действиях. Еще более характерным

2) W. R. Shilling. The Politics of National Defense: Fiscal 1950. В книге W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. Strategy, Politics and Defense Budgets, New York, 1962, p. 38.

3) D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins. 1917—1960. London 1961, p. 521.

4) «Известия», 25 сентября 1949 г.

5) H. S. Truman. Memoirs, vol. 2, p. 307.

было заявление одного из руководителей американской разведки и высокопоставленного дипломата генерала Беделла Смита, который выразил убеждение, «что потребуется по крайней мере десять лет, чтобы Советская Россия достигла того уровня массового производства (атомных бомб), которого мы достигли в настоящее время»⁶).

Подобная точка зрения означала, что внешнеполитические концепции и военно-стратегические доктрины правительства Трумэна не изменялись коренным образом. Американское правительство отказывалось признать банкротство внешнеполитических концепций и военно-стратегических доктрин, в основе которых лежала идея ядерной монополии Соединенных Штатов. Но полностью игнорировать факт утраты США монополии на атомное оружие и вытекающих отсюда для международной позиции США последствий правительство Трумэна не могло. Д. Даллес писал в 1950 г.: «Столь быстрое овладение Советами производством атомной бомбы поистине является гигантским успехом Советского государства, а конец монополии США в этой области окажет настолько далеко идущее влияние, которое сейчас даже трудно предсказать»⁷).

Органы, планирующие американскую внешнюю и военную политику, в этих условиях вынуждены были рассмотреть международные последствия наличия ядерного оружия у Советского Союза. Так, в частности, отдел по планированию политики в государственном департаменте в сентябре 1949 г. предпринял исследования последствий ядерного взрыва в СССР и предполагаемых в США ускоренных работ по производству водородной бомбы⁸). Правительственные и военные круги искали выхода из создавшегося положения в новом этапе гонки ядерных вооружений, в ускоренном производстве термоядерного оружия. Надо отметить, что принятие решения о производстве водородного оружия сопровождалось резкими протестами американского общественного мнения, в частности, группы ученых Корнельского университета, Федерации американских ученых, Эйнштейна и др.⁹). Даже в комиссии по атомной энергии не было единодушного мнения по этому вопросу¹⁰). Консультативный комитет комиссии по атомной энергии высказался против производства термоядерной бомбы¹¹). Однако

⁶) H. J. Morgenthau. *Politics in Twentieth Century*, vol. 2, *The Impasse of American Foreign Policy*, Chicago, 1962, p. 155.

⁷) J. F. Dulles. *War or Peace*, New York, 1957, p. 152.

⁸) P. Y. Hammond. NSC-68: *Prologue to Rearmament*. В книге W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. *Strategy, Politics and Defense Budgets*. New York, 1962, p. 290.

⁹) D. F. Fleming. *The Cold War and Its Origins*, p. 526.

¹⁰) H. S. Truman. *Memoirs*, vol. 2, p. 308.

¹¹) W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. *Op. cit.*, p. 291.

министерство обороны и государственный департамент решительно настаивали на создании термоядерного оружия.

В ноябре 1949 г. Трумэн отдал указание о создании специального комитета в составе министра обороны, государственного секретаря и председателя комиссии по атомной энергии для изучения вопроса о производстве водородной бомбы и влияния этого шага американского правительства на внешнюю и военную политику Соединенных Штатов. В январе 1950 г. Трумэну были представлены рекомендации, подписанные Д. Ачесоном, Льюисом Джонсоном и Д. Лиленталем. Суть этих рекомендаций — США должны предпринять любые меры для ускоренного производства водородного оружия. В этом же месяце Трумэн подписывает директиву о производстве водородного оружия и одновременно направляет госдепартаменту и министерству обороны письмо, уполномочивающее государственного секретаря и министра обороны произвести всеобщую переоценку американской внешней и военной политики в свете овладения Советским Союзом секретами производства атомного оружия, победы революции в Китае и перспективы производства водородной бомбы. Причем производство «супербомбы» и процесс переоценки американских стратегических установок и внешней политики должен был происходить одновременно¹²). Тем самым правительство Трумэна принимало решение громадной международной важности до того, как был произведен соответствующий анализ международного соотношения сил, до того, как были учтены последствия данного решения.

Государственный департамент и министерство обороны в исполнение данной директивы президента объединили группы, уже занятые переоценкой внешнеполитических концепций и военно-стратегических доктрин в единую группу. Результатом шестинедельной работы этих групп явилась разработка рекомендаций, которые легли в основу секретного документа NSC-68, который впоследствии стал своеобразным программным документом, определившим основные задачи и направления американской внешнеполитической экспансии, наметившим новые темпы гонки вооружения. В ходе разработки этого документа проявились разногласия среди тех, кто принял активное участие в его составлении и обсуждении. Американский профессор А. Хаммонд, автор наиболее полного исследования истории разработки документа NSC-68, излагает суть разногласий, возникших между П. Нитце, директором отдела планирования политики государственного департамента, заменившего в январе 1950 г. на этом посту Д. Кеннана, с одной стороны, и высокопоставленными американскими дипломатами Д. Кеннаном и Ч. Боленом, с другой.

¹²) Ibid., p. 292.

Разногласия возникли впервые летом 1949 г., когда Д. Кеннан предложил создать высокомеханизированные мобильные тщательно обученные воинские соединения приблизительно в размере двух дивизий, приспособленные для ведения локальных войн в рамках «политики сдерживания». П. Нитце выступил против. В ходе разработки документа NSC-68 Д. Кеннан и один из высокопоставленных американских дипломатов Ч. Болен не согласились с Нитце и некоторыми другими членами группы в трактовке характера «советской угрозы». И Кеннан, и Болен выступали против тезиса Нитце и некоторых других членов группы о том, что готовность Соединенных Штатов к всеобщей войне имеет первоочередной приоритет. Кеннан, по утверждению П. Хаммонда, подчеркивал, что главное содержание «советской угрозы» находится в политической, дипломатической и экономической областях. Что же касается военной области, то, по мнению Кеннана, необходимо иметь в виду «угрозу» ограниченных военных вызовов, которые требуют, чтобы США были способны вести ограниченную войну с использованием обычных вооруженных сил¹³). Ч. Болен настаивал на отказе от односторонних оценок при характеристике целей советской внешней политики, подчеркивая необходимость проведения гибкой внешней и военной политики со стороны Соединенных Штатов. Нельзя утверждать, что мнения, высказанные Кеннаном и Боленом, не разделялись другими американскими официальными лицами. В 1949 г. заместитель начальника отдела стратегического планирования объединенного комитета начальников штабов генерал Р. Линдсей, сообщая Кеннану и Нитце, что министерство обороны США в своем планировании исходит из подготовки к всеобщей войне, в то же время указывал, что его отдел разделяет мнение, что необходимо быть готовыми вести не только большие, но и малые войны¹⁴). В решениях планирующей группы, разрабатываемой в начале 1950 г. основы будущей американской внешней политики были выдвинуты предложения, имеющие в виду способность Соединенных Штатов не только вести всеобщую войну, но и принимать участие в войнах ограниченного характера.

В конце марта 1950 г. документ, подготовленный планирующей группой, был передан в более высокие органы — с ним были ознакомлены министры военных ведомств, начальники штабов, высокопоставленные чиновники государственного департамента. Одобренный объединенным комитетом начальников штабов, подписанный министром обороны Л. Джонсоном и государственным секретарем Д. Ачесоном 7 апреля 1950 г. документ был передан в Белый дом.

¹³) Ibid., p. 287—288, 308—312.

¹⁴) Ibid., p. 288.

Авторы документа искали причину «мирового кризиса» в потрясениях, вызванных историческими процессами, имеющими начало в русской революции, и развитием ядерного оружия. Сравнивая военные и экономические — настоящие и потенциальные — возможности западного мира и Советского Союза, составители документа приходили к тревожным выводам. По их мнению, Советский Союз в одно и то же время был способен как к быстрому экономическому росту, так и к поддержанию высокой обороноспособности. В документе утверждалось, что в течение четырех лет Советский Союз будет иметь достаточно атомных бомб и достаточную способность их доставки, чтобы в значительной степени свести на нет устрашающую способность американского ядерного оружия. В то же время, как сообщает Хаммонд, документ подчеркивал неадекватность способностей Запада встретить ограниченный военный вызов, обусловленный недостатком обычных вооруженных сил, дефектами в системе западного союза, военной и экономической слабостью Западной Европы¹⁵).

Авторы документа не искали выхода из создавшегося положения на пути переговоров. Они отвергали возможность переговоров с Советским Союзом кроме как на основе позиции силы и предлагали усилить гонку вооружений. В документе были упомянуты в качестве альтернативных курсов возможность превентивной войны против СССР или концентрации сил в западном полушарии. Но наиболее подробно и детально в рекомендациях рассматривалась возможность и целесообразность проведения курса на ускоренное усиление гонки вооружений. Одним из выводов, содержащихся в документе, было утверждение, что даже в мирное время до 20 процентов валового национального продукта может быть направлено на укрепление национальной безопасности (т. е. на гонку вооружений), и что это не приведет к национальному банкротству¹⁶). В ходе обсуждения и разработки документа подчеркивалась необходимость увеличения военного бюджета с 13-14 млрд. долларов в год до 35—50 млрд. долларов¹⁷).

¹⁵) Ibid., p. 305—306.

¹⁶) Ibid., p. 306.

¹⁷) Ibid., p. 318—319. Официально военные расходы по бюджету на 1950 финансовый год, заканчивающийся 30 июня 1950 г., т. е. расходы министерства обороны составляли 13439647000 долларов. Но эти данные не включают в себя расходы на комиссию по атомной энергии, на военную помощь другим странам и другие военные расходы. По данным американского прогрессивного историка и экономиста Х. Лумера, военные расходы США на 1950 финансовый год составили 17 миллиардов долларов (что приблизительно свыше 6% валового национального продукта). См. *Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957*. Washington, 1960, p. 718. H. Lumer. *War Economy and Crisis*. New York, 1954, p. 18.

Необходимо отметить, что подобные цифры военных расходов уже не раз упоминались военными лидерами США как вероятные и желательные. В 1949 г. при рассмотрении бюджета на 1950/1951 финансовый год в Пентагоне выдвигались требования увеличить военные расходы до 30 млрд. долларов в год¹⁸⁾. В первой половине 1950 г., когда в конгрессе происходили острые дебаты по военному бюджету на 1951/1952 финансовый год (он определялся в размере приблизительно около 14 млрд. долларов), в тиши пентагоновских кабинетов происходило программирование и оценка документа NSC-68¹⁹⁾. Объединенный комитет начальников штабов, опираясь на рекомендации, изложенные в этом документе, предлагал увеличить военные расходы до 50 миллиардов долларов в год. Причем, как пишет П. Хаммонд, это должно было быть только начальным, а не завершающим этапом в программе перевооружения²⁰⁾.

Программа перевооружения, выработанная в недрах военного и дипломатического ведомств, означала, что военные соображения стали полностью доминировать в разработке внешнеполитического курса США.

В американской исторической литературе широко распространена точка зрения, что перед войной в Корею, а значит и в первой половине 1950 г., военные доктрины, военная политика Соединенных Штатов почти исключительно были направлены на подготовку к всеобщей войне с Советским Союзом. «...Во всех районах мира Соединенные Штаты, чтобы сдержать расширение коммунистической сферы влияния, полагались главным образом на устрашающий эффект ответного ядерного удара,— пишет Р. Осгуд.— Следовательно, хотя концепция сдерживания предусматривала ограниченную войну, американская политика была рассчитана почти исключительно на случай тотальной войны»²¹⁾. Другой американский автор Д. Спэниер пишет: «Американская политика была подготовлена только к всеобщему вызову неожиданного нападения Советского Союза на Соединенные Штаты или Западную Европу в некотором будущем»²²⁾. Основной упор в военно-стратегических доктринах и в военной политике Соединенных Штатов делался на подготовку к всеобщей атомной войне.

¹⁸⁾ W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. Op. cit., p. 344.

¹⁹⁾ 12 апреля 1950 г. президент США Г. Трумэн направил этот документ в Национальный совет безопасности для подробного программирования и определения конкретного содержания программы. Именно с данного момента этот документ был зарегистрирован как NSC-68.

²⁰⁾ W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. Op. cit., p. 344.

²¹⁾ Р. О. Осгуд. Ограниченная война. Москва, 1960, стр. 192—193.

²²⁾ J. W. Spanier. The Truman—MacArthur Controversy and the Korean War. Cambridge, 1959, p. 22—23.

и наиболее распространенной военной концепцией того периода была концепция массированного атомного удара по социалистическим странам, наносимого американской стратегической авиацией. Эта стратегия была рождена в период атомной монополии США, она наиболее импонировала тем империалистическим кругам, которые рассчитывали на быструю, дешевую и наиболее бескровную победу в тотальной войне. Атомная монополия и превосходство в стратегической авиации — вот те два кита, на которых покоились подобного рода расчеты. Этих взглядов придерживались очень многие члены конгресса. Они широко популяризировались газетами, радио, постоянно повторялись в выступлениях различных военных деятелей, особенно представителей военно-воздушных сил. Соединенные Штаты не могут меряться с Советским Союзом людскими силами, — утверждал в ходе прений в Конгрессе в 1949 г. министр авиации С. Саймингтон, — нам придется положиться только на превосходство в военной технике, лучшим элементом которой является стратегическая авиация²³). Член палаты представителей К. Кэннон, председатель комитета по ассигнованиям, заявлял, что посредством атомной бомбардировки можно закончить войну с Россией в три недели. Если это не так, то Соединенные Штаты могут позволить европейцам сражаться с европейцами. «Нам в будущей войне обязательно посылать нашу наземную армию по ту сторону Атлантического океана, как это мы делали в последней войне. Давайте снарядим солдат других государств и позволим им посылать их парней на гибель вместо того, чтобы посылать наших парней». Кэннон призывал своих коллег вложить деньги главным образом в строительство бомбардировщиков дальнего радиуса действия²⁴). В 1949-1950 гг. многие члены конгресса настаивали на увеличении военно-воздушных сил США до 70 групп²⁵). В то время военно-воздушные силы, ранее состоявшие из 59 групп, из соображений военной целесообразности были сведены в 48 групп. Это не означало уменьшение военно-воздушных сил. Так, например, число тяжелых бомбардировщиков в каждой из групп этого типа авиации было увеличено с 18 до 30. Интересно в этом смысле признание журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Журнал сравнивает рекомендации комиссии Финлеттера, предусматривающие создание военно-воздушных сил в размере 70 групп, с военно-воздушными силами в размере 48 групп. Программа, предложенная комиссией Финлеттера, предусматривала наличие 700 тя-

²³) Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика. Москва, 1959 г., стр. 86.

²⁴) W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder. Op. cit., p. 76.

²⁵) Ibid., p. 45—46.

желтых бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы и общую численность военно-воздушных сил в размере 12 400 современных самолетов. Численность самолетов в военно-воздушных силах в размере 48 групп должна была составить соответственно 815 тяжелых бомбардировщиков 12 500 самолетов²⁶). Тем не менее сторонники дальнейшего развития стратегической авиации требовали новых ассигнований.

19 мая и 16 июня 1950 года генерал Х. Ванденберг обрушился в публичных выступлениях на политику, проводимую министерством обороны,—политику приблизительно равного распределения средств между военными ведомствами²⁷). Министр обороны Л. Джонсон впоследствии уверял конгресс, что он всегда отдавал предпочтение стратегической авиации и поддерживал все, что делалось Форестолом, Саймингтоном, генералами Ванденбергом и Лимэем в ее развитии²⁸). Все вышесказанное подтверждает, что ведущие деятели правительства Трумэна, Пентагона, конгресса были, по словам Р. Осгуда, «поглощены подготовкой к тотальной войне»²⁹). Расчеты на всеобщую войну с Советским Союзом и подготовка к ней были составной и важнейшей частью внешнеполитического курса и военной политики США после II мировой войны. Именно на этой основе и происходил так называемый «пересмотр» или «переоценка» — только теперь главный упор делался на ускоренное производство термоядерного оружия. В военно-стратегических планах главное внимание уделялось способности нанести массированный ядерный удар по Советскому Союзу и социалистическим странам. Ведущая роль предназначалась американской стратегической авиации, а западно-европейским странам отводилась роль поставщиков пушечного мяса. В 1950 г. в США разрабатываются планы резкого усиления гонки вооружений в Западной Европе и ускоренного совершенствования военно-политической системы НАТО.

В то же время нет серьезных оснований утверждать, что правящие круги США были поглощены подготовкой только к всеобщей войне. Утверждения подобного рода выдвигаются американскими авторами Осгудом, Спэннером, Киссингером для того, чтобы доказать, что США не были готовы и не готовились к конфликтам ограниченного масштаба, что внешнеполитическая практика и военно-стратегические планы Соединенных Штатов не содержали и не были рассчитаны на подобного рода конфликты³⁰). Поэтому война в Корее якобы яви-

²⁶) «U. S. News and World Report», March 10, 1950, p. 16.

²⁷) Military Situation in the Far East. Washington, 1951, p. 1385.

²⁸) Ibid., p. 2643.

²⁹) Р. Осгуд. Ограниченная война, стр. 193.

лась полнейшей неожиданностью для США. Исторические факты опровергают подобного рода утверждения. Правда, военно-стратегические доктрины того времени не включали в себя в полной мере разработанную теорию локальных войн. Это было сделано в большей степени во второй половине пятидесятих годов, когда новое соотношение сил, сложившееся в мире, заставило военные и политические круги в США заняться более углубленной разработкой проблем ограниченных войн. Но взятая на вооружение правящими кругами США после второй мировой войны политика «сдерживания» и соответствующие ей военно-стратегические доктрины самим своим содержанием, самой своей сущностью определяли готовность Соединенных Штатов вести не только всеобщую, но и ограниченные войны. Р. Осгуд вынужден был, в частности, признать, что «концепция сдерживания предусматривала ограниченную войну».

Характер политики «сдерживания», по словам американского историка Г. Моргентау, направленной на отбрасывание социалистического лагеря далее к востоку от линии, разделяющей капиталистические и социалистические страны в 1945 г.³¹⁾, на «сдерживание» и подавление национально-освободительного и революционного движения, определял самое широкое использование Соединенными Штатами средств войны, в том числе и войны ограниченной. Американская интервенция в Греции в 1947-1948 гг., «берлинский кризис» 1948—1949 гг. показывают, что даже в Западной Европе — в районе, где, по мнению американских историков, вооруженный конфликт должен был принять всеобщий характер, Соединенные Штаты шли на развязывание конфликтов локального характера. В Азии отнюдь не война в Корее являлась первым опытом ведения Соединенными Штатами ограниченных военных действий. Американская интервенция в Китае в период гражданской революционной войны, когда в портах Китая был высажен стотысячный десант американской морской пехоты, а американская авиация перебрасывала на север гоминьдановские армии, подавление революционной борьбы филиппинского народа — все эти и многие другие факты являются конкретными примерами «ограниченного» применения Соединенными Штатами вооруженной силы в интересах осуществления агрессивной политики американского империализма. Вполне оправданным является вывод, сделанный советским историком Б. Д. Пя-

³⁰⁾ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 77—78, 95—97.

Р. Осгуд. Ограниченная война, стр. 192—193.

J. W. Spanier. The Truman-MacArthur Controversy, p. 18—22.

³¹⁾ H. J. Morgenthau. Politics in Twentieth Century, vol. 2, The Impasse of American Foreign Policy, Chicago, 1962, p. 40.

дышевым на основании анализа стратегической доктрины периода политики «сдерживания»: «характерной чертой этой доктрины был расчет на способность американской военной машины вести самые различные виды войн в различных районах земного шара»³²).

Правительство Трумэна, несмотря на сильное давление со стороны конгресса и определенных политических кругов в пользу ускоренного развития военно-воздушных сил, по сравнению с армией и военно-морским флотом, проводило политику «сбалансированного» развития всех трех видов вооруженных сил.

Развитие вооруженных сил США в 1948—1950 гг.³³)

	Годы	Армия	Военно-воздушные силы	Военно-морской флот	Корпус морской пехоты
Численность военного персонала на активной службе	1948	553030	387730	419162	84988
	1949	660473	419347	449575	85 65
	1951	593167	411277	381538	74279
Расходы (в тысячах долларов)	1948	7698556	—	4281618	
	1949	7862397	1690461	4434706	
	1950	5789468	3520633	4129546	

Политика «сбалансированного» развития всех видов вооруженных сил США отражала требования политики «сдерживания», политики, базирующейся не только на доктрине массированного атомного удара, но и на практике разжигания локальных войн или конфликтов в различных районах земного шара. Программа действий, разработанная правительством Трумэна в первой половине 1950 г. в качестве реакции на атомное испытание в Советском Союзе, предусматривала не только подготовку ко всеобщей войне, но и была рассчитана на увеличение способности вести ограниченные войны. К подобному выводу пришел П. Хаммонд, опросивший по этому вопросу почти всех участников разработки документа NSC-68³⁴).

³²) Б. Д. Пядышев. Об агрессивных внешнеполитических концепциях США (1945—1962 гг.). Москва, 1962, стр. 151.

³³) Historical Statistics of the United States, p. 718, 736. Данные на 30 июня каждого года.

³⁴) P. Y. Hammond. NSC-68: Prologue to Rearmament. В книге W. R. Shilling, P. Y. Hammond, G. H. Snyder, Strategy, Politics and Defense Budgets, p. 307.

Реакция правительства Трумэна на крах американской атомной монополии не отражала в полной мере сложной и во многом противоречивой реакции американской буржуазии в целом. В обстановке военной истерии, последовавшей за первыми сообщениями о советском атомном испытании, определенная часть американской империалистической буржуазии требовала «выложить карты», и, не теряя времени, использовать «техническое преимущество» Соединенных Штатов. Именно в это время наибольшее распространение получают идеи достижения скорой и дешевой победы посредством нанесения «решающего удара» американской стратегической авиацией по Советскому Союзу. Именно в первой половине 1950 г. в Соединенных Штатах широко распространяются и обсуждаются идеи превентивной войны против социалистических государств.

Усилились нападки и критика политики «сдерживания». Определенные круги американской империалистической буржуазии (главным образом из тех, кто был тесно связан с республиканской партией) были недовольны провалами американской внешней политики, требуя проведения более агрессивной «наступательной» политики в отношении социалистических стран. В книгах Д. Ф. Даллеса «Война или мир» и Бернхэма «Грядущий разгром коммунизма» выдвигалась развернутая программа всеобщего наступления на социалистические страны, ведения всеобъемлющей «психологической» войны, подрывных действий и провокаций³⁵). Выдвигаются и формируются требования, ставшие впоследствии составной частью даллесовской политики «освобождения», именно с этих позиций ведется критика официального внешнеполитического курса — политики «сдерживания». Книга Даллеса стала своеобразным программным документом империалистических кругов, выступавших за более авантюристический агрессивный курс как в Европе, так и в Азии.

Существовала определенная группа политических деятелей, близких к военным кругам, выступавших за продолжение старого агрессивного курса, но в то же время критикующих позицию, занятую правительством Трумэна и требующих внесения определенных изменений во внешнюю и военную политику США. Известный американский военный обозреватель Болдуин не критиковал правительство Трумэна за его отказ от переговоров с социалистическими государствами. Но он не был согласен с официальным тезисом, что «ничего не изменилось». «Конец американской монополии на атомную бомбу и решение президента о конструировании водородной бомбы,— писал Х. Болдуин в апреле 1950 г.— продвинули впе-

³⁵) J. F. Dulles. War or Peace, New York, 1950. J. Burnham. The Coming Defeat of Communism, New York, 1950.

ред «расписание мирового кризиса»³⁶). Те, кто говорят, что «ничего не изменилось», — подчеркивал Болдуин, — просто бегут от реальности. Отныне Россия способна использовать атомное оружие против Соединенных Штатов. Более того, по мнению Болдуина, Советский Союз так же, как и США, определенно может создать водородную бомбу. «Очень быстро придет время, когда русский запас бомб нейтрализует наш в политическом смысле, а возможно также и стратегически»³⁷). Подвергнув резкой критике правительство Трумэна за то, что оно не сумело наивыгоднейшим способом использовать время, когда США обладали атомной монополией, Болдуин доказывал, что отныне США должны иметь значительно больший «потенциал готовности» вооруженных сил, чем это было раньше³⁸). Анализируя сложившееся соотношение сил, он вынужден был признать устаревшими ряд военных доктрин, ранее получивших широкое распространение в США. Концепция, основанная на предположении, что американские бомбардировщики дальнего радиуса действия с баз, находящихся вне Европы, могут нанести решающий удар по важнейшим русским городам, промышленным центрам, коммуникациям — эта концепция устарела, вышла из употребления, заявлял Болдуин. Это иллюзия, что атомная бомба и бомбардировщик дальнего радиуса действия предоставят нам возможность достичь быстрой, дешевой, легкой победы³⁹). Если в критической части статьи Болдуина и содержались определенные элементы здоровой оценки действительного соотношения сил на международной арене, то там, где он приступал к изложению «позитивной» программы действий, чувство реального покидало его самого.

Призвав «найти замену атомной бомбе», Болдуин искал ее в «новом оружии» (т. е. в термоядерном оружии), в ускоренном развитии тактической авиации в создании высокоподвижных частей сухопутной армии⁴⁰). Считая, что «стратегические военно-воздушные силы дальнего радиуса действия должны еще играть важную роль в нашей военной организации и должны пользоваться высшим приоритетом», Болдуин подчеркивал их значение, как «устрашающей силы», как «полицейского департамента, готового действовать»⁴¹). В то же время он вынужден был признать, что советское испытание и американские обязательства по Северо-Атлантическому пакту уменьшили значимость стратегических бомбардировок.

³⁶) Тезис, занимающий весьма важное место в рассуждениях Х. Болдуина. Все его предложения исходят из того, что время мирового кризиса приближается.

³⁷) H. W. Baldwin. Strategy for Two Atomic Worlds. «Foreign Affairs», April 1950, p. 386.

³⁸) Ibid., p. 387, 389.

³⁹) Ibid., p. 391.

⁴⁰) Ibid., p. 392—393.

⁴¹) Ibid., p. 392.

Поэтому Болдуин требовал усиленного развития тактической авиации и создания широкой сети авиационных баз в государствах Западной Европы. «Это означает,—писал Болдуин,—что Западная Европа должна быть готова принять первый удар авиации и должна быть способна держаться до тех пор, пока американская мощь сможет прийти к ней на помощь»⁴²). Упомянув, что США смогут направить небольшие наземные части для «обороны» Западной Европы, Болдуин подчеркивал, что «основная масса» наземных сил должна быть поставлена западноевропейскими странами. В завершение Болдуин утверждал, что после крушения американской атомной монополии «преобладающее военно-морское превосходство западных стран... возможно, является нашим величайшим военным активом» и призывал к широкому использованию этого «актива»⁴³).

Статья Х. Болдуина знаменательна не столько своей критикой в адрес правительства Трумэна и признанием некоторых очевидных изменений, сколько тем, что она показывает, в каком направлении развивалось мышление определенных политических и военных кругов, отражая широко распространенные среди военных взгляды и теории. Противоречивые по своей сущности эти взгляды и теории, по мнению их авторов, должны были вывести Америку из того тупика, в который завели ее старые обанкротившиеся военные доктрины. Идея, высказанная в статьях Болдуина и ряда других публицистов, военных и политических деятелей, сыграла немалую роль в разработке военно-стратегических планов в первой половине 1950 г. и во время агрессивной войны американского империализма против корейского народа. Логическим результатом всех этих «теорий» была усилившаяся опасность новых военных авантур США в различных районах земного шара.

В то же время в Соединенных Штатах резко усилилось движение за прекращение холодной войны за переговоры с Советским Союзом. Внешнеполитические акции Советского правительства, неоднократно выступавшего с призывами сесть за стол переговоров за обсуждение основных спорных проблем, вызвали сильный отклик во всем мире, в том числе в Соединенных Штатах. В частности, широкий отклик в международной и американской прессе получила поездка тогдашнего генерального секретаря ООН Трюгве Ли в Москву. Трюгве Ли, политический деятель, широко известный своей прозападной ориентацией и проамериканской политикой в ООН, вынужден был после возвращения из Москвы в мае 1950 г. признать, что советские люди, занятые мирным строительством, искренне желают мира. Трюгве Ли заявил, что на основании бесед с со-

⁴²) Ibid., p.395.

⁴³) Ibid., p. 396.

петскими государственными деятелями он вынес впечатление, что Советский Союз стремится к переговорам⁴⁴).

В условиях, когда Советский Союз неоднократно демонстрировал свое искреннее стремление найти урегулирование спорных проблем, в Соединенных Штатах идея переговоров нахвалила отклик даже среди тех, кто до этого внес немалый вклад в проведение и защиту американского внешнеполитического курса. Изменение соотношения сил на международной арене привело к тому, что некоторая часть американской империалистической буржуазии вынуждена была более или менее трезво оценивать обстановку, выдвигать более реалистические предложения. Политические деятели, которых трудно было заподозрить в каких-либо симпатиях по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам—Уолтер Липпман, Ганс Моргентау, Джордж Кеппан, сенаторы Макмагон, Коннэли, Тайдингс — подвергали в той или иной степени критике одностороннюю милитаристскую направленность внешней политики правительства Трумэна и выдвигали свои предложения о путях выхода из международного кризиса. Конечно, их взгляды не были идентичны, но в занимаемой ими позиции существовал один общий момент — признание неотложной необходимости переговоров с Советским Союзом.

Уолтер Липпман считал, что овладение Советским Союзом секретом производства атомного оружия неизбежно должно привести к изменению стратегического и военного равновесия в мире, и что это в конечном счете подрывает всю прежнюю американскую политику. «Нелюзорная политика, — подчеркивал Липпман, — на основании которой предполагалось, что советская система должна прийти к краху, так как ее сдерживают по всем ее границам, в настоящее время ликвидирована — сначала в результате ее полного поражения на Дальнем Востоке и затем в результате создания атомной бомбы в Советском Союзе. Нет никакого другого выхода кроме ведения переговоров о модус вивенди на основе равновесия сил и взаимных выгод⁴⁵).

В статьях, напечатанных в журнале ученых-атомников, профессор Г. Моргентау подверг резкой критике политику правительства Трумэна. В статье «Завоевание Соединенных Штатов Германией», написанной в январе 1950 г., Моргентау подчеркивал, что в основе американской внешней политики лежат то же отсутствие чувства пропорций и ложные идеи, какие были характерны для внешней и военной политики Германии. «Этот занавес самодовольства, непрочный, изломанный и полный

⁴⁴) Now to Get Peace Talk Started. An Interview with Trvgve Lie. «U. S. News and World Report», June 30, 1950, p. 28—32. Этот номер журнала вышел до начала военных действий в Корее.

⁴⁵) В. А. Тарасенко. Атомная проблема во внешней политике США. (1945—1949 гг.), Киев, 1958, стр. 206—207.

дыр, — писал Моргентау, — не может скрыть, а наоборот скорее наиболее рельефно выдвигает три бросающихся в глаза факта, которые атомный взрыв на русской земле ставит перед американским народом: 1) национальная навязчивая идея недооценки русской мощи; 2) имеющее решающее значение изменение в мировом политическом равновесии сил и 3) разрушение основ, на которых воздвигалась американская внешняя политика»⁴⁶).

Моргентау едко и зло высмеивал тех, кто, начиная с 1917 г., недооценивал и не принимал во внимание изменения, произошедшие в Советской России, и, напоминая о последствиях подобной недооценки гитлеровской Германией, писал: «...Гитлер был разгромлен на Восточном фронте потому, что он никогда не понимал истинного значения той глубокой трансформации, которая произошла в СССР в каждой области усилий с 1917 года»⁴⁷). Это, добавлял Моргентау, в большей степени характерно для Запада и сейчас. Он предупреждал о громадной опасности политики, основанной на иллюзиях, заблуждениях, а не на фактах. Моргентау подчеркивал: «Правда состоит в том, что свлаждение Россией атомным оружием является событием величайшей важности. В сравнении с этим все великие проблемы послевоенного периода блекнут как неважные... Важность этого события состоит в решающем изменении равновесия сил, которое оно влечет за собой»⁴⁸).

Анализируя американскую внешнюю политику послевоенного периода, приходя к выводу, что атомное испытание в Советском Союзе опрокинуло все расчеты авторов плана Маршалла и Северо-Атлантического пакта. Моргентау указывал на необходимость разработки новой внешней политики в свете признания нового соотношения сил⁴⁹). Он предлагал начать с признания того, что уже в ближайшем будущем Соединенные Штаты и Советский Союз будут приблизительно равны в военной области⁵⁰). Соединенные Штаты, по его мнению, прошли вершину их могущества по сравнению с Советским Союзом и не могут надеяться в предвидимом будущем опять овладеть той же самой свободой действия, которая была в их распоряжении в прошлом. «И если это так, то политика «быть жестче» с Россией и политика сдерживания должна выйти из употребления», — подчеркивал Моргентау. Такую политику

⁴⁶) H. J. Morgenthau. *Politics in Twentieth Century*, vol. 2, *The Impasse of American Foreign Policy*, p. 156.

⁴⁷) *Ibid.*, p. 159.

⁴⁸) *Ibid.*, p. 161.

⁴⁹) *Ibid.*, p. 165.

⁵⁰) Признание само по себе многозначительно, если учесть, что оно было сделано в январе 1950 г., когда в Соединенных Штатах особенно широко были распространены идеи всемогущества американского империализма.

может позволить себе сильными по отношению к слабому. «Но жесткость между равными становится палкой о двух концах...»⁵¹). В свете нового соотношения сил, по мнению Моргентау, перед Соединенными Штатами стоит либо альтернатива войны, либо альтернатива мира, являющегося результатом переговоров с Советским Союзом. Сам Моргентау склоняется к тому, что США должны избрать не гонку вооружений не войну, а поиски приемлемого политического урегулирования, которое явилось бы результатом политических переговоров с Советским Союзом⁵²).

Вопрос, поставленный Моргентау и многими другими известными публицистами, общественными деятелями, учеными волновал, естественно, всю американскую общественность. Какую альтернативу должны избрать Соединенные Штаты? Неизбежна ли война с Советским Союзом, какой должна быть внешняя политика Соединенных Штатов? — эти вопросы становились предметом все более острых дискуссий в конгрессе, на митингах, в американской прессе. «Неизбежна ли война с Россией?» — так называлась статья Д. Кеннана, напечатанная им в мартовском номере «Ридерс дайджест». Анализируя внешнюю политику Советского Союза, конечно, с позиций защитника империалистических интересов, Кеннан приходит к выводу, что Советский Союз не заинтересован в войне, как в методе решения спорных проблем и средстве подталкивания революционной борьбы⁵³). Отвечая на главный вопрос своей статьи отрицательно и в основном в то же время поддерживая внешнюю политику правительства Трумэна, Кеннан предлагал «использовать каждую возможность для разрешения международных разногласий» или уменьшения их, где решение еще не является возможным⁵⁴). Даже такой реакционный журналист, как Дэвид Лоуренс, писал в марте 1950 г.: «Американский народ ожидает, что его правительство найдет почетные средства покончить с холодной войной с Россией — попытается вести переговоры о мире и добиться мира»⁵⁵).

Предметом дискуссии, проведенной журналом «Нэйшн» в апреле 1950 г. была тема «Атомная эра. Может ли она принести мир и изобилие?». В ходе дискуссии выступили профессор Чикагского университета Г. Браун, профессор городского колледжа г. Нью-Йорка Г. Мёрфи, профессор Пенсильванского университета С. Мад, профессор Чикагского университета Г. Моргентау, профессор Гарвардского университета Д. Фэр-

⁵¹) H. J. Morgenthau. *Politics in Twentieth Century*, vol. 2, *The Impasse of American Foreign Policy*, p. 165.

⁵²) *Ibid.*, p. 166. Vol. 3, *The Restoration of American Politics*, p. 126—127.

⁵³) «Reader's Digest», March 1950, p. 2—3.

⁵⁴) *Ibid.*, p. 6—7.

⁵⁵) «U. S. News and World Report», March 31, 1950, 35 p. 35.

бэнк и другие. Представители либеральной политической мысли Америки выступали с резкой критикой отказа правительства Трумэна от переговоров. Необходимость переговоров и более гибкой политики — этот тезис был фактически ведущим в выступлениях почти всех ораторов⁵⁶).

Требования нового подхода во взаимоотношениях с Советским Союзом пользовались популярностью у миллионов американцев. Это играло немалую роль в том, что не только представители либеральных кругов, но и весьма консервативные деятели вынуждены были учитывать реакцию общественного мнения и выступить с соответствующими заявлениями. Председатель сенатской комиссии по вооруженным делам У. Тайдингс предлагал покончить с «гибельной» игрой в шашки с Россией, которая, по его мнению, могла «закончиться избиемением большего числа людей, чем было убито во всех прошлых войнах, вместе взятых»⁵⁷). Председатель объединенной комиссии по атомной энергии Б. Макмагон, начиная с февраля 1950 г., выступил с целой серией речей и интервью. В них он выдвигал свои предложения, как избежать разрушительной для США атомной войны или гонки ядерных вооружений, которая, по его мнению, могла привести США к банкротству⁵⁸). «В ходе истории гонка вооружений всегда приводила к войне, — утверждал сенатор Макмагон, — и я опасаясь, что борьба сегодняшнего дня не будет исключением»⁵⁹).

Один из ведущих лидеров оппозиционной республиканской партии Г. Стассен в феврале 1950 г. предложил организовать «встречу середины 20-го столетия» — встречу советских и американских лидеров на высшем уровне с целью устранить опасность третьей мировой войны. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор Т. Коннэли в свою очередь выразил надежду, что вскоре станет возможна встреча министров иностранных дел. Сенатор Макмагон высказывался в пользу созыва сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Москве⁶⁰). Весьма характерно, что подобные требования не менее громко звучали и в союзных с США странах. 17 февраля 1950 г. У. Черчилль призвал к встрече глав великих держав с целью покончить с холодной войной и «взять под контроль» гонку атомных вооружений⁶¹).

Подобного рода призывы, выдвигались ли они искренне или в демагогических спекулятивных целях, свидетельствовали

⁵⁶) The Atomic Era. Can It Bring Peace and Abundance. Adresses delivered at the Nations Associates' Conference in New York City, April 29—30, 1950. «The Nation», May 20, 1950, p. 481—509.

⁵⁷) Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. Москва, 1961 г., стр. 501.

⁵⁸) «U. S. News and World Report», June 2, 1950, p. 28.

⁵⁹) Ibid., p. 30.

⁶⁰) D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins, p. 529.

⁶¹) Ibidem.

о наличии разногласий в правящих кругах США по вопросу о целях и методах осуществления внешней политики. Правительство Трумэна, уже разработавшее дальнейшую программу действий — программу резкого усиления холодной войны и подготовки к войне всеобщей — в данных условиях видело главную для себя опасность не в выступлениях Даллеса или Болдуина, не в призывах бывшего президента Г. Гувера к изгнанию из ООН социалистических стран⁶²), не в настроениях в пользу превентивной войны. Наибольшую опасность для курса, намеченного правительством Трумэна, представляли широко распространенные требования пойти на переговоры с Советским Союзом. 3 марта 1950 г. журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал о большой озабоченности президента США Г. Трумэна тем, что американская пресса пишет о растущем интересе американских избирателей к идее встречи И. В. Сталина и Г. Трумэна, о возросшем их недовольстве стоимостью гонки вооружения. «Точка зрения Белого дома заключается в том, — писал журнал, — что если бы об этих вещах не писалось бы и не говорилось бы так много, общественность забыла бы о них»⁶³). Конечно, дело было не в прессе. Наоборот, буржуазная пресса лишь в небольшой степени отражала действительные настроения американцев.

Ответом правительства Трумэна на выступления мировой и американской общественности в пользу переговоров было выдвижение лозунга «тотальной дипломатии». Суть «тотальной дипломатии» была раскрыта в ряде выступлений государственного секретаря США Дина Ачесона. Особое место в выступлениях Ачесона занимала речь, произнесенная им 16 марта 1950 г. в Калифорнийском университете. Раскрывая цели тотальной дипломатии, Ачесон выдвинул семь условий, на которых США могли бы согласиться обсудить возможность «существования». Ачесон требовал, чтобы Советский Союз отказался от поддержки революционной борьбы народов, открыл свободный доступ буржуазной идеологии в нашу страну, отказался от своей антиимпериалистической позиции в Организации Объединенных Наций и подчинился механическому проамериканскому большинству в ней и т. д.⁶⁴). Выдвижение подобных условий означало, фактически, требование полнейшей капитуляции Советского Союза и других социалистических стран перед американским империализмом.

Выдвигая «семь условий», Ачесон, конечно, не рассчитывал на их принятие и меньше всего думал о действительном при-

⁶²) Ibid., p. 538. 28 апреля 1950 г. Г. Гувер в речи перед ассоциацией издателей американских газет предложил исключить социалистические страны из ООН и создать единый антикоммунистический фронт.

⁶³) «U. S. News and World Report», March 3, 1950, p. 64.

⁶⁴) D. Acheson. Tensions Between the United States and the Soviet Union. «U. S. News and World Report», March 24, 1950, p. 62—63.

знании принципа мирного сосуществования. Отстаивая программу расширения и укрепления агрессивных военных союзов, гонку вооружения и политику с позиции силы, Ачесон говорил, выступая в Беркли: «Время требует тотальной дипломатии, способной справиться с задачей обороны против советской экспансии и с задачей строительства такого рода мира, в котором наш образ жизни смог бы одержать верх»⁶⁵). Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», комментируя выступление Ачесона, раскрывая сущность начатой им кампании в защиту тотальной дипломатии, писал: «Он пытается усмирить растущее требование «нового» подхода к России, противостоять русскому «мирному наступлению», убедить американцев, что еще больший фронт должен быть открыт в холодной войне»⁶⁶). Журнал, расшифровывая намерения государственного департамента, подчеркивал, что до тех пор, пока Советский Союз не уступит, Ачесон не уменьшит напряженности в холодной войне. «Он хочет усилить ее в Азии», — многозначительно добавлял журнал⁶⁷).

Выступления Ачесона и ряда других членов правительства Трумэна означали, что Соединенные Штаты отвергли предложения о проведении переговоров об улучшении взаимоотношений с СССР. Но подавить растущее движение в пользу переговоров с Советским Союзом правительству Трумэна не удалось. Только, начав агрессивную войну в Корее, правительство Трумэна сумело, да и то только временно, справиться с движением в пользу переговоров с СССР и другими социалистическими странами.

⁶⁵) «U. S. News and World Report», March 24, 1950, p. 63.

⁶⁶) «U. S. News and World Report», March 24, 1950, p. 15.

⁶⁷) Ibid., p. 18.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

Политика царизма в северной части Тихого океана в той или иной степени изучалась советскими историками¹⁾. Интересы царской России в названном районе были порождены стремлением феодально-крепостнического государства эксплуатировать местное население посредством сбора ясака, скупки пушнины и т. д. Развитие капитализма в России, приводившее к росту промышленности, торговли и товарно-денежных отношений привели к появлению там представителей российской буржуазии, занимавшихся различными торговыми операциями. Интересы России в северной части Тихого океана сталкивались с интересами Англии и США. Русско-английское и русско-американское соперничество породилось борьбой за господство в северной части Америки (Аляске, Канаде), а также торговой конкуренцией. По истории экспансии Соединенных Штатов Америки, на Дальнем Востоке и Тихом океане опубликовано значительное количество работ советских авторов²⁾.

¹⁾ С. В. Бахрушин. Историческое изучение народов Севера. «Ученые записки ЛГУ» № 115. История и экономика крайнего севера СССР, выпуск I, Л., 1950.

А. В. Беляева. Русские на крайнем севере. Магадан, 1955.

С. С. Григорьевич. Русские владения крайнего северо-востока Азии в середине XIX в. «Труды ТГУ». Т. 136, Томск, 1957.

А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII — первой половине XIX в. М., 1950.

С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.

С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939.

²⁾ Н. Н. Болховитников. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.

В работах американских авторов история русско-американских и русско-английских отношений на Тихом океане в первой трети XIX века рассматривается прежде всего, как история борьбы трех государств за господство на северо-западном побережье Америки. Несомненно данный вопрос играл большую роль³⁾. Однако анализ имеющихся документов и содержание русско-американской конвенции 1824 г. и русско-английской конвенции 1825 г. свидетельствует о том, что Англия и США, борющиеся за укрепление своих позиций в северной части Тихого океана, в ответ на признание суверенитета России на Аляске, добивались от царского правительства разрешения торговать, ловить рыбу и т. д. в русских владениях крайнего северо-востока Сибири.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать экономические, политические и дипломатические действия, при помощи которых царское правительство стремилось укрепить свои позиции в северной части Тихого океана.

В 20—30 г. XVII века русские пришли в бассейн реки Лены и основали здесь ряд укрепленных пунктов, в том числе Якутский острог (1632 г.) Небольшие отряды казаков, используя укрепленные пункты в качестве опорных баз, облагали народы, проживавшие в Сибири ясаком, что первоначально было основной целью царского правительства в занятых районах. В конце 30-х и начале 40-х годов, русские вышли на побережье Тихого океана. В 1638 г. было образовано Якутское воеводство, в состав которого вошли земли, расположенные по рекам Лене, Вилюю и Алдану, а затем после их присоединения к России, Охотское побережье, Анадырь, Чукотка и Камчатка. Для подчинения народов вновь присоединенных земель были уч-

А. Л. Нарочницкий. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50-70-х гг. XIX века. «Исторические записки», т. 44, 1953.

Р. Ш. Ганелин. Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в. Канд. дисс. Л., 1953.

А. А. Мурадян. Экспансия США в бассейне Тихого океана и юго-восточной Азии (конец XVIII—первая половина XIX в.). Канд. дисс., М., 1964.

Н. В. Свердлов. Американская экспансия на северо-востоке России в конце XIX в. Канд. дисс., М., 1951.

³⁾ Т. Bailey. *America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to our Day.* New York, 1950.

S. Bemis. *John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy.* New York, 1949.

C. Buss. *The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia.* New York, 1955.

D. Perkins. *John Quincy Adams. «The American Secretaries of State and their Diplomacy», vol. IV.* New York, 1928.

B. Thomas. *Russia-American Relations 1815—1867.* New York, Toronto, 1957.

E. Zabriskie. *American-Russian Rivalry in the Far East. 1895-1914.* Philadelphia, 1946.

решены остроги Анадырский, Охотский, Акланский, Верхнекамчатский и другие.

Первые сто лет после включения крайнего северо-востока Азии в состав России представители царского правительства в данных районах занимались в основном исследованием этих обширных территорий, а также подчинением и обьясачиванием местного населения. В 1716 г. небольшая группа русских мореходов открыла морской путь из Охотска на Камчатку⁴). В результате деятельности первой Камчатской экспедиции (1725—1730 гг.)⁵) по изучению морей и побережья крайнего северо-востока России, которую возглавляли В. Беринг и А. Чириков, было признано необходимым создать в Охотске порт и судовой верфь с целью постройки судов для поддержания морского сообщения с Камчаткой, о чем был издан в мае 1731 г. указ императрицы Анны Иоановны⁶).

Из докладной записки В. Беринга, из челобитных, иногда достигавших Петербурга, правительству стало известно о злоупотреблениях, которые творили воеводы и сборщики ясака, что, в конечном итоге, могло повести к обезлюдению края и причинить большой ущерб казне. В связи с этим в 1733 г. был издан царский указ «О починении обид и притеснении ясашным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке». В Охотске учреждалось отдельное управление, власть которого распространялась на все приморские земли и Камчатку⁷).

⁴) В. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, стр. 39.

⁵) Эта экспедиция Беринга, как и вторая его экспедиция 1733—1743 гг., часто в литературе называется Сибирско-Тихоокеанскими экспедициями.

⁶) В указе было написано: «Григория Писарева, который сослан в Сибирь и ныне за Якутском в Жигайском зимовье, определить в Охотск и дать ему полную команду над тем местом и чтоб он то место людьми умножил и хлеб завел и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купецких людей с товарами и для других потреб сделать; и старался дабы то, яко новое, место, с добрым порядком к пользе и прибыли государевой приведено было». В указе также было сказано, что людей, осужденных на долготлетнюю каторгу и ссылку «а оные люди не старые и увечные: ссылат в означенной Охотск на житье на казенном корму, а как оные в Охотск привезены будут и тамо их Писареву определить в службу, в мастерство и работы и на пашню. кто к чему будет способен». См. Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 170.

⁷) «А Охотск и все Камчатские и таможенные ж северные земли определяются особою от Якутска командою, и будет главный командир жить для близости в Охотске, и чтоб они княжны и ясачные люди, видя такую нашу Императорского Величества милость, жили в своих местах без боязни в покое, платили б в казну нашу ясаку только то, что с них по их обычаю положено, или впредь положится, без тягости, а лишних никаких ясаков воеводам, комиссарам, и сборщикам, кои они наперед сего с них своими вымыслами с разорением неволею брали, не давали». См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 170

К 1741 г. порт и город Охотск были построены⁸⁾. В этом же году В. Беринг и А. Чириков на кораблях, построенных в Охотске, прошли по Тихому океану к Северной Америке, положив начало регулярным плаваниям русских мореходов к берегам Аляски. Следует отметить, что место для порта России на Тихом океане выбрали неудачно; расположенный на низком берегу у реки Охоты, Охотск часто затапливался водой и в 1797 г. после сильного наводнения его пришлось перенести на новое место. На болотистой тундре, окружавшей город, было крайне трудно заниматься огородничеством и разводить скот. Даже лес и дрова приходилось сплавливать с верховьев реки Охоты. Сообщение Охотска с Европейской Россией поддерживалось через Якутск, от которого Охотск отделяли более тысячи километров труднопроходимого пути по тундре, болотам и хребтам. Вопрос о неудобствах Охотского порта и необходимости его переноса поднимался несколько раз, однако его решение затянулось почти на 120 лет.

На расстоянии более чем тысячи верст от Охотска, в тундре на реке Гижиге в 25 верстах от ее устья в 1752—1753 гг. была построена Гижигинская крепость, ставшая затем центром управления обширного сопредельного района.

Правительство стремилось увеличить оседлое население Охотско-Камчатского края и с этой целью переселяло туда крестьян из сибирских губерний, ссыльных, семейных казаков из Якутска, а также якутов и снабжало их семенами и скотом. Особое внимание уделялось заселению Охотского тракта⁹⁾, а затем сухопутного пути из Охотска на Камчатку. В 1783 г. была образована Охотская область, во главе управления которой был поставлен комендант. Камчатка вошла в состав Охотской области. Сколь-либо серьезного экономического значения Охотск до образования Российско-американской компании не получил, он оставался лишь административным центром края.

Более серьезное значение получила Камчатка, ставшая важным опорным пунктом для проникновения торговых людей и зверопромышленников на побережье Америки и острова северной части Тихого океана. Необходимо учитывать также,

⁸⁾ Н. Слюнин. Охотско-Камчатский край. СПб, 1900, стр. 54.

⁹⁾ В царском указе от 6 марта 1783 г. «Об устройстве Иркутского наместничества» отмечалось: «Для лучшего сообщения между Якутском и Охотском стараться населить места, между ними городами лежащие, располагаясь, чтоб на первое время от 5 до 10 дворов на каждые 20 или 25 верстах помещены были; чего ради и наблюдать чтоб в Иркутскую губернию посылаемы были на поселение из осуждаемых за вины по законам из губерний: Вологодской, Костромской, Ярославской, Володимирской, Нижегородской, Пензенской, Казанской, Вятской, Сибирской, Уфимской, Пермской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской и Саратовской, отсылая из прочих губерний в Тобольское наместничество и подтверждая, чтобы все таковые от уезда до уезда доставляемы были, не удерживая ни одного человека до мест им назначенных». См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 170.

что на Камчатке было много пушного зверя. Известный исследователь Камчатки академик С. П. Крашенинников, путешествовавший по Камчатке в 1737—1741 гг., писал: «Зверей на Камчатке великое изобилие, в которых состоит... ее богатство»¹⁰). Кроме того, на Камчатке имелись сравнительно благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства.

Но земледелие и скотоводство на Камчатке не получили в то время сколь-либо значительного развития. Вся энергия ее правителей была направлена на то, чтобы всеми средствами получить от местного населения побольше пушнины в качестве ясака и в целях личного обогащения. В записке министерства внутренних дел царской России об устройстве крайнего северо-востока России, составленной в 1888 г., отмечалось, что преобразование управления Камчаткой, произведенное в 1783 г., «явилось новым бедствием для края. Вновь присланные чиновники, которым нечего было делать в такой местности, где дела туземцев не восходили далее разбирательства их старшин, ознаменовали свою деятельность еще большими, чем прежде, притеснениями туземцев»¹¹).

С середины XVIII в. в эксплуатацию народов крайнего северо-востока России кроме сборщиков ясака и чиновников, более активно включились купцы и зверопромышленники, которые в компании с сибирскими и московскими купцами не только скупали пушнину, но начали промышленять бобров, котиков и других пушных зверей на Камчатке, Командорских, Курильских, Алеутских островах и на Аляске.

В 1799 г. ранее конкурировавшие между собой купеческие компании: Шелихова, Мыльникова, Голикова и других объединились, образовав Российско-американскую компанию, действовавшую под покровительством и контролем царского правительства. В 1800 г. правление компании было переведено из Иркутска в Петербург. «В число акционеров Российско-американской компании в 1802 г. вступил Александр I.

По указу императора Павла I от 8 июля 1799 г. Российско-американская компания получила на 20 лет монопольное право скупки и промысла пушнины, морских животных, рыбы и разработки недр в русских владениях на северо-западном берегу Америки, начиная от 55° северной широты и «град островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг — к Японии», а также «на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих»¹²). Указом императора Российско-американской компании предписывалось делать «новые открытия не токмо выше 55° север-

¹⁰) С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 241.

¹¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 217.

¹²) Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XXV, 1830, стр. 703.

ной широты, но и за оный далее к югу, и занимать ею земли в российское владение на прежде предписанных правилах, если оныя никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость»¹³⁾. Предусматривалось, что компания попытается начать торговлю с Японией, Китаем и другими государствами¹⁴⁾.

Во время основания Российско-американской компании ее капитал состоял из 724 тыс. рублей¹⁵⁾. В 1816 г. капитал компании достиг суммы в 4 799 тыс. рублей, а число акционеров — 629¹⁶⁾. Выручка от продажи мехов за 1797—1820 гг. составила 7 685 тыс. рублей¹⁷⁾. Базой для развертывания деятельности Российско-американской компании на Тихом океане являлся Охотско-Камчатский край. Компания имела свои конторы в Охотске, на Камчатке и в Якутске. Пушные и другие товары с Аляски, тихоокеанских островов и Камчатки доставлялись на кораблях компании в Охотск, а из Охотска — в Якутск, откуда пушнина и другие товары перевозились для продажи в Москву, Кяхту, на Ирбитскую и другие ярмарки. Первоначально транспортные и промысловые суда компании строились только в Охотске, затем были основаны верфи на Аляске. Компания получала право бесплатно пользоваться лесом в Охотской области для постройки и ремонта судов.

Царское правительство, стремясь обеспечить интересы компании и укрепить позиции России на крайнем северо-востоке, приняло ряд мер, направленных на увеличение морских и сухопутных сил в Охотско-Камчатском крае. В 1779 г. у берегов Камчатки побывала английская экспедиция Д. Кука, а в 1787 г. французская эскадра Лаперуза. Полная незащищенность Камчатки в военном отношении весьма встревожила царское правительство. Последовало распоряжение Екатерины II: «Так как путь в Камчатку сделался известен иностранцам, привести ее в оборонительное положение»¹⁸⁾. Правда, это было не так просто сделать. Сколь-либо существенных военно-морских сил на Тихом океане у России не было. В 1801 г. было дано распоряжение правительства о постройке в Охотске дополнительно девяти судов, для связи с Камчаткой и ее охраны¹⁹⁾.

В 1799 г. из Якутска через Охотск на Камчатку был доставлен батальон солдат под командованием полковника Сомова.

¹³⁾ Там же, стр. 704.

¹⁴⁾ Там же, стр. 706.

¹⁵⁾ К истории Российско-американской компании (Сборник документальных материалов). Красноярск, 1957, стр. 17.

¹⁶⁾ Там же, стр. 24—25.

¹⁷⁾ Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959, стр. 194.

¹⁸⁾ Н. Слюнин. Указ. соч., стр. 67.

¹⁹⁾ С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935, стр. 123.

Но вставал вопрос, как обеспечить солдат продовольствием. В связи с этим возник проект учреждения Камчатского гарнизонного полка ландмилиции. О чем 19 сентября 1801 г. был дан царский указ. Предусматривалось, что солдаты этого полка, кроме военного дела, будут заниматься хлебопашеством и скотоводством²⁰). Части ландмилиции были размещены в Верхнекамчатске, Нижнекамчатске, Петропавловске и Большеречке.

В августе 1803 г. был издан указ о преобразовании областного управления на Камчатке и в Охотске. Камчатка вместе с Гижигинской округой выделялись в особую область во главе с правителем Камчатской области, которым был назначен командир ландмилиции Сомов²¹). Местом пребывания областного правления, состоявшего из областного судьи, областного земского исправника и двух заседателей, был назначен Верхнекамчатск. В Охотске власть вручалась особому морскому начальнику на правах коменданта. Первой и неперменной обязанностью последнего было объявлено: «скорое и исправное доставление на Камчатку надлежащего количества провiantа». Правителю Камчатской области и коменданту Охотска предписывалось иметь возможно частые сношения и оказывать помощь друг другу, а также построить новые суда²²).

Создание ландмилиции и реформа местного управления не принесли выгод казне и легли тяжким бременем на трудящихся. Многочисленный теперь штат должностных лиц и офицеры занялись эксплуатацией местного населения, «горсть оставшихся камчадал обратилась в бессменных каюров для содержания сообщения между местами расположения войск и для развоза должностных лиц по полуострову»²³). Развить земледелие и скотоводство при помощи труда солдат не удалось. Ландмилиция, не приспособленная к ведению хозяйства на Камчатке, не смогла обеспечить себя даже хлебом и его приходилось возить через Охотск из Сибири. В таких условиях правительству пришлось расформировать батальон ландмилиции и в 1812 г. провести новую реформу управления.

Подобное внимание центрального правительства к делам отдаленной Камчатки объяснялось тем, что Камчатка к этому

²⁰) В царском указе было написано: «последствия сего могут быть весьма полезны уменьшением расходов для содержания оного полка и выгодами, которые получит земля заведением хлебопашества и скотоводства; для основания всего оного неотменно нужно доставить туда семена для посева; разные инструменты для хлебопашества, сенокосения и другие сельские надобности то хотя сие будет стоить не малого изживания, но сообразя большие выгоды, которые последствием сего должны быть ... привести сие в исполнение». См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 171.

²¹) См.: В. Войт. Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855, стр. 20.

²²) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 218.

²³) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 217. Справка министерства внутренних дел об устройстве крайнего северо-востока, 1888 г.

времени стала наиболее важным стратегическим пунктом для проведения политики царской России в северной части Тихого океана. Через Охотско-Камчатский край проходили пути, связывавшие Россию с ее владениями на Аляске. Товары Российско-американской компании перевозились из Якутска до Охотска и из Охотска до Якутска летом на лошадях, выюком по бездорожью, а зимой на собаках и оленях по так называемому «зимнему тракту», вдоль которого были построены для почлега погонщиков избы. Правление Российско-американской компании стремилось установить регулярную связь с Аляской по морю для того, чтобы перевозить товары более дешевым морским путем. С этой целью при поддержке царского правительства было организовано несколько кругосветных экспедиций. Характерно, что почти все кругосветные экспедиции, организованные царским правительством совместно с Российско-американской компанией в первой трети XIX века, начиная с Крузенштерна, плавали с заходом на Камчатку²⁴).

Возросло значение Петропавловска, как порта с великолепной гаванью. Ухудшение взаимоотношений России с Англией при Павле I, а затем войны с Францией при Наполеоне настоятельно требовали укрепления обороноспособности России на Тихом океане. Кроме того, в Петербурге считали, что Камчатка должна явиться опорным пунктом для установления морского сообщения с Китаем и Японией.

Положением от 9 апреля 1812 г. «О преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, также об улучшении состояния таможенных жителей» предусматривалось, что Петропавловск должен стать в первую очередь центром морских сил России на Тихом океане. В новом положении отмечалось, что областное правление в Камчатке «яко слишком для края того обширное и многосложное» упростить. Управление Камчаткой вручалось морскому офицеру, который одновременно назначался командиром учреждаемой в Петропавловске флотской экипажной роты. Местопребыванием областного правления стал Петропавловск. Гижигинская округа отошла под власть Охотско-приморского управления, состоявшего из областного начальника с правами коменданта, Совета управления, земской полиции в Охотске и Гижиге, окружного суда и казначейства в Охотске²⁵). На основе положения 1812 г. Охотско-Камчатский край управлялся по 1850 г.²⁶).

С 1817 по 1822 гг. начальником Камчатки был капитан 1-го ранга П. И. Рикорд, известный исследователь северной части Тихого океана, впоследствии академик. П. И. Рикорд

²⁴) На Камчатку заходили экспедиции И. Крузенштерна, В. Головнина, Ф. Врангеля, Ф. Литке.

²⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 218.

²⁶) Управление Охотско-Камчатского края было подчинено сибирскому генерал-губернатору, а с 1822 г. генерал-губернатору Восточной Сибири.

предпринял некоторые шаги, направленные на улучшение условий жизни на Камчатке. При нем был введен обычай снабжать жителей полуострова продовольствием из казенных магазинов на случай неудачного лова рыбы, открыта ремесленная школа, улучшено оказание медицинской помощи, приняты меры по развитию земледелия²⁷⁾.

II. II. Рикордом был разработан план строительства Петропавловского порта, утвержденный правительством в 1821 г. В постановлении Государственного совета по этому вопросу было записано: «На производство сих строений отпускать ежегодно не более, как до пяти тысяч рублей, в полное распоряжение начальника Камчатки, не стесняя его ни сметами, ни подробностями, как по отдаленности того края, так и по одобрительному к нему доверию начальства». Кроме того, начальнику Камчатки разрешалось употреблять на строительство порта остатки от пятидесяти тысяч сумм, которая ежегодно ему отпускалась на экстраординарные расходы²⁸⁾. Одновременно со строительством порта и его укреплением в Петропавловск из Охотска были переведены имевшиеся небольшие военные корабли.

В начале XIX века усилилось экономическое и политическое соперничество США, Великобритании и царской России в северной части Тихого океана. США и Великобритания вели борьбу за господство в Канаде. В то же время во владения Российско-американской компании на Аляске все более активно проникали американские и британские торговцы. Последний факт отмечал известный русский мореплаватель и исследователь В. М. Головнин, который писал, что во время посещения Аляски и Камчатки в 1810 г., а затем в 1818 г. он собрал сведения о том, что из США во владения Российско-американской компании приходят ежегодно до двадцати торговых кораблей, которые вели торговлю с «туземным населением» и подстрекали местных жителей на вооруженные выступления против русских и снабжали их для этой цели оружием²⁹⁾. В связи с этим правление Российско-американской компании, тесно связанное, с правящими кругами России, добивалось укрепления военных сил на крайнем северо-востоке.

В это же время в русских владениях крайнего северо-востока Азии появляются английские и американские китобойные и торговые корабли. В 1812 г. в Петропавловск прибыли два первых иностранных торговых корабля, принадлежавших гражданину США Добелло. В связи с этим местные власти обратились в Петербург с запросом о том, разрешать ли про-

²⁷⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 31, л. 131.

²⁸⁾ Там же, л. 172.

²⁹⁾ В. М. Головнин. Сочинения. М.—Л., 1949, стр. 336—337.

дажу американских товаров. В 1813 г. Комитет министров рассмотрев этот вопрос, признал торговлю с иностранцами полезной, так как «на Камчатке нехватка товаров», утвердил положение об иностранной торговле и разрешил местному начальству в случае прихода иностранных торговых судов в дальнейшем позволять оптовую и розничную продажу товаров³⁰). Этим же положением устанавливался размер пошлин с иностранных товаров³¹). Товары Российско-американской компании освобождались от пошлин.

В сентябре 1817 г. в Охотский порт также прибыл иностранный торговый корабль Это было судно англичанина Гордона, пришедшее из Калькутты с различными товарами, в числе которых были: мука, пшено, пшеница, горох, свинина, ткани, топоры, заступы, сахар, кофе, мускатный орех, вина, табак и т. д. По прибытии в Охотск Гордон заявил, что он, надеясь основать торговлю между Ост-Индией и Охотско-Камчатским краем, решился сделать первый опыт провести в Охотск товары, и после намерен ежегодно посещать Охотск и Камчатку и закупать пушнину³²). Гордон был связан с «Ост-Индской компанией», чиновником которой являлся его брат³³). Гордону разрешили продать товары.

³⁰) ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, лл. 223—224. Выписка из журнала Комитета министров от 22 марта и 23 мая 1818 г.

³¹) Основные условия этого тарифа следующие: товары мануфактурные и другие как-то: платье, белье, хлопчатобумажные ткани, чай, кофе «пропустить с той пошлиной, которая взимается по тарифу Кяхтинскому... Все товары, служащие необходимому жизненному продовольствию... как-то муку, соль, пшено, солонину, свежину, сухари, чеснок, лук, горох, сало, говядину», аптечные товары пропустить беспошлинно. Товары по Кяхтинскому тарифу, запрещенные, пропускались со взиманием 30% пошлины. См. ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, лл. 55—56. Копия с отношением министра финансов сибирскому генерал-губернатору от 25 августа 1813 г.

³²) ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, л. 225. В сентябре 1818 г. Охотск посетил американский корабль «Генерал Сен-Мартин» под командованием капитана Э. Грейма.

³³) В письме на имя начальника Охотского порта князя А. Е. Шаховского Гордон писал, что его бриг «Бротерс» вышел из Калькутты 16/28 марта 1817 г. и 7/19 апреля прибыл на рейд «Малаккский», где была сдана часть груза и получен «ящик книг, в котором находились новые заветы и другие христианские книги на китайском языке. Мне было поручено эти книги отослать в Иркутск, к миссионеру, который там находится с разрешения его императорского величества. Второй ящик таких книг я получил, чтобы раздать при случае и раздал их в Камбодже. 15/27 июня наш корабль пришел в залив Едо на острове Ниппон и остановился у одного города. Утром прибыли японские чиновники. Судно наше и все, что касается управления срисовали. Торговать не разрешили. Прибыли переводчики с голландского и один с русского языка. Меня много спрашивали о делах Европы и особенно подробности старались узнать о делах в России. Очень любопытствовали также обо всем, что касается капитана Головинина». По словам Гордона японские чиновники высказали мнение, что Головинин может быть назначен начальником Охотского порта и знали капитана Рикорда. См. ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, лл. 169—172. Гордон князю Шаховскому, июль, 1818 г.

Однако слабо развитая российская промышленность была не в состоянии конкурировать с товарами, ввозившимися из Англии и США. В Англии в то время уже завершался промышленный переворот, и в Соединенных Штатах также утверждалось фабрично-заводское производство. Проникновение «Ост Индской компании» и американских торговцев на крайний северо-восток России встревожило царское правительство. Министр финансов России, рассмотрев список привезенных Гордоном товаров, нашел, что они в большей части состоят из предметов роскоши и крепких напитков, а последнее, по его мнению, могло нанести ущерб казне, подорвав винный откуп. Особенно решительно выступил министр финансов против разрешения иностранцам скупать пушнину. Он писал: «Известно, что Камчатка изобилует меховой рухлядью, которая частично отпускается через Астрахань в Персию, и Дубосары в Турцию, и частью китайцам на Кяхте и если дать возможность покупать пушнину иностранцам в Охотско-Камчатском крае, то это вызовет подрыв торговли русского купечества и кяхтинской торговли, а выгоды пойдут иностранцам»³⁴). Против развития иностранной торговли в русских владениях крайнего северо-востока выступала Российско-американская компания, которая, сохраняя свою монополию в данном районе, устанавливала произвольно высокие цены на промышленные товары и низкие на пушнину.

28 мая 1818 г. было принято постановление Комитета министров «О торговле в Охотском и других портах Восточной России», по которому сохранялись основные положения о размере пошлин, принятых в 1813 г., однако иностранным купцам был запрещен вывоз за границу пушнины, золота и серебра³⁵). Вскоре постановлением от 31 марта 1820 г. иностранным купцам было запрещено привозить товары в Охотский порт и на Камчатку, а также селиться и записываться в купеческие гильдии в Охотске и Камчатке, дабы отклонить их влияние «на сию далекую окраину»³⁶).

Закрывание Охотско-Камчатского побережья для иностранной торговли было вызвано жалобами правления Российско-американской компании на то, что иностранная торговля подрывала позиции компании. Экономическая отсталость и реакционный самодержавно-крепостнический строй России приводили к тому, что российское купечество было не в состоянии выдержать конкурентную борьбу с американскими и английскими торговцами. Английские и американские пушные компании, развернувшие контрабандную торговлю с индейцами

³⁴) ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, л. 226.

³⁵) ЦГАДВ, ф. 1059, оп. 1, д. 34, л. 253.

³⁶) Н. Слюнин. Указ. соч., стр. 83. См. также С. Окунь. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935, стр. 126.

на северо-западном побережье Северной Америки, подрывали монополию Российско-американской компании на Аляске, что приводило к значительному снижению доходов компании. Министр иностранных дел России Н. П. Румянцев в 1808—1812 гг. неоднократно пытался добиться от правительства США мер по прекращению американской торговли во владениях Российско-американской компании на Аляске, но безрезультатно. Безуспешными оказались и последующие переговоры царского правительства с Соединенными Штатами Америки по этому вопросу³⁷).

В таких условиях правительство России решило прибегнуть к мерам дипломатического давления для того, чтобы заставить Англию и США вступить в переговоры по вопросам торговли, мореплавания и уточнения границ в северной части Тихого океана. 4 (16) сентября 1821 г. был издан указ Александра I, по которому «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах, и вообще по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири...» предоставлялось «единственно российским подданным». Данным же указом, моря и заливы, омывавшие русские владения на расстоянии ста итальянских миль от побережья и островов, объявлялись внутренними русскими водами. Иностранные корабли, появившиеся в этих водах без разрешения русских властей, должны были подвергаться конфискации вместе с грузом³⁸).

13 (25) сентября был издан указ Александра I, по которому привилегии Российско-американской компании были продлены на двадцать лет. В этом указе еще раз указывались границы, в пределах которых компания пользовалась монопольными правами, причем эти границы были определены в соответствии с указом от 4 (16) сентября 1821 г.³⁹). Устанавливалось крейсерство русских кораблей в северной части Тихого океана. В 1821 г. сюда были направлены шлюп «Апполон» и бриг «Аякс». Судам Российско-американской компании было предоставлено право принимать участие в охране русских вод и побережья⁴⁰).

Однако настоять на признании юрисдикции России в районах, названных указом 4 (16) сентября 1821 г., царское правительство не смогло из-за острого противодействия США и Анг-

*) S. Bemis. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York, 1949, p. 493—494.

³⁸) Н. Н. Болховитниов. Указ. соч., стр. 198.

³⁹) П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Часть I, СПб., 1861, стр. 40—55.

⁴⁰) См.: «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью», том III, выпуск 3, 1884, стр. 33.

лии, заявивших официальные протесты и не признавших притязаний России, сформулированных в этом указе. 21 января 1822 г. Министерство иностранных дел Англии вручило русскому послу в Лондоне графу Ливену ноту, в которой был заявлен протест против «некоторых начал относительно мореплавания, провозглашенных указом». Английское правительство также решительно протестовало против установления стомильной зоны русских береговых вод в северной части Тихого океана⁴¹⁾.

25 февраля 1822 г. государственный секретарь США Д. К. Адамс в беседе с русским посланником в Вашингтоне Полетика также отверг претензии России, выдвинутые в указе Александра I от 4 (16) сентября 1821 г.⁴²⁾. Правительство России в ответ на протесты Англии и США предложило правительствам названных стран вступить в переговоры с целью урегулирования спорных вопросов. Для того, чтобы облегчить ведение переговоров, царское правительство довело до сведения США и Англии, что Россия не преследует завоевательных целей и в данный момент не намерена настаивать на выполнении всех положений указа. Командирам русских охранных крейсеров было дано предписание плавать вблизи русских поселений и препятствовать только иностранной контрабандной торговле в русских владениях. Американский историк Д. Перкинс отмечает, что отказ российского правительства от выполнения указа Александра I положил конец опасности серьезного конфликта между Россией и США⁴³⁾.

Начались переговоры России с Англией и США по вопросам торговли, мореплавания и территориального разграничения, которые шли в Вашингтоне, Лондоне и Петербурге. Русские дипломатические представители в Англии и США получили указание, что правительство России в ходе этих переговоров ставит своей задачей получить гарантии «неприкосновенности владений и интересов» России и «точнее определить границы обоюдных владений в северной Америке»⁴⁴⁾.

Следует отметить, что правительство США и Англии во время переговоров с Россией в 1822—1823 гг. действовали довольно согласованно. Американский автор Б. Томас отмечает, что «никогда со времени американской революции американское и британское правительства не были так сильно близки, как в 1823 г.»⁴⁵⁾. Однако провозглашение доктрины Монро правительством США в декабре 1823 г. привело к ухудшению

41) Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI, СПб., 1895, стр. 312.

42) D. Perkins. John Quincy Adams. «The American Secretaries of State and their Diplomacy, vol. IV, New York, 1928, p. 94.

43) D. Perkins. Op. cit., p. 95.

44) Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 313.

45) B. Thomas. Op. cit., p. 40.

англо-американских отношений. Русско-американские переговоры развивались более успешно, чем русско-английские, последнее обстоятельство объяснялось тем, что у России и США в то время не было серьезных противоречий в других районах земного шара. Более того, правительство США стремилось опереться на царское правительство в борьбе против Англии и сохранить дружеские взаимоотношения с Россией. В ходе русско-американских переговоров в основном обсуждались вопросы, связанные с русско-американскими взаимоотношениями и территориальным разграничением на американском континенте. Ход этих переговоров освещен в советской исторической литературе⁴⁶).

5 (17) апреля 1824 г. в Петербурге была подписана русско-американская конвенция «О непоколебимом сохранении состоящей между ними дружественной связи»⁴⁷). Граница между владениями России и США в Америке была установлена по 54°40' северной широты. Русские не должны были основывать своих поселений к югу, а американцы к северу от этой линии. Граждане двух государств получили право свободно плавать и «приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты, для торговли с природными тамошними жителями» и заниматься рыболовством «во всех частях» Тихого океана. Условиями конвенции предусматривалось, что «граждане Соединенных Штатов не могут приставать в тех местах, где находится российское селение, без позволения тамошнего правителя или начальника, а равным образом и российские подданные не могут приставать без позволения к селениям Соединенных Штатов на северо-западном берегу». Торговцам обонх государств запрещалось продавать «тамошним жителям» оружие и спиртные напитки. Однако добиться выполнения последнего было практически очень трудно, так как по настоянию американской стороны была включена оговорка, что «сие воспрещение не может никогда послужить предлогом или быть истолковано в том виде, что оно дает право кораблю осматривать или задерживать, или товары захватывать, или, наконец, принимать какие-либо меры принуждения против начальников судов или корабельных служителей кое сим торгом занимались бы; ибо Высокие договаривающиеся стороны взаимно предоставили себе определять наказания и налагать денежные пени за нарушение сей статьи кем-либо из граждан их или обоюдных подданных».

По статье четвертой русско-американской конвенции на 10 лет были открыты для граждан обонх держав все «внутренние моря, заливы, гавани и бухты» вдоль берегов Тихого

⁴⁶) См. Н. Н. Болховитинов. Указ. соч., стр. 199—209, 287—295; «Черки новой и новейшей истории США», т. I, М., 1960, стр. 162—165.

⁴⁷) ПСЗ, т. XXXIX, СПб., 1830, стр. 251—253.

океана для плавания, рыбной ловли и торговли с местным населением.

Англо-русские переговоры по вопросам торговли, мореплавания и рыболовства в северной части Тихого океана и территориальном разграничении на американском континенте продолжались до февраля 1825 г. В ходе переговоров английское правительство требовало полного отказа России «от исключительных претензий на мореплавание и юрисдикцию в северной части Тихого океана», кроме того, правительство Англии добивалось разрешения английским подданным в течение 10 лет свободно охотиться, ловить рыбу и торговать с населением в русских тихоокеанских владениях, расположенных к северу от 59° северной широты до Берингового пролива, а также открытия на «вечные времена» для английских судов порта Ситхи или Ново-Архангельска⁴⁸). Царское правительство пошло на уступки Англии по территориальным вопросам, связанным с разграничением между Аляской и Канадой, согласилось дать на 10 лет английским подданным права свободного плавания и торговли в русских владениях, расположенных в северной части Тихого океана, однако требования относительно открытия русских портов для англичан на вечные времена были решительно отвергнуты, как противоречащие суверенитету России. 16 (28) февраля 1825 г. была подписана русско-английская конвенция, по которой уточнялись границы между русскими и английскими владениями в Северной Америке. Правительство России обязалось на 10 лет открыть для английской торговли и захода английских судов в гавань на острове Ситхе или Ново-Архангельский порт. Кораблям Великобритании разрешалось заходить в тихоокеанские порты России и, наоборот, русским кораблям заходить в тихоокеанские порты Англии без уплаты каких-либо пошлин, кроме портовых сборов, в случае бури или необходимости провести ремонт, купить продовольствие и т. д. Статьи англо-русской конвенции, касающиеся условий торговли, рыболовства, взаимного обязательства не основывать поселений на территории другой страны, как по тексту, так и по смыслу, совпадают с соответствующими статьями русско-американской конвенции 1824 г.⁴⁹).

Подписанием этих соглашений царское правительство добилось от Англии и США подтверждения российского суверенитета на Аляске. В то же время правительство России отказалось от дальнейшего расширения своих владений в Америке. Данные соглашения в последующие десятилетия окажут влияние на ослабление позиций России в северной части Тихого океана и создадут «юридическую основу» для экспансии американского и английского капитала в русских владениях край-

⁴⁸) Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 314.

⁴⁹) Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 316—322.

него северо-востока Азии. Дело в том, что первая статья русско-американской конвенции 1824 г. и первая статья русско-английской конвенции 1825 г., которые совпадали по смыслу, предоставляли право гражданам России, США и Англии свободно плавать, ловить рыбу и приставать к берегам в местах «еще не занятых» «во всех частях» Тихого океана. Правда, вторые статьи данных конвенций предусматривали, что приставать у населенных пунктов корабли договорившихся стран могли лишь с разрешения «тамошнего правителя», однако ссылаясь на то, что во многих местах Анадырско-Чукотского побережья не было представителей русской администрации, американские и английские торговцы и промышленники действовали там бесконтрольно, нарушая заключенные конвенции. Некоторые статьи этих конвенций были сформулированы не совсем четко, что создавало условия для их противоречивого толкования. Царское правительство пошло на уступки США и Англии, касающиеся мореплавания и торговли на крайнем северо-востоке Азии для того, чтобы получить соответствующие уступки во владениях США и Англии на американском континенте, в которых нуждалась Российско-американская компания, суда которой там плавали. Нужно также учитывать, что силы царизма в это время были скованы на Ближайшем Востоке, где в 1821 г. началось восстание греческого народа против турецкого владычества. Царское правительство старалось использовать это восстание для укрепления своих позиций на Балканах и в связи с этим стремилось быстрее урегулировать взаимоотношения с США и Англией по тихоокеанским вопросам.

Американский автор Б. Томас считает русско-американскую конвенцию 1824 г. «простым торговым соглашением» и отмечает противоречивость некоторых ее условий⁵⁰⁾.

В августе 1828 г. правительство России разрешило беспошлинную иностранную торговлю на Камчатке на 10 лет⁵¹⁾, затем это решение несколько раз возобновлялось и в 50-х годах было распространено на Приморскую и Амурскую области⁵²⁾. Причиной установления беспошлинного ввоза — порто-франко было то, что ни русское купечество, ни царское правительство не могли обеспечить морским путем подвоз необходимого количества товаров на Дальний Восток, а также и то, что правительство было не в состоянии установить таможенный над-

⁵⁰⁾ В. Thomas. Op. cit., p. 46.

⁵¹⁾ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 2, д. 269, лл. 2—3.

⁵²⁾ По указу 1828 г. покупка спиртных напитков с иностранных кораблей на Камчатке разрешалась лишь офицерам и чиновникам и то лишь с позволения начальника Камчатки. Однако эта мера не ограничила ввоз спиртного из-за границы. Чиновники и офицеры, служившие на Камчатке, закупали большое количество водки, рому и других спиртных напитков, а затем по повышенным ценам перепродавали. См. ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 305, л. 2.

зор на обширнейших пространствах дальневосточных границ.

Положением 1828 г. русские и иностранные торговцы были поставлены в одинаковые условия. Всякий уплативший торговые пошлины кунца 1-й гильдии, мог не только торговать, но и открывать мастерские, организовывать морские промыслы и т. д. Однако вывоз пушнины иностранным торговцам был запрещен. Поэтому легальная торговля велась на русские деньги. Причем иностранные купцы, вырученные в результате продажи своих товаров деньги, должны были сдавать в местные отделения государственного казначейства, которые взамен денег выдавали аккредитивы, дававшие четырехпроцентную годовую прибыль. Аккредитивы оплачивались главным казначейством в Петербурге⁵³).

6 (18) декабря 1832 г. был подписан русско-американский договор о торговле и мореплавании, по которому в торговых отношениях между США и Россией устанавливался режим наибольшего благоприятствования. Одна из статей этого договора, в которой провозглашалось, что прибрежное или каботажное плавание «та и другая договаривающаяся сторона исключительно себе предоставляют» была предназначена для урегулирования мореплавания в северной части Тихого океана.

Правление Российской-американской компании утверждало, что русско-американские и русско-английские конвенции, заключенные в это время, нанесли значительный ущерб компании. В 1834—1835 гг. истек срок льготных условий, которые на основе взаимности предоставлялись Россией США и Англии для торговли, рыбной ловли и мореплавания вдоль берегов Тихого океана на 10 лет. Царское правительство решительно отказалось продлить статью о льготных условиях, хотя правительство Соединенных Штатов Америки настойчиво этого добивалось⁵⁴). Однако, как уже отмечалось, по условиям первой статьи русско-американской конвенции 1824 г. и англо-русской конвенции 1825 г. предусматривалась на неопределенный срок свобода мореплавания, рыбной ловли и торговли с населением побережья во «всех частях» Тихого океана, правда, с соблюдением ряда ограничений, которые торговцами и рыбопромышленниками США, Англии и Канады часто нарушались.

Русские, а также малые народы — камчадалы, чукчи, коряки и др. подвергались эксплуатации со стороны царизма, российских и иностранных торговцев, чиновников и выделявшейся из собственной среды зажиточной верхушки. Доходы, которые получали российское купечество, «Кабинет его императорского величества» и казаки от колониальной эксплуатации населения крайнего северо-востока Сибири были сравнительно ограниченными. Торговлю русских купцов и Российско-

⁵³) В. Войт. Указ соч., стр. 24.

⁵⁴) E. Zabriskie. Op. cit., p. 9.

американской компанией все больше подрывала иностранная конкуренция. Объясачивание чукчей царские власти смогли завершить лишь в конце XIX века⁵⁵).

Основной формой эксплуатации малых народов был сбор ясака. В 1822 г. Сибирский комитет, рассмотрев «Устав об инородцах», пришел к выводу, что положение о сборе ясака, действовавшее с 1763 г., устарело для «многих туземцев», охота перестала играть прежнюю роль в их экономике, а поэтому счет податей на звериные промыслы служит токмо предлогом к различным притеснениям⁵⁶). Комитет выработал новый «устав» по которому «туземное население Сибири» делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Оседлые были причислены к государственным крестьянам и должны были нести общие с последними повинности, а кочевые и бродячие подлежали переобложению ясаком.

В 1827 г. Николай I утвердил выработанные в Сибирском комитете основные положения по сбору ясака, которые предусматривали, что ясак может взиматься: 1) шкурками определенных пушных зверей, 2) шкурками определенных пушных зверей и деньгами, 3) только деньгами⁵⁷). Для переобложения населения ясаком были учреждены две комиссии (для Западной и для Восточной Сибири), работавшие с 1828 по 1835 г.⁵⁸). Комиссия Восточной Сибири обложила новой ясачной податью «кочевое и бродячее» население Якутской области, Иркутской и Енисейской губернии. Независимо от ясачной комиссии Восточной Сибири, начальником Камчатки были обложены ясаком кочевое население Камчатки и оленные косяки, всего 1878 человек обязанных вносить шкурок: соболей — 390, лисиц — 287, пыжиков — 409, на сумму 7281 рубль⁵⁹). Также независимо от ясачной комиссии Восточной Сибири, охотским и гижигинским земскими исправниками было произведено переобложение населения данных округ. Всего здесь было обложено 1934 человека, обязанных вносить шкурок: лисиц — 150, белок — 2735, на сумму 3926 рублей. Кроме того, 640 рублей деньгами, а всего на 4566 рублей⁶⁰).

Таким образом, по новому обложению, вступившему в силу 1 января 1835 г., малые народы Охотско-Камчатского края должны были вносить ясака на 11 847 рублей. Если учесть, что народы Сибири были обложены ясаком на сумму

⁵⁵) См. С. С. Григорьевич. Русские владения крайнего северо-востока Азии в середине XIX века. Труды ТГУ. Т. 136. Томск, 1957, стр. 233—237.

⁵⁶) С. Прутченко. Сибирские окраины. (Приложения). СПб., 1899, стр. 175.

⁵⁷) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1485, л. 12.

⁵⁸) С. Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии. Журнал «Дело», 1867, № 9

⁵⁹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1485, л. 15.

⁶⁰) Там же, л. 15.

525 162 рубля⁶¹⁾, то вполне очевидно, какая незначительная часть в общей сумме ясака приходилась на долю Охотско-Камчатского края. Новым положением о сборе ясака предусматривалось, что при каждой переписи обложение каждого рода будет меняться в связи с изменением числа работников, но обложение каждого плательщика будет оставаться неизменным.

Надо учитывать, что окладные расценки пушнины, поступавшей в ясак, даже после повышения на нее цен по положению 1834 г., были намного (иногда в 2-3 раза) ниже рыночной. Поэтому доходы от пушнины, поступавшей в ясак, составляли весьма значительную часть дохода Кабинета. Центральное правительство настойчиво понуждало администрацию к более энергичному выколачиванию ясака. В 1842 г. министр императорского двора уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири о невыгодной продаже звериных шкур, присланных в 1841-1842 гг. и предлагал обратить «строгое внимание» на сбор ясака «в собственный доход его величества»⁶²⁾.

В 1843 г. Николай I возложил на направленного в Восточную Сибирь с ревизией тайного советника сенатора Восточного наблюдения с сбором ясака. В связи с этим Толстой поручил местным властям довести до сведения «родовых старшин туземцев», что «высшее начальство желает видеть большее усердие их в исправлении взноса ясака, преимущественно шкурками дорогих зверей, а также прежней недоимки». Было объявлено, что Толстой, по предоставленному ему императором праву, может наградить родовых старшин, проявивших усердие по сбору ясака, медалями, знаками отличия, либо подарками⁶³⁾. В этом же году распоряжением царя был воспрещен внос ясака вместо пушнины деньгами. Это мотивировалось тем, что местные начальники часто получали ясак ценной пушнинной, но по окладным книгам вносили деньги, а пушнину продавали купцам и наживались⁶⁴⁾.

Чтобы не допустить перехода наиболее ценной пушнины в руки торговцев, в 1843 г. по указу царя правительствующий сенат постановил: запретить русским торговцам «торговать с туземцами» до взноса ими ясака. В случае нарушения этого постановления купцы подлежали наказанию: за первое нарушение — конфискацией пушнины, за второе нарушение — конфискацией пушнины и сторублевым штрафом

⁶¹⁾ Там же, л. 18.

⁶²⁾ ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 337, лл. 1—2. Иркутский гражданский губернатор начальнику Охотско-Приморского управления, декабрь, 1842.

⁶³⁾ ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 337, л. 7.

⁶⁴⁾ Предусматривалась возможность замены пушнины денежным взносом при условии «доказанного неулова зверей». См. ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 337, л. 11.

и в третий раз — отдавались под суд⁶⁵). В качестве поощрительной меры за исправный и недонмочный взнос ясака пушной плательщикам ясака выдавали «награды» по 2 копейки с рубля внесенного ясака⁶⁶). Сборщики ясака часто допускали злоупотребления, наживаясь на этом. Плательщик ясака мог быть освобожден от очередного взноса лишь в случае, если он добровольно принимал христианство⁶⁷).

На эксплуатации туземного населения, морских и пушных богатств крайнего северо-востока России наживались русские и иностранные купцы, члены царской фамилии, чиновники, пайщики Российско-американской компании. Однако в продолжение первой половины XIX в. доходы Государственного казначейства от поступлений из Охотско-Камчатского края были все время значительно ниже его расходов по этому краю. Реформы в управлении, проводившиеся царским правительством, не смогли ликвидировать злоупотребления и произвол местных чиновников.

В первой трети XIX в. стала проявляться слабость позиций царизма на крайнем северо-востоке России, оказавшегося не в состоянии противодействовать проникновению сюда США и Англии. Каботажное плавание вдоль побережья было объявлено привилегией русского флага. Однако большинство иностранных торговцев и предпринимателей, действовавших в этом районе, не соблюдало никаких ограничений и в широких размерах развернуло меновую торговлю с народами крайнего северо-востока России. Иностранные товары через Камчатку, Чукотку и Анадырь проникали до Якутска. В результате этого к середине XIX в. резко сократился торговый оборот Колымской ярмарки и пришла в упадок русская торговля в Гижиге и Охотске⁶⁸).

Большой ущерб населению Охотско-Камчатского побережья наносил промысел морских животных особенно китов, который развернули иностранные предприниматели в Беринговом и Охотском морях. Истребляя китов, тюленей и моржей, иностранные промышленники оставляли население побережья без средств к существованию. О размерах иностранного промысла у русского побережья крайнего северо-востока свидетельствует тот факт, что в 40-х годах XIX в. только к берегам Камчатки ежегодно приходило до пятисот китобойных судов

⁶⁵) ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 337, л. 17.

⁶⁶) В 1840 г. на Камчатке было собрано ясаку: соболей — 413 штук, на 4130 рублей, лисиц — 116 штук, на 1160 рублей. Всего на 5290 рублей. Из этой суммы плательщикам ясака выдали 105 рублей 80 копеек. Исправник Камчатского округа писал, что в 1840 г. «улов зверей был худой, поэтому не все могли внести ясак, а шкуры средней и низкой доброты». См. ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 249, лл. 30, 86—89.

⁶⁷) ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 249, л. 29.

⁶⁸) ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 16, л. 70. Камчатский военный губернатор Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири, ноябрь 1851 г.

различных национальностей⁶⁹). Оградить свои владения от хищнической деятельности иностранного капитала царизм оказался не в состоянии.

**
*

К середине XIX в. в связи с обострением англо-русского и русско-французского соперничества на Ближнем Востоке ухудшилось международное положение царской России. Англия, Франция и Соединенные Штаты Америки значительно укрепили свои позиции в странах Дальнего Востока. В то же время выявилась слабость позиций России в северной части Тихого океана. Военные силы России в данном районе были ничтожны. Все эти причины заставили царское правительство принять срочные меры. В 1849 г. Охотск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев, который в донесении в Петербург писал о полной беззащитности Охотска, как военного порта и предложил перенести порт в Петропавловск-на-Камчатке, сделав последний главным укрепленным портом России на Тихом океане⁷⁰). Муравьев предлагал немедленно увеличить военные силы России на Дальнем Востоке для защиты русских тихоокеанских владений⁷¹).

В декабре 1849 г. был издан царский указ об образовании Камчатской области, ликвидации Охотского порта и укреплении Петропавловска, а также создании Сибирской флотилии, которая в это время была образована из девяти мелких парусных судов и одной паровой шхуны. Указом намечались меры по развитию земледелия на Камчатке за счет переселения туда крестьян и т. д. Данные мероприятия царского правительства были вызваны внешнеполитическими соображениями и направлены на укрепление позиции России на Дальнем Востоке.

Участники Амурской экспедиции в 1848—1853 гг. под руководством Г. И. Невельского доказали, что Сахалин является островом, а не полуостровом, как считали географы до этого времени, а устье Амура доступно для крупных морских судов. Благодаря самоотверженной деятельности Амурской экспедиции остров Сахалин, низовья Амура и побережье Татарского пролива были закреплены за Россией. Это было весьма своевременно, так как во время Крымской войны 1853—1856 гг. в русские дальневосточные воды была направлена англо-французская флотилия. Однако попытка англо-французов занять Петропавловск-на-Камчатке была отбита ма-

⁶⁹) Там же, д. 173, лл. 1—4. Начальник Камчатки капитан 2-го ранга Машин генерал-губернатору Восточной Сибири, январь 1846 г.

⁷⁰) В 1848 г. в Петропавловске, гарнизон которого был наиболее значительным, имелось 187 матросов, солдат и казаков, находившихся на службе. См. ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 93, лл. 3—4.

⁷¹) И. Барсуков. Граф Муравьев-Амурский. М., 1891 г. кн. 1, стр. 216, 217.

леським гарнизоном Петропавловска⁷²⁾). Русская Тихоокеанская эскадра укрылась от превосходящих сил англофранцузского флота в Амурском лимане, куда в 1854 г. прибыли войска и снаряжение из Забайкалья, перевезенные по Амуру. С этого времени Амур стал и в течение длительного периода был основной магистралью, связывающей Тихоокеанское побережье через Восточную Сибирь с Центральной Россией.

Летом 1856 г. военный порт был переведен из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре. В этом же году началось заселение берегов Амура от устья Усури до Николаевска русскими. В октябре 1856 г. был издан царский указ об образовании Приморской области, в состав которой вошли Камчатка, Анадырско-Чукотский край, Охотское побережье (за исключением Охотского округа, отошедшего к Якутской области), а также занятая к этому времени часть Приамурья, Сахалин и другие острова Тихого океана.

В 1867 г. царское правительство продало Аляску с прилегающими островами Соединенным Штатам Америки, что было результатом дальнейшего ослабления позиций царской России в северной части Тихого океана. Царские министры, продав Аляску, не поставили вопроса об отмене тех пунктов русско-американской конвенции 1824 г. и англо-русской 1825 г., которые в свое время явились уступками царской России, порожденными стремлением защитить интересы Российско-американской компании на Аляске⁷³⁾. Однако Российско-американская компания приходила постепенно в упадок, вызванный сокращением добычи пушнины и ростом конкуренции со стороны американских и английских торговцев, которая все усиливалась в связи с быстрым развитием капитализма в США и Англии. В 1868 г. Российско-американская компания была ликвидирована. Только в начале XX в. царское правительство предприняло некоторые шаги, направленные на ограничение бесконтрольной торговли американских и других иностранных капиталистов на крайнем северо-востоке Сибири.

Экономическая отсталость и реакционный политический строй самодержавно-крепостнической царской России являлись причиной того, что природные богатства обширных районов крайнего северо-востока Азии оставались нетронутыми, либо в значительной степени эксплуатировались иностранным капиталом, а трудящиеся этих областей жили в крайне тяжелых условиях. Слабое развитие производительных сил в сочетании с суровыми природными условиями обрекали на неудачу попытки царских властей переселить сколько-либо значительное количество русских крестьян в Охотско-Камчатский край.

⁷²⁾ К этому времени военные силы в Петропавловске были доведены до 1 тыс. человек.

⁷³⁾ ПСЗ, т. XLII, СПб., 1871, стр. 421—424. Высочайше ратифицированная конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний, 3 мая 1867 г.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА США НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В 1919—1921 гг.

Я. А. ДОМБРОВСКИЙ

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал, что «...при капитализме немислимо инсе основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»¹⁾. Используя свое положение экономического и финансового центра капиталистического мира и быстро растущую военную мощь, Соединенные Штаты Америки в 1919—1921 гг. пытались изменить соотношение сил на Тихом океане в свою пользу с тем, чтобы создать более благоприятные условия для расширения империалистической экспансии в страны азиатского континента. Составной частью общего наступления американских монополий на позиции Японии в Китае и на Тихом океане в эти годы являлась политика военно-морского давления на Японию и Великобританию, имевшая своей целью склонить правительства этих стран к пересмотру ряда решений по дальневосточным и тихоокеанским вопросам. Эта политика нашла свое выражение в переброске на Тихий океан крупных сил американского флота, в планах строительства военно-морских баз на Западном побережье США и островах Тихого океана, в военно-морских программах, выдвинутых правительством Вильсона в 1919—1920 гг.

Проблема военно-морского соперничества империалистических держав на Тихом океане привлекала внимание многих советских авторов. В 20—30-х годах, например, об этом писали Л. Н. Иванов, Н. Терентьев, Б. Н. Доливо-Добровольский, В. Белли, А. Бонч-Осмоловский и некоторые другие авторы.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. IV, т. 22, стр. 281.

После второй мировой войны появились работы А. Л. Гальперина, И. М. Леминна, В. Я. Аварина, коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949», монографии по истории США, Англии и Японии, авторы которых, рассматривая различные стороны дальневосточной и тихоокеанской политики империалистических держав, уделяют некоторое внимание и указанной проблематике²⁾.

Значительным вкладом в изучение морской политики США, главным образом в период 1927—1936 гг., является изданная в 1962 г. монография З. М. Солонцова³⁾. Вопрос о политике США относительно морских вооружений на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. рассматривается в завершённом в 1965 г. капитальном исследовании Е. И. Поповой⁴⁾. Однако история военно-морских акций, предпринятых правящими кругами США в 1919—1921 гг., как составная часть их дальневосточной и тихоокеанской политики, не получила еще цельного и подробного освещения. Данная статья является попыткой в этом направлении.

В правящих кругах США давно придерживались мнения, что эффективная дальневосточная политика должна опираться не только на «дипломатию доллара», но и на прочные позиции на морских подступах к Китаю, Индии, Индонезии и другим азиатским странам. Забота об их укреплении красной нитью проходит через всю историю Соединённых Штатов. Ради этого американский империализм создал целую империю островных владений во всех частях Тихого океана и построил Панамский канал.

Важным орудием американских монополий в деле утверждения своего влияния в странах Азии и Латинской Америки был военно-морской флот. «Само присутствие военных кораблей,— указывает американский автор Р. Джонсон,— служило ободряющим фактором для коммерческой экспансии... Бизнесмен был в большей степени склонен вкладывать капитал в латиноамериканскую республику или тихоокеанский остров, имея в качестве пристрастного гаранта капиталовложений

²⁾ Л. Н. Иванов. Морская политика и дипломатия империалистических держав. Избранные произведения. М., 1964; Н. Терентьев. Борьба за Тихий океан. М., 1932; Б. Доливо-Добровольский. Тихоокеанская проблема. М., 1924; В. Белли. Борьба за Тихий океан. М., 1938; А. Бонч-Осмоловский. Соединённые Штаты и проблема Тихого океана. М.—Л., 1930; А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. М., 1947; И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947; В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. М., 1947 и М., 1952; Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949. Под ред. Е. М. Жукова, М., 1956.

³⁾ З. М. Солонцов. Дипломатическая борьба за господство на море и противоречия империалистических держав (1918—1945 гг.). М., 1962.

⁴⁾ Е. И. Попова. США и создание Вашингтонской системы. Докторская диссертация. М., 1965.

тихоокеанскую эскадру, а дипломат находил свою задачу более легкой вследствие молчаливой гарантии, данной американскими военными кораблями, показавшими флаг в водах страны, в которой он был аккредитован»⁵⁾).

Американские военные корабли бороздили тихоокеанские воды задолго до включения в состав Соединенных Штатов западного побережья. Цитировавшийся выше Джонсон, например, отсчитывает историю тихоокеанских военно-морских сил США с 1818 г.⁶⁾ Однако в течение многих лет центр американской военно-морской активности находился на Атлантике, где были сконцентрированы лучшие силы флота Соединенных Штатов. Перед первой мировой войной Тихоокеанский флот состоял из нескольких устаревших крейсеров, миноносцев и канонерек, главной функцией которых было вооруженное вмешательство в дела отдельных латиноамериканских стран. Полнцейскими обязанностями ограничивалась также роль небольшого по размерам Азиатского флота, одна часть которого находилась в филиппинских водах, а другая осуществляла охрану «жизни и собственности» американских торговцев на реке Янцзы и в южнокитайских водах⁷⁾.

После вступления США в первую мировую войну американское командование сократило и без того небольшие силы Тихоокеанского флота, послав лучшие его корабли в Атлантический океан. На Тихом океане безраздельно господствовал японский флот. В дополнение к своим прежним военно-морским позициям Япония оккупировала и намеревалась сохранить за собой Каролинские, Маршальские и Марианские острова и важный порт на китайском побережье Циндао.

Новый этап в «освоении» Соединенными Штатами Тихого океана наступил после окончания первой мировой войны. В его основе было быстрое нарастание экспансии американского капитала в страны Азии. Только за период с 30 июня 1917 по 30 июня 1919 г. американский экспорт в Китай возрос с 55,9 млн. долларов до 117,2 миллионов. За это же время удвоился объем экспорта США на острова Голландской Индии, а экспорт на Филиппины поднялся с 27,2 миллионов долларов до 69 миллионов. «Представители министерства торговли, — указывалось в опубликованном в 1919 г. докладе Американо-Азиатской ассоциации, — в течение месяцев работают над генеральным планом поощрения импорта дальневосточного сырья,

⁵⁾ См.: R. E. Johnson. Thense Round Cape Horn. The Story of the U. S. Naval Forces on Pacific Station, 1818—1923. Annapolis 1963, p. 198.

⁶⁾ Ibidem, p. 6.

⁷⁾ После первой мировой войны патрульную службу на реке Янцзы несли 6 американских канонерок и 2 канонерки находилось в южнокитайских водах. См.: «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S.» (в дальнейшем «FR»), 1921, vol. I, p. 523. Морской министр США Дэнби государственному секретарю Юзу, 5 апреля 1921 г.

необходимого для обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов и ввозившегося прежде в нашу страну из Европы⁸⁾).

Наибольший интерес монополистический капитал США проявлял к колоссальным возможностям китайского рынка. «Привести 400 миллионов китайских покупателей к дверям Америки, — говорилось в одном из объявлений, помещенном в ноябрьском номере журнала «Эйше» («Азия») за 1919 г., — это преобладающая мысль американских экспортеров, банкиров, торговцев и промышленников, которые сосредоточивают свое внимание на рынках Дальнего Востока⁹⁾. Если в 1919 г. в американскую торговую палату Шанхая входило 48 американских фирм, то к 1920 г. их число достигло 313¹⁰⁾.

Однако японский империализм, опираясь на выросшее в годы первой мировой войны свое влияние в Китае, всеми силами старался противодействовать росту американской экспансии. Между двумя империалистическими хищниками обострилась борьба за контроль над китайскими железными дорогами, финансами и промышленностью. Дипломатические представители США в Китае в течение 1919 г. неоднократно сообщали в госдепартамент о попытках японских правящих кругов оживить паназиятское движение и возбудить неприязнь к американским предпринимателям, миссионерам, торговцам. Японская и контролируемая японцами китайская печать систематически вела антиамериканскую пропаганду¹¹⁾.

В связи с обострением американо-японского соперничества в Китае представители монополий США требовали от своего правительства эффективных действий по «сдерживанию» японской экспансии и приведения ее в рамки «кооперации» с Соединенными Штатами. В июле 1918 г. большая группа американских банкиров обратилась в госдепартамент с письмом, в котором содержалось требование того, чтобы правительство США признало в принципе «изменение наших международных отношений, дипломатических и коммерческих, являющихся результатом войны». Банкиры соглашались на участие в новом консорциуме для финансирования Китая лишь при условии, что «ни один заем не может быть выпущен, если в момент выпуска правительство не осведомит публику, что заключается по его предложению». В ответе, направленном банкирам 9 июня 1918 г. государственный секретарь Лансинг заверял, что их деятельность в Китае будет обеспечена правительственной поддержкой¹²⁾.

8) «Asia», vol. XIX, N 12, December 1919, p. 1262—1263.

9) Ibid., p. 1270.

10) «Asia», vol. XXI, N 9, September 1921, p. 791.

11) См. об этом в донесениях посланника США в Китае Рейнша и посла в Японии Морриса, «FR», 1919, vol. I, pp. 686, 688, 689, 691, 692, 705, 706.

12) «Вестник НКВД», № 9—10, 15 декабря 1921, стр. 150—151.

В американской печати время от времени раздавались призывы повлиять на Японию демонстрацией военно-морской мощи. 8 марта 1918 г., например, одна из газет предупреждала, что «если Великобритания не может удержать своего союзника Японию от враждебных нашим интересам агрессивных актов, мы можем убрать наши корабли и войска из Европы и направить их в Азию»¹³).

Требования сосредоточить в тихоокеанских водах сильный американский флот прозвучали в феврале 1919 г. и в конгрессе. Члены палаты представителей Миллер, Киттинг, Петерс и другие настаивали, чтобы правительство проводило в военно-морской политике «стратегию двух океанов», т. е. содержало сильный флот не только в атлантических, но и в тихоокеанских водах. Миллер, обосновывая необходимость создания нового тихоокеанского флота, ссылаясь на изменившиеся условия и на то, что «этот мир полон эгоистичных людей и эгоистичных наций»¹⁴).

«В течение многих лет,— говорил конгрессмен Осборн,— население тихоокеанского побережья Америки упорно требовало, чтобы часть флота была направлена на Тихий океан», однако в настоящее время «вся военно-морская сила так называемого Тихоокеанского флота по эффективности не может быть приравнена к одному линкору». Настало время перевести на Тихий океан линейный флот и выполнить рекомендации, сделанные военно-морскими специалистами в 1917 г. о строительстве сухого дока близ Сан-Франциско, способного обслужить любой корабль американского флота, а также военно-морских баз в районе залива Пьюджет-Саунд, в устье реки Колумбия, в Лос-Анжелесе и Сан-Диего. Совет одного человека «говорить мягко, но держать большую дубину» в настоящее время достоин того, чтобы ему следовали. Он, Осборн, не боится Японии, однако следует учитывать, что «эта большая и передовая страна на противоположной стороне Тихого океана обращена лицом к нашему тихоокеанскому побережью, имея более сильный флот, чем тот, который мы держим на Тихом океане». Поэтому Соединенные Штаты, заключал Осборн, «должны держать на Тихом океане флот равный флоту наших друзей-японцев»¹⁵).

Конгрессмен Бритн заметил, что при выработке морской политики в послевоенный период необходимо «помнить секретный договор между Великобританией и Японией, отдавший Японии острова в Тихом океане, часть из которых окружает нашу большую военно-японскую базу». Член палаты предста-

¹³) The Letters of Theodore Roosevelt. vol. 8, Cambridge, Mass., 1954, p. 1333.

¹⁴) «Congressional Record» (в дальнейшем «CR»), 65 congress, 3 sess., vol. 57, part 3, pp. 2715, 3098, 3099, 3147—3149.

¹⁵) Ibid., p. 3084.

вителей Фэр советовал считаться с тем, что «японцы проголо-совали за самые большие в истории Японии кредиты на судостроение»¹⁶). В конгрессе много говорилось о необходимости обеспечить «безопасность» Соединенных Штатов и их тихоокеанских владений, однако, в действительности, сущность вышеприведенных и ряда других высказываний американских «отцов-законодателей» сводилась к тому, чтобы, опираясь на военно-морские силы и систему своих тихоокеанских аванпостов, заставить Японию пойти на уступки в важнейших вопросах дальневосточной политики.

Последующие события ускорили перевод американского флота на Тихий океан. В конце апреля 1919 г. на Парижской мирной конференции было принято решение о передаче Японии германских прав и интересов в китайской провинции Шаньдун, которое юридически закрепляло важнейшее приобретение, достигнутое японским империализмом в годы войны в Китае. Шаньдунские статьи мирного договора вызвали бурю негодования в США. Представители монополистического капитала, столь успешно развивавшие торговую, предпринимательскую и финансовую деятельность в Китае в 1917—1919 гг., меньше всего думали о китайском народе, когда выражали свое недовольство уступками, сделанными президентом Вильсоном Японии. Их тревожила перспектива дальнейшего роста японских позиций в Китае и ослабления там влияния США. В принятой в мае 1919 г. Американской торговой палатой в Китае резолюции отмечалось, что решение о Шаньдуне может привести к тому, что «все обязательства относительно сохранения доктрины «открытых дверей» и равных возможностей станут простыми клочками бумаги». Шаньдунские статьи мирного договора, указывалось в резолюции Англо-Американской ассоциации Пекина, в состав которой помимо предпринимателей, торговцев и миссионеров входили дипломатические представители США и Англии в Китае, «создадут огромные препятствия для развития экономических интересов Китая и других стран». Резолюция требовала, чтобы «государства, принимавшие участие в мирной конференции, выработали и довели до донца справедливое урегулирование, которое не угрожало бы Китаю и всеобщему миру». Требования пересмотра дальневосточных статей Версальского договора содержались также в резолюциях американского университетского клуба в Китае, Пекинской ассоциации миссионеров и многих других американских организаций¹⁷).

Влиятельные группировки американской буржуазии, в прошлом не раз одобрявшие сделки своего правительства с Японией за счет Китая, выражали опасения, что в условиях

¹⁶) Ibid., pp. 2824, 3101.

¹⁷) «FR», 1919, vol. 1, pp. 694, 699.

усилившегося в странах Азии после Октябрьской революции в России национально-освободительного движения соглашение о Шаньдуне нанесет ущерб американским интересам, если не сметет их вовсе. Посланник США в Пекине П. Рейнш с тревогой сообщал госдепартаменту о падении американского престижа в Китае в течение весны и лета 1919 г., грозившего свести на нет предыдущие усилия американской дипломатии. Касаясь размаха усилившегося в Китае антиимпериалистического движения против версальских решений, он писал 7 июня 1919 г.: «Останется ли движение антияпонским или окажется направленным против иностранцев вообще, оно способно произвести большой вред»¹⁸⁾.

В США были встревожены угрозами японских милитаристов направить в Китай войска и намерением властей Японии провести в июне 1919 г. военно-морскую демонстрацию у берегов Шанхая для устрашения участников антиимпериалистического движения. Американский посланник и агенты морской разведывательной службы США доносили своему правительству, что такой шаг мог привести к вспышке восстания против засилия в Китае иностранного капитала. «Присутствие крупных японских сил в китайских водах в данный момент, — писал Рейнш государственному секретарю 9 июня 1919 г. — создает опасность для американских и европейских интересов». Он советовал правительству склонить Японию к сокращению своих военно-морских сил, действующих у китайских берегов. Ситуация, писал он, «не может быть разрешена использованием силы или репрессивными мерами. Единственным подходящим решением была бы ревизия Парижского решения о Шаньдуне или искреннее заявление японцев о намерении поступить справедливо в отношении Китая»¹⁹⁾.

Выражая настроения влиятельных кругов американского монополистического капитала, контролируемая республиканцами сенатская комиссия по иностранным делам во главе с Г. К. Лоджем приняла решение заменить в тексте шаньдунских статей мирного договора слово «Япония» на «Китай»²⁰⁾. Таким образом, если Вильсон и его сторонники обещали потеснить Японию в неопределенное время в будущем в рамках Лиги наций, то многие предприниматели, торговцы и банкиры, усилившие свою деятельность в Китае, требовали от правительства активных акций по обузданию японской экспансии уже сейчас. Указанное решение сенатской комиссии по иностранным делам, а также последующее отклонение конгрессом мирного договора вообще означали не что иное, как

¹⁸⁾ Ibid., pp. 370, 696.

¹⁹⁾ Ibid., pp. 697, 698.

²⁰⁾ H. C. Lodge. The Senate and the League of Nations. New York-London, 1925, p. 162.

вступление влиятельных слоев американской буржуазии на путь односторонней ревизии Версаля.

Шаньдунский кризис, а также усилившиеся противоречия между США и Японией по многим другим вопросам дальневосточной политики привели к росту напряженности в американо-японских отношениях. Японские официальные представители и пресса обвиняли Соединенные Штаты в поощрении бойкота американских товаров и других форм антиимпериалистического движения в Китае. Некоторые японские органы печати доходили до требования применить против Соединенных Штатов военную силу²¹⁾. Быстро росли и антияпонские настроения в США, особенно в Калифорнии и других тихоокеанских штатах, где в 1919 г. с новой силой возобновилось движение за полное прекращение японской иммиграции. Оценивая настроения американских правящих кругов, английская газета «Манчестер гардиан» 28 августа 1919 г. писала, что «акция сенатской комиссии по иностранным делам относительно прямого исправления мирного договора... вытекает прежде всего из глубокого и широко распространенного в Америке убеждения, что конфликт с Японией приближается»²²⁾.

В этих условиях правительство Вильсона приняло решение о посылке на Тихий океан крупных сил военно-морского флота. Не прекращая попыток добиться ратификации Версальского договора, президент Вильсон пытался с помощью этого акта склонить Японию к некоторым уступкам в пользу США и укрепить «престиж» Соединенных Штатов в Китае. Вместе с тем данное решение было рассчитано и на «внутренний фронт»: посылка на Тихий океан военно-морского флота была призвана подкрепить пропагандистскую поездку Вильсона в западные штаты осенью 1919 г., затеянную для того, чтобы склонить избирателей этих штатов к поддержке внешнеполитической платформы демократической партии.

В 1919 г. США располагали военно-морской мощью, достаточной для того, чтобы послать часть своего линейного флота на Тихий океан. В строю было 595 кораблей разных типов общим водоизмещением в 1468 тыс. тонн. Тоннаж английского флота составлял в это время 2309 тыс. тонн, а японского 820 тысяч²³⁾. Таким образом, флот Соединенных Штатов по своим размерам занимал второе место в мире, уступая только британскому. Огромное значение для более активной военно-морской политики США в Тихоокеанском бассейне имело открытие в августе 1914 г. Панамского канала. Сила американского флота быстро увеличивалась. В докладе, представленном морским министром США Даниэльсом президенту в конце

²¹⁾ «FR», 1919, vol. 1, pp. 704, 706, 707.

²²⁾ «CR», 66 cong., 1 sess., vol. 58, part 7, p. 7157.

²³⁾ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). Под ред. Е. М. Жукова, М., 1956, стр. 355.

1918 г., указывалось, что только с июля 1917 по октябрь 1918 г. в строй флота вошли 2 новых линкора, 36 миноносцев, 28 подводных лодок, 355 истребителей подводных лодок, 13 минных тральщиков²⁴). В 1919 г. правительство Вильсона подтвердило намерение завершить военно-морскую программу 1916 г., предусматривавшую строительство в течение трех лет 156 боевых кораблей, в том числе 10 линкоров и 6 линейных крейсеров. Однако американским империалистам, претендовавшим на «мировое лидерство», и этого казалось мало. В декабре 1918 г. конгрессу была представлена на утверждение вторая трехлетняя судостроительная программа, аналогичная первой. Ее главное острие было направлено против Англии, однако, как отмечает американский историк Уильям Нэуман, при обсуждении программы в военно-морских кругах имела место «значительная дискуссия о важности новых кораблей в отношении Японии»²⁵). После долгих и напряженных дискуссий по вопросу о соотношении флотов США и Англии, проходивших в начале 1919 г. в Париже и Лондоне, английские и американские представители достигли неофициальной договоренности, согласно которой Англия соглашалась принять предложенный Вильсоном план создания Лиги наций и включить в ее устав пункт о доктрине Монро в обмен на обязательство США отказаться от выполнения второй трехлетней судостроительной программы. Законопроект относительно данной программы был взят правительством из конгресса в конце мая 1919 г. Однако англичанам не удалось склонить правящие круги США отказаться от возобновления строительства кораблей по первой трехлетней программе. Кроме того, осталось в силе решение конгресса от 6 октября 1917 г. о строительстве дополнительно к ней 150 миноносцев²⁶).

16 июня 1919 г. морской министр Даниэльс объявил о решении правительства сформировать Тихоокеанский флот. В июле-августе того же года 14 линкоров, 10 броненосных крейсеров, 108 миноносцев и 14 подводных лодок под командованием адмирала Х. Родмэна проследовали через Панамский канал и направились к западному побережью Соединенных штатов²⁷). В начале августа в портах Сан-Диего, Лос-Анжелоса, Сан-Франциско и Такомы состоялись смотры этой «великой армады», в которых приняли участие прибывшие на тихоокеанское побережье высшие чины американского флота

²⁴) «Current History» (New York), vol. IX, part. II, N 1, 1919, p. 113.

²⁵) W. L. Neuman. America Encounters Japan. From Perry to MacArthur. Baltimore, 1963, p. 150.

²⁶) «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», First Series, vol. V, p. 1074. (В дальнейшем «ВД»).

²⁷) «Asia», vol. XIX, N 10, October 1919, p. 975.

во главе с Даниэльсом²⁸). 13 сентября на смотре флота в Сизтле присутствовал президент Вильсон²⁹).

Представители морского министерства пытались объяснить эту акцию намерением вызвать «соревнование внутри флота» между его атлантической и тихоокеанской частями, которое стимулировало бы повышение его боевых качеств³⁰). Однако и в США, и в других странах мало кто принял это объяснение за чистую монету. Русский консул в Сизтле Богоявленский сообщал в Вашингтон бывшему послу Временного правительства Бахметьеву, что японские представители на тихоокеанском побережье США смотрели на прибытие сюда линкоров, «как на демонстрацию и даже открытый вызов Японии...»³¹).

По данным на 1 ноября 1919 г. соотношение между военно-морскими силами США на Атлантике и Тихом океане выглядело следующим образом:³²).

	Атлантический флот		Тихоокеанский флот		Азиатский флот	
	к-во	тоннаж	к-во	тоннаж	к-во	тоннаж
Линкеры . . .	15	313450	14	325000	—	—
Крейсеры . .	4	32930	7	34950	4	29755
Вспомогат. суда	170	335318	171	426046	13	24859
Итого:	189	681698	192	789996	17	54614

Приведенная таблица показывает, что уже в 1919 г. общий тоннаж тихоокеанских военно-морских сил превышал тоннаж Атлантического флота. Однако правительство рассматривало посылку половины своего линейного флота на Тихий океан лишь в качестве первого шага. Американское правительство собиралось направить сюда новые корабли, в том числе все 6 намеченных к постройке линейных крейсеров³³). В результате создания нового флота тоннаж американских военно-морских сил на Тихом океане стал примерно равняться тоннажу всего японского флота.

Были приняты также меры по усилению Азиатского флота. В сентябре 1919 г. из США по направлению к Маниле отправился флагман этого флота крейсер «Южная Дакота», на

²⁸) G. T. Davis. A Navy Second to None. New York, 1940, p. 251—252.

²⁹) АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/4, д. 78, л. 230. Консул в Сизтле Богоявленский Бахметьеву от 5 (18) сентября 1919 г.

³⁰) G. and M. Sprout. Toward a New Order of Sea Power. Princeton, 1946, p. 95.

³¹) АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/4, д. 78, л. 227. Богоявленский Бахметьеву от 5 (18) сентября 1919 г.

³²) G. T. Davis, op. cit., p. 251.

³³) G. and M. Sprout. Op. cit., p. 96.

борту которого находился новый командующий, адмирал А. Гливс. В декабре 1919 г. отряд кораблей под его командованием прибыл с «дружественным визитом» в китайские воды, во время которого Гливс посетил Пекин и был принят президентом Китая³⁴). В связи с этими вояжами Гливса журнал «Эйша» многозначительно писал: «С тех пор как Теодор Рузвельт, бывший президент, послал наш флот в кругосветное плавание в 1908 г., американские военные не посещали азиатские воды. В то время считали целесообразным провести вежливое, но открыто официальное проявление нашей военно-морской силы, как средства, способного произвести впечатление на некоторую страну, настроенную довольно недружественно по отношению к нам... В настоящее время визит можно рассматривать как проявление нашего растущего сближения с Востоком и проблемами Тихого океана»³⁵).

Создание нового Тихоокеанского флота сопровождалось появлением многочисленных планов расширения старых и строительства новых военно-морских баз, в первую очередь в восточной части Тихого океана. Из 28 судостроительных и судоремонтных заводов военно-морского флота, имевшихся в США в 1919 г., на западном побережье и тихоокеанских островах находилось только 9. Крупнейшие из них — заводы в Мэр-Айленде и Пирл-Харборе — не справлялись с задачами обслуживания нового флота. В августе 1919 г. был открыт новый сухой док в Пирл-Харборе, однако и этого было недостаточно³⁶).

В этом же году комиссия морского министерства во главе с контр-адмиралом Маккином представила правительству Вильсона предложения о строительстве новой крупной базы для линейного флота в Аламеде (бухта Сан-Франциско), а также баз для миноносцев, подводных лодок и авианосцев в Сан-Диего, Сан-Педро, Танг-Пойнте и Эддж-Хуке. Указанные пункты тихоокеанского побережья должны были составить цепь тыловых баз нового флота. Был разработан план развития военно-морской базы на Гавайских островах, предусматривавший строительство в Пирл-Харборе еще одного сухого дока, оборудование якорной стоянки для эскадры в 8 линкоров и развитие торговой гавани в Гонолулу в таких масштабах, чтобы ее можно было использовать для нужд флота в военное время. Здесь же намечалось строительство авиабазы и базы подводных лодок. Выполнение намеченных работ должно было превратить Пирл-Харбор к 1924 г.

³⁴) «FR», 1919, vol. I, p. 411. .

³⁴) «FR», 1919, vol. II, p. 411.

³⁵) «Asia», vol. XIX, N 11, 1919, p. 1081.

³⁶) H. C. Bywater. Sea Power in the Pacific. A Study of American-Japanese Naval Problem. Boston-New York, 1934, pp. 83—84.

в крупнейшую военно-морскую базу США в восточной части Тихого океана³⁷⁾.

Вопрос о тихоокеанских военно-морских базах не раз дебатировался в стенах американского конгресса. На заседании палаты представителей 22 марта 1920 г. председатель комиссии по военно-морским делам Батлер призывал конгрессменов оказать Тихому океану, в смысле баз, такое же внимание, какое было оказано в течение последних 20—30 лет Атлантике. Член палаты представителей Хикс требовал, чтобы тихоокеанское побережье не было обойдено в авиационной мощи и предлагал создать авиабазы в Сан-Диего и на Гавайских островах³⁸⁾. В июне 1920 г. конгресс образовал специальную комиссию сената и палаты представителей в составе сенаторов Болла, Поиндекстера, Уолша, Питтмэна, членов палаты представителей Бритна, Хикса, Стефенса, Пэджетта и других конгрессменов. Комиссия в сопровождении начальника морского генштаба адмирала Кунца, контр-адмиралов Кэпса и Паркса провела обследование действующих военно-морских баз в Бремертоне и Мэр-Айленде, а также посетила свыше десятка других пунктов в штатах Калифорния и Вашингтон, рекомендованных специалистами как места для строительства новых военно-морских баз. Доклад комиссии, представленный в начале 1921 г. конгрессу, в основном подтверждал предложения Маккина и рекомендовал выделить на строительство военно-морских баз на тихоокеанском побережье крупные ассигнования³⁹⁾.

Правящие круги США отдавали себе отчет в том, что успех в военно-морском соперничестве с Японией зависел в конечном счете от создания прочных позиций в западной части Тихого океана. Между тем имевшиеся в этом районе три морские станции Соединенных Штатов — Кавите и Олонгапо на Филиппинских островах и Гаум совершенно не были приспособлены для обслуживания линкоров. Морское министерство и торгово-промышленные круги, связанные с торговыми операциями в Восточной Азии, настаивали на скорейшем превращении острова Гуам в «тихоокеанский Гибралтар» Соединенных Штатов путем создания здесь мощной базы для линейного флота. В 1919 г. сенатор Поиндекстер предложил конгрессу ассигновать на развитие Гуама 10 млн. долларов, а бюро судостроительных заводов и доков морского министерства разработало план создания на острове базы, способной принять одновременно флот в 40 линейных кораблей. В том же году объединенная комиссия армии и флота, посетившая остров, рекомендовала приступить к строительству

³⁷⁾ Ibid., p. 89.

³⁸⁾ «CR», 66 cong., 2 sess., vol. 59, part 5, p. 4707—4709.

³⁹⁾ Senate Documents, 66 cong., 3 sess., vol. 16. Doc. N 366 «Naval Base, San Francisco Bay».

укреплений и разместить на нем гарнизон, «отвечающий потребностям его обороны». Подобные рекомендации были сделаны и в отношении Филиппинских островов⁴⁰).

Одновременно в военно-морских кругах искали пути к уменьшению стратегических выгод, полученных Японией вследствие перехода к ней Каролинских, Марианских и Маршалльских островов. В октябре 1919 г. командующий Азиатским флотом адмирал А. Гливс в письме на имя морского министра предлагал, чтобы американское правительство убедило правительство Франции передать Соединенным Штатам в счет оплаты военного долга некоторые острова в Тихом океане, расположенные к югу от экватора. Предложение Гливса предусматривало создание американских военно-морских баз на островах архипелагов Галапагос, Туамогу, Маркизовых островах и острове Таити. Осуществление этого плана улучшило бы военно-стратегическое положение США на линии между островами Самоа и Панамским каналом, однако он не был проведен в жизнь⁴¹). С конца 1920 г. правящие круги США пытались навязать Японии пересмотр решений Парижской мирной конференции относительно бывших германских островных владений на Тихом океане к северу от экватора и добиться интернационализации расположенного в Каролинском архипелаге острова Яп и отходящих от него трех морских подводных кабелей. Ссылаясь на парижские решения, японское правительство категорически отвергло домогательства Соединенных Штатов. Многомесячная американо-японская переписка по вопросу о статусе острова Яп была вызвана, как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», тем, что он «затрагивал более широкий вопрос экономического и стратегического контроля над Тихим океаном»⁴²).

Правительство Вильсона продолжало наращивать военно-морские силы. В течение 1919/20 финансового года американский флот пополнился 1 линкором, 96 миноносцами, 18 подводными лодками и 109 другими судами. В процессе строительства находились 11 линкоров, 6 линейных крейсеров и 123 корабля меньших размеров⁴³). В конце 1919 г. военно-морские круги США, нарушив договоренность, достигнутую ранее между английскими и американскими представителя-

⁴⁰) E. S. Pomeroy. Pacific Outpost: American Strategy in Guam and Micronesia. Stanford, 1951, p. 60.

⁴¹) G. E. Wheeler. Prelude to Pearl Harbor. The U. S. Navy and Far East, 1921—1931, Columbia, Missouri, 1963, p. 51.

⁴²) «The New York Times», December 11, 1920, p. 6. Переписка между правительствами США и Японии по вопросу об острове Яп частично опубликована в «Вестнике НКВД», N 5—6, 1921; более полная подборка документов американского и других правительств по этому вопросу помещена в «FR», 1921, vol. II.

⁴³) H. R. Mussey. Our Armament Race with Japan. «Nation», vol. 112, N 2900, February 2, 1921, p. 179.

ми, пытались добиться принятия новой судостроительной программы, предусматривавшей дополнительную закладку в течение 1920/21 финансового года 2 линкоров, 1 линейного крейсера и 25 других судов различного типа. В докладе Главного совета флота указывалось, что цель данной программы заключалась в создании таких военно-морских сил, которые были бы способны «защитить наши интересы в обоих океанах». Американские авторы Гарольд и Маргарет Спруты указывают, что военно-морское командование выступало за создание флота «способного не только командовать на морских подступах к континентальной части Соединенных Штатов, но и господствовать в западной части Тихого океана и даже на главных морских линиях Старого света»⁴⁴).

Однако одностороннее давление на Японию, оказанное Соединенными Штатами путем сосредоточения на Тихом океане большого флота и шумихи вокруг планов создания военно-морских баз в восточной и западной частях тихоокеанского бассейна, не склонило Японию к немедленным уступкам. Более того, ее правящие круги приняли вызов на соревнование в морских вооружениях. Милитаристская и шовинистическая кампания, связанная с отказом США признать дальневосточные статьи Версальского договора, была использована для увеличения ассигнований на армию и флот. «Япония,— писал в конце 1919 г. японский публицист Сецуо Уенода,— будет терпеть бремя вооружений до тех пор, пока имеется опасность западной агрессии в Китае»⁴⁵).

В конце 1919 г. была завершена подготовка законопроекта о новой судостроительной программе Японии, предусматривавшей сооружение к 1928 г. 8 линкоров дредноутного типа, 8 линейных крейсеров, 22 легких крейсеров, 77 миноносцев, 80 подводных лодок, нескольких авианосцев, пловучих нефтебаз и других вспомогательных судов. Для новых линейных кораблей вводился восьмилетний срок службы, тогда как раньше он составлял 20—25 лет. Находившиеся в строю 8 линкоров и линейных крейсеров вместе с миноносцами, подводками и другими военными кораблями намечалось перевести в 1927—1928 гг. во вторую линию. Только в 1920/21 финансовом году на строительство и вооружение новых судов намечалось израсходовать 185 млн. ден., 46 млн. отпускалось на расширение судостроительных заводов и арсеналов. Часть заказов на строительство миноносцев и подводных лодок правительство намечало разместить в Англии⁴⁶).

⁴⁴) G. and M. Sprout, op. cit., p. 76.

⁴⁵) Setsuo Uenoda. Japan's Right to Empire. «Asia», vol. XIX, N 12, 1919, p. 1213.

⁴⁶) См.: «BD», First Series, vol. VI, p. 1038. Приложение к донесению посла Англии в Токио Олстона Керзону от 11 марта 1920 г. Газета «Дзидзи» считала, что осуществление данной программы даст Японии «только

Для принятия данной программы в июле 1920 г. была созвана чрезвычайная сессия парламента, которая, согласно конституции, созывается для обсуждения вопросов, не терпящих отлагательства. 18 июля морской министр Като оправдывал рост ассигнований на строительство флота «военно-морской экспансией, проводившейся некоторой державой», т. е. Соединенными Штатами. Премьер-министр Хара добавил, что «ввиду огромной важности национальной обороны, программа, которая не выполнялась в течение нескольких лет, должна быть осуществлена в возможно короткие сроки». Для Японии, как одной из пяти великих держав, «важно быть обеспеченной вооружениями соответственно ее положению в мировой политике»⁴⁷⁾.

Летом 1920 г. на японских верфях были заложены гигантские линкоры «Тоса» и «Акаги», водоизмещением в 40 тыс. тонн каждый, вооружение которых должно было включать 16-дюймовые орудия. Быстрыми темпами достраивался линейный корабль «Муцу» и несколько других судов⁴⁸⁾.

Военное министерство Японии еще в годы войны предлагало считать Каролинские, Маршалские и Марианские острова японской территорией и выступало за немедленное создание на них укреплений. Провал планов полной аннексии этих архипелагов вызвал острое недовольство японских милитаристов. 28 января 1920 г. депутат парламента Мочидзуки заявил, что в вопросе о тихоокеанских островах японская делегация на Парижской мирной конференции допустила грубую «дипломатическую ошибку». Эта ошибка, указывалось в отчете о заседании нижней палаты парламента, заключалась в том, что японская делегация «не смогла получить разрешения держав обеспечить эти острова вооружениями, несмотря на факт, что американский флот, создавший недавно базы на Филиппинах и Гаваях, является угрозой для Японии на Тихом океане». Запрещение создавать военно-морские базы на мандатных островах Тихого океана японские милитаристы пытались компенсировать интенсивной работой по строительству укреплений на Бонинских островах, расположенных между Японией и бывшими германскими владениями в Микронезии⁴⁹⁾.

Оценивая эти военные приготовления, английский журнал «Форин афферс», в мае 1920 г. писал, что «Япония готовится к следующей войне с той же самой непреклонной решимостью,

минимум военно-морской силы, необходимой для нашей национальной обороны». Задержка ее осуществления хотя бы на год, писала газета, «будет иметь серьезные последствия» (там же).

⁴⁷⁾ «The Japan Chronicle» (Kobe), July 29, 1920, p. 152.

⁴⁸⁾ «Foreign Affairs», vol. 1, N 11, May 1920, p. 8.

⁴⁹⁾ «The Japan Chronicle», February 5, 1920, p. 148; December 30, 1920, p. 890.

с какой она готовилась к борьбе с русским империализмом в период между 1895 и 1904 годами»⁵⁰).

Перевод американского флота на Тихий океан стал темой непрекращающихся нападок на США в японской прессе. «Некоторые люди считают,— писала газета «Кокумин»,— что огромная экспансия со стороны Америки является подготовкой для борьбы с Британией за морское господство. Если это так, то почему же Америка со времени администрации Рузвельта увеличивала тихоокеанский флот? Почему было уделено так много внимания действиям всего американского флота на Тихом океане? Зачем был построен Панамский канал и почему ключи от него держатся исключительно американцами? Почему сенаторы Лодж и Смит настаивают на создании мощного и независимого тихоокеанского флота? Почему господин Даниэльс, морской министр, предложил расширение и строительство различных баз на Гавайях и Гуаме, в Сан-Диего, Порт-Анжелосе, Астории и Аляске?.. Действует Америка сознательно или нет, неизбежно, что наша страна в будущем будет испытывать давление со стороны американского флота»⁵¹).

Американо-японское морское соперничество, принявшее после Парижской мирной конференции очень острую форму, означало вступление антагонизма между США и Японией в новый этап, за которым практически следует война. В 1920 г. Главный совет флота пришел к выводу, что американские интересы в Азии невозможно сохранить, не прибегая к военному конфликту с Японией. К такому же выводу пришли руководители морской разведывательной службы, представившие правительству в феврале того же года доклад, озаглавленный «Доказательства подготовки Японии к войне», в котором утверждалось, что ее причиной будет столкновение американских и японских интересов в Азии⁵²). В соответствии с этими выводами объединенный совет армии и флота, начиная с июля 1920 г., засел за разработку нового варианта так называемого «Оранжевого плана», который содержал бы предписание действий сухопутных и военно-морских сил США в случае возникновения японо-американской войны⁵³). Параллельно штаб армии США занялся планированием операций по высадке американских войск на японские острова, а в Карибском море были проведены маневры, имитирующие будущие десантные операции на Тихом океане⁵⁴).

⁵⁰) «Foreign Affairs», vol. 1, N 11, May 1920, p. 8.

⁵¹) «The Japan Chronicle», Oct. 7, 1920, p. 493.

⁵²) W. L. Neumann, op. cit., p. 162.

⁵³) См.: L. Morton. War Plan ORANGE. Evolution of Strategy. «World Politics», vol. XI, N 2, January 1959, p. 225. Объединенный совет армии и флота являлся органом по координации военных планов. В него входили начальники военного и военно-морского штабов, их заместители и начальники отделов планирования штабов (там же).

⁵⁴) W. L. Neumann, p. 162.

Пресса то и дело сообщала о японских военных приготовлениях. Так, в начале декабря 1920 г. газета «Чикаго трибюн» сообщала о концентрации японских войск на нижней оконечности острова Формоза в пункте, находящемся «в двадцати часах плавания от важной гавани в бухте Сан-Фернандо на северном конце Филиппинских островов». Однако слух оказался ложным, заместитель государственного секретаря Дэвис и морское командование вынуждены были выступить с официальным опровержением⁵⁵).

В декабре 1920 г. правительство Вильсона выступило с новой трехлетней судостроительной программой, согласно которой США к 1924 г. дополнительно к программе 1916 г. должны были построить 3 линкора, 1 линейный крейсер, 30 легких крейсеров, 8 канонерок, 18 эсминцев, 4 авианосца, всего 88 судов. 13 декабря 1920 г. в своем ежегодном докладе морской министр Даниэльс объяснял выдвижение этой программы тем, что США остались вне Лиги наций в очень тревожное время: «Мир сегодня в хаосе, никто не знает, что случится в течение следующего года...». Большое внимание в докладе Даниэльса уделялось вопросам развития военно-морских сил США на Тихом океане. Министр указывал, что перемещение крупных масс флота в этот океан не является временной мерой, что они останутся на тихоокеанской стороне навсегда. Ставилась задача создать на Тихом океане военно-морские базы «в таком количестве, чтобы обслужить нужды не только тихоокеанского, но и всего американского флота». Новая установка относительно баз отражала намерение правящих кругов Соединенных Штатов продолжать концентрацию военно-морских сил на Тихом океане.

В докладе говорилось, что на рассмотрение конгресса внесены предложения о строительстве глубоководного дока и ремонтной базы, базы подводных лодок и других сооружений в бухте Сан-Франциско, авиабазы в Сэнд-Пойнтте (штат Вашингтон), базы истребителей подводных лодок в Лос-Анжелосе (Калифорния), базы подводных лодок и эсминцев в Астории (штат Орегон). Примерная стоимость работ по созданию этих баз оценивалась в 160 млн. долларов. Большое внимание уделялось военно-морскому строительству на Гавайских островах, которые были охарактеризованы как «ключ к Тихому океану». Морской министр предлагал развить базу в Пирл-Харборе и сооружения в бухте Канек до мощности, позволяющей принять и обслужить флот в тысячу кораблей. Если учесть, что весь американский флот, согласно данным Даниэльса, к концу 1920 г. состоял из 979 судов различных типов, то, следовательно, речь шла о создании на Гавайских островах главной операционной базы всего американского флота.

⁵⁵) «The New York Times», December 4, 1920, p. 4.

В докладе Даниэльса вновь содержались рекомендации создать большие военно-морские базы на Гуаме и в Кавите на Филиппинских островах⁵⁶).

Антаяпонская направленность военных приготовлений США отчетливо проявилась в грандиозной «демонстрации силы», устроенной американским командованием в начале 1921 г. в водах Тихого океана, омывающих зону Панамского канала, где встретились оба флота Соединенных Штатов — Атлантический и Тихоокеанский. Проведя совместные учения, основные силы американского флота проследовали вдоль западного побережья Южной Америки и в феврале 1921 г. вернулись на свои базы. Политика правящих кругов США в области военно-морского флота в 1919—1920 гг. полностью подтвердила слова В. И. Ленина, что Вильсон «...есть глава правительства, доведшего до бешенства вооруженные Соединенных Штатов явно в целях второй великой империалистической войны...»⁵⁷).

Избрание на выборах 1920 г. Уоррена Гардинга в качестве президента США означало, что к власти пришли те круги американской империалистической буржуазии, которые в 1919 г. встали на путь ревизии версальских решений. Новое правительство замышляло пересмотр почти всех вопросов послевоенного устройства, однако, наибольшее внимание было уделено дальневосточным и тихоокеанским делам. 23 марта 1921 г. государственный секретарь Юз направил письмо группе американских банкиров, извещавшее их о поддержке правительством деятельности банковского консорциума для финансирования Китая⁵⁸). В апреле того же года конгресс США принял так называемый «Китайский торговый акт», освобождавший американские корпорации, ведущие дела в странах Дальнего Востока, от налогов на прибыли⁵⁹). Были отброшены демагогические обещания предыдущего правительства о предоставлении независимости Филиппинам. В апреле 1921 г. государственный секретарь Юз направил правительствам Японии, Англии, Франции и Италии выдержанную в резком тоне ноту по вопросу об острове Яп, в которой США, как одна из пяти великих держав, требовали равных прав в эксплуатации бывших германских колоний на Тихом океане⁶⁰).

С самых первых шагов своей деятельности новое правительство продемонстрировало верность идее «большого флота». Вскоре после своего избрания президентом Гардинг в беседе с председателем комиссии палаты представителей

⁵⁶) «The New York Times», December 13, 1920, p. 17.

⁵⁷) В. И. Ленин. Соч. изд. 4, т. 23, стр. 180.

⁵⁸) «The New York Times», March 30, 1921, p. 17.

⁵⁹) См.: «Вестник НКВД», № 9—10, 15 декабря 1921 г., стр. 151.

⁶⁰) См.: «FR», 1921, vol. II, p. 279—282.

по военно-морским делам Батлером заявил о намерении довести до конца судостроительную программу 1916 г.⁶¹⁾ Издававшаяся им в штате Огайо газета «Марнион дейли стар» в начале 1921 г. выражала уверенность, что «к 1924 г. Соединенные Штаты несомненно будут иметь самый сильный военно-морской флот в мире»⁶²⁾. По настоянию президента сенатская комиссия по военно-морским делам, а затем и сенат увеличили ранее утвержденные палатой ассигнователей ассигнования на военно-морские расходы в 1921/22 финансовом году в сумме 396 миллионов долларов на 100 миллионов. Предлагалось использовать 12 миллионов долларов на развитие авиации и 15 миллионов на строительство двух авианосцев. Около 7 миллионов долларов намечалось выделить для начала строительства новых и на усовершенствование существовавших военно-морских баз на Тихоокеанском побережье и Гавайских островах, 1,5 миллиона долларов предназначалось для развития военно-морской станции на острове Гуам⁶³⁾.

Обсуждение проекта этих ассигнований в конгрессе весной и летом 1921 г. показало, что правящие круги еще теснее, чем прежде, связывают военно-морскую политику с намерениями изменить в свою пользу положение на Дальнем Востоке. 1 марта 1921 г. председатель сенатской комиссии по иностранным делам Г. К. Лодж на закрытом заседании сената заявил, согласно утверждению газеты «Нью-Йорк таймс», что «правительство намерено продолжать твердую политику на Тихом океане и, что если эта политика должна достичь цели, морские вооружения не могут быть ослаблены». Лодж указал на «японский вопрос» и другие тихоокеанские и дальневосточные проблемы, как на причину увеличения ассигнований на военно-морские цели⁶⁴⁾. Сенатор Поиндекстер выступил за политику «сохранения на Тихом океане большей части, если не всего военно-морского флота, ввиду быстро растущих здесь коммерческих и иных интересов» Соединенных Штатов⁶⁵⁾. 1 марта 1921 г., призывая побыстрее провести билль о военно-морских ассигнованиях, он говорил, что США ничего не получили в результате войны, даже Япа, между тем как Япония «приобрела огромную империю тихоокеанских островов» и быстро строит свой флот, который по выполнению ее судостроительной программы составит 75 процентов американского. «США,— сказал Поиндекстер,— встретились в своих внешних сношениях с очень критической ситуацией», поэтому не следует упускать «представившуюся в результате

61) «The New York Times», January 9, 1921, p. 1.

62) «The Times» (London), January 3, 1921, p. 10.

63) «The New York Times», January 9, 1921, p. 1.

64) «The New York Times», March 2, 1921, p. 1.

65) «The New York Times», February 26, 1921.

войны возможность приобрести флот, достаточный для обороны и защиты интересов Соединенных Штатов во всем мире». Для этого нужно довести до конца судостроительную программу 1916 г.⁶⁶⁾.

Сенатор Фелан в течение третьей сессии конгресса 66 созыва неоднократно указывал на Японию, как фактор, заставляющий Соединенные Штаты вооружаться. «Япония — это Германия Тихого океана», — доказывал он своим коллегам. Она заняла «недружественную позицию» в отношении США и в состоянии «захватить завтра Филиппины, пойти с оружием на Гавайи» и на тихоокеанское побережье. Соединенные Штаты плохо защищены со стороны Тихого океана, их гарнизон на Гавайских островах не отвечает требованиям. Остров Гуам также нуждается в сильном гарнизоне, тем более, что японцы «завладели Каролинскими, Маршалскими и Марианскими островами, окружающими Гуам, что уничтожило его в глазах военных, как стратегический пункт Соединенных Штатов и продвинуло Японию на 2 000 миль ближе к нашему берегу». К тому же на Тихом океане «имеется противоречие, влекущее за собой серьезную опасность» по вопросу об острове Яп, «жизненно необходимого для нашей связи с Дальним Востоком». Фактически мира сейчас нет, указывал Фелан, и «война продолжается повсюду». Поэтому «было бы квинтэссенцией глупости оставить занятые позиции» в области флота. Принятие билля о военно-морских ассигнованиях явится «ответом Японии относительно нашей позиции по вопросу о Япе, это будет ответом Соединенных Штатов на исключение нашей торговли из тех необъятных островных территорий по соседству с Гуамом, где мы свободно торговали даже при германской правлении...». Соединенные Штаты перед лицом «японской угрозы» «должны иметь не только флот как первую линию обороны, но и береговые гарнизоны», в которых должно быть «необходимое количество людей для укомплектования наших береговых батарей»⁶⁷⁾.

Весной 1921 г. военно-морское командование приступило к разработке планов дальнейшей концентрации военно-морских сил на Тихом океане. 15 апреля новый морской министр Дэнби запросил мнение госдепартамента относительно перемещения на Тихий океан всего линейного флота. «Время, — писал он государственному секретарю Юзу, — познакомить килы наших кораблей с западным океаном, а нашим военно-морским заводам и базам на западном берегу пройти решающее испытание... Мы не предвидим никакого врага в любом из океанов. Тем не менее, мы должны содержать наш флот пригодным для борьбы и хорошо смотреть за ним с тем,

⁶⁶⁾ «CR», 66 cong., 3 sess., vol. 60, part 4, p. 4114.

⁶⁷⁾ Ibid., part 2, p. 1508—1511; part 4, 4147—4149.

чтобы он мог действовать успешно у обоих берегов...» Госдепартамент с энтузиазмом встретил предложение морского министра. Начальник дальневосточного отдела Макмеррей считал, что появление на Тихом океане большого линейного флота будет полезно в трех отношениях: во-первых, оно покажет Японии, что США обладают достаточной мощью для обуздания ее агрессивных намерений, во-вторых, англичане, видя, что им никто не угрожает на Атлантике, могут скорее согласиться на расторжение англо-японского союза, и в-третьих, решимость США противостоять Японии на Тихом океане будут способствовать улучшению американо-китайских отношений. 31 мая 1921 г. в ответном письме Дэнби Юз охарактеризовал намеченную реорганизацию как «очень нужный для обеспечения нашей безопасности» шаг, но приложил к своему ответу мнение президента Гардинга держать пока ее детали в секрете⁶⁸).

В мае 1921 г. морское министерство США объявило о включении в состав Азиатского флота линкора «Флорида» и 12 новых миноносцев. В июле этого года в строй Тихоокеанского флота влились все новейшие линкоры американского флота, работавшие на жидком топливе, в то время как в Атлантике остались линейные суда меньшей мощности, работавшие на угле⁶⁹). Морское министерство объяснило такое неравномерное распределение линкоров соображениями экономии: западный берег, мол, богаче нефтью, а восточный — углем, но, как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», дело было не столько в экономии, сколько в стратегических соображениях. «Рост американских интересов на Тихом океане,— писала газета,— оказал влияние на военно-морских стратегов в пользу концентрации огромнейшей военно-морской силы Соединенных Штатов в этом океане». Сторонники консолидации линейного флота на Тихом океане исходили из того, что «Соединенным Штатам ничто не угрожает с атлантической стороны, в то время как у них есть ряд определенных интересов на Тихом океане. В дополнение к Гавайям и Филиппинам, не говоря уже о Япе, естественная тенденция американского коммерческого развития направлена на Юг и Запад и полагают, что содержание внушительного флота на Тихом океане неизмеримо усилит здесь престиж Америки. Усиление тихоокеанских военно-морских сил США,— указывала газета,— имело прямое отношение «к далеко идущим планам развития американских торговых интересов на Ти-

⁶⁸) G. E. Wheeler, op. cit., p. 74—75.

⁶⁹) «The New York Times», May 8, 1921, p. 18; June 19, 1921, p. 2; July 6, 1921, p. 2.

хом океане, которые предусматривают превращение Манилы в один из самых больших портов мира по заходу судов»⁷⁰).

Однако курс на создание самого сильного в мире флота натолкнулся на серьезные внутренние и внешнеполитические трудности. В стране получило большой размах антимилитаристское движение, охватившее все слои американского населения. Против дальнейшей гонки морских вооружений выступила довольно влиятельная группа членов американского конгресса во главе с сенаторами Бора, Лафоллетом, Кингом. В противовес планам правительства по наращиванию военно-морских сил, в декабре 1920 г. сенатор Бора выдвинул предложение о созыве конференции представителей США, Англии и Японии по сокращению морских вооружений и о перерыве в военно-морском строительстве трех держав сроком на пять лет. План Бора получил поддержку со стороны многих пацифистских, религиозных, женских, профсоюзных организаций и обществ, требовавших сокращения военных расходов и уменьшения налогового бремени. Против гонки морских вооружений выступали влиятельные круги буржуазии, считавшие, что она может помешать дипломатии доллара. В конгресс и Белый дом поступала масса петиций в пользу приостановки военно-морского строительства и созыва международной конференции. В сенате и палате представителей было внесено еще несколько поправок к военно-морскому биллю, содержавших требования созыва конференции.

Соединенным Штатам, говорили сторонники Бора, никто не угрожает извне: Германия и Австрия повержены и разоружены, не собираются воевать Англия и Франция. Что касается Японии, то вряд ли она осмелится напасть на США. Нет никаких оснований, утверждал сенатор Оуэн, «бояться этой маленькой нации на Тихом океане, которая по сравнению с Соединенными Штатами является бедной и слабой»⁷¹). «Действительная причина того, что некоторые элементы в нашей стране,— заявил член палаты представителей Рэнкин,— поднимают крик в пользу этих ассигнований (на военно-морские цели.— Я. Д.) стали ясными несколько дней назад, когда палата совершила самый опасный отход от освященной временем политики нашего правительства, приняв резолюцию..., известную под названием «Китайского торгового акта 1921 года». «Этот акт не только освобождает американских предпринимателей, действующих в Китае, от обложения налогами,— возмущался Рэнкин,— но и «распространяет на них защиту со стороны нашего флага». В своих пространственных речах сенатор Кинг обрушивался на «шовинистов, которые

⁷⁰) «The New York Times», June 21, 1921, p. 19; June 5, 1921, p. 6; June 19, 1921, p. 2.

⁷¹) «CR», 66 cong., 3 sess., vol. 61, part 1, p. 885; part 2, pp. 1417—1420, 1510—1511.

кажется желают нового конфликта»⁷²). «Когда какой-нибудь человек с золотыми галунами,— иронизировал сенатор Померри,— входит в комнату комиссии (по военно-морским делам.— Я. Д.) и шепотом произносит «Яп», комиссия впадает в военно-морскую истерию и голосует за большие ассигнования»⁷³). Бора и его сторонники решительно возражали против строительства на Тихом океане новых военно-морских баз, которые, по их мнению, «скорее распылят, чем сконцентрируют» американскую мощь. Вопреки тому, что на Тихоокеанском побережье уже имеется крупный завод военно-морского флота в Мэр-Айленде,— говорил Кинг,— намечается строить новую базу в Аламеде, которая обойдется Соединенным Штатам в 100 миллионов. Было бы большой ошибкой «ассигновать на базу в Аламеде хотя бы один доллар»⁷⁴).

Официальные круги Вашингтона встретили в штыки план сенатора Бора. 3 января 1921 г. морской министр Даниэльс заявил, что президент Вильсон не собирается созывать предложенную конференцию трех военно-морских держав, на том якобы основании, что она оформит союз трех держав, а это, в свою очередь, заставит остальные страны создать антанту, направленную против «тройки». В результате над миром вновь нависнет угроза войны. Через некоторое время вильсоновское правительство дало понять, что оно не намерено принимать какое-либо крупное решение в области морской политики, так как это затруднило бы деятельность нового президента Гардинга⁷⁵). Продолжая курс на создание «большого флота», правительство Гардинга также заняло отрицательную позицию относительно данного предложения. Гардинг обвинил группу сенаторов, поддерживавших Бора в том, что, настаивая на включении в билль о военно-морских ассигнованиях поправки о созыве конференции, она вмешивается в дела исполнительной власти. По настоянию президента комиссия сената по военно-морским делам 4 мая отвергла поправку Бора; в тот же день председатель комиссии по иностранным делам Роджерс обещал не предпринимать без согласия президента никаких шагов относительно конференции трех держав⁷⁶).

Сторонник «большого флота», член палаты представителей Келли, выражая взгляды правительства, говорил в конгрессе 25 апреля 1921 г., что лучшей гарантией мира является выполнение программы военно-морского строительства 1916 г. Только закончив эту программу, «мы можем вступить в соглашение по осуществлению сокращения военно-морской

⁷²) «CR», 67 cong., 1 sess., vol. 61, part 1, p. 885; part 2, p. 1417.

⁷³) «The New York Times», May 17, 1921, p. 19.

⁷⁴) «CR», 66 cong., 3 sess., vol. 60, part 4, p. 4057.

⁷⁵) «The New York Times», January 4, 1921, p. 5.

⁷⁶) «The New York Times», May 5, 1921, p. 1.

силы во всем мире на 25 или 30 или 40 процентов, не опасаясь за оборону нашей нации, так как наша относительная мощь не уменьшится и ..., когда сокращение будет проведено, мы все еще будем равными в морской силе любой нации мира». Лица, требующие немедленного сокращения вооружений и созыва конференции, могут принести вред. «Такое действие может подвергнуть опасности лидерство Америки в этом великом движении и расстроить цели, которые должны быть достигнуты». Решение вопроса о том, «когда именно она (конференция.— Я. Д.) должна быть созвана с наибольшими шансами на успех, можно без опасений предоставить президенту»⁷⁷). Борьба в правящих кругах вокруг вопросов морской политики затянула принятие билля о военно-морских ассигнованиях до лета 1921 г.

Однако к 1921 г. стало ясно, что политика военно-морского давления на Японию имеет свои пределы. США не были еще готовы сконцентрировать в западной части Тихого океана флот вдвое превосходящий японский⁷⁸). В американском флоте ощущалась нехватка личного состава, он не обладал должным боевым опытом. Выяснились также ограниченные возможности Панамского канала, пропускная способность которого не позволяла проходить кораблям водоизмещением свыше 35 тыс. тонн, между тем как Япония строила корабли в 40 тысяч тонн и больше.

Следует заметить, что по мере того, как США, оказывая на Японию нажим, обостряли обстановку на Тихом океане, в ней усиливалось антимилиитаристское движение и давление либеральных слов буржуазии на правительство Хара в пользу перехода на рельсы американо-японской «кооперации» на Дальнем Востоке. В стране быстро развивалось движение за созыв международной конференции по сокращению морских вооружений, возглавленное бывшим министром юстиции, членом парламента Юкио Озаки. В начале 1921 г. им была внесена в нижнюю палату парламента соответствующая резолюция. Гонка морских вооружений, содержание японских войск на территории Советского Дальнего Востока и в Китае вызывали серьезные финансовые трудности, которые усугублялись экономическим кризисом 1920—1921 гг. Эти трудности усиливали внутривластную борьбу в японских правящих кругах вокруг коренных вопросов внешней политики. В июне 1921 г. Япония вынуждена была вступить в переговоры с Соединенными Штатами по вопросу об изменении условий управ-

⁷⁷) «CR», 67 cong., 1 sess., vol. 61, part 1, p. 613.

⁷⁸) Главный Совет военно-морских сил США в 1919—1921 гг. пришел к выводу, что для победы над Японией в морской войне необходимо сосредоточить в Западной части Тихого океана линейный флот вдвое превосходящий японский и построить большие военно-морские базы на Филиппинских островах и Гуаге. См.: G. E. Wheeler, op. cit., p. 68, 81.

ления бывшими германскими островными владениями на Тихом океане⁷⁹).

Однако, несмотря на внутренние и внешнеполитические трудности, она не собиралась уступать перед американским натиском по главным вопросам дальневосточной политики. Японская пресса за немногим исключением не одобрила предложение сенатора Бора о созыве конференции трех морских держав. Газета «Ници-ници» писала, что Япония должна увеличивать свой флот до тех пор, пока «некоторая страна, находящаяся по отношению к ней в особой позиции, не изменит свою схему военно-морского строительства»⁸⁰). «Мы, как морская держава,— заявил в начале 1921 г. японский посол в Лондоне Хаяси,— не можем позволить себе оказаться оданными на милость какого-либо другого флота...»⁸¹). Несмотря на раздиравшие правящий лагерь Японии острые противоречия по внешнеполитическим вопросам, обе крупнейшие буржуазно-помещичьи партии — правящая «сейюкай» и находящаяся в оппозиции «кенсейкай», решительно выступили против сокращения военно-морского строительства. 10 февраля 1921 г., выступая в палате представителей, депутат Мочидзуки заявил, что «если военно-морское строительство будет остановлено этими странами (США и Японией.— Я. Д.) в теперешнем состоянии, то это поставит Японию явно в невыгодное положение, так как она владеет дубинкой в три фута против шестифутовой американской». Резолюция Озака была провалена большинством в 285 голосов против 38, ее автора исключили из партии «кенсейкай»⁸²). Из предусмотренных бюджетом на 1921/22 финансовый год расходов на сумму в 1562 млн. иен, на военные цели предлагалось выделить 738 млн., в том числе 498 млн. иен (около 249 млн. долларов) на военно-морской флот⁸³).

В этих условиях правящие круги США сочетали политику прямого военно-морского и дипломатического давления на Японию с попытками склонить Англию к отказу от англо-японского союза и к пересмотру положения в Восточной Азии и на Тихом океане. Успех курса на ревизию версальских и других решений по дальневосточным делам зависел в конечном счете от позиции Англии.

Обострение американско-японского соперничества заставило правящие круги Японии выступать в пользу продления союза с Англией. Британский посол в Токио Олстон 7 января 1920 г. писал министру иностранных дел Керзону, что «исход войны,

⁷⁹) О беседах государственного секретаря США Юза с японским послом в Вашингтоне Сидехара по этому вопросу см.: «FR», 1921, vol. II.

⁸⁰) «The Japan Chronicle», December 30, 1920, p. 900.

⁸¹) «The New York Times», January 8, 1921, p. 4.

⁸²) «The Japan Chronicle», February 17, 1921, p. 222.

⁸³) «Current History», vol. XIII, part II, N 1, 1921, p. 109—110.

события на мирной конференции и позиция относительно них, высказанная в речах в сенате Соединенных Штатов — все это содействовало убеждению японского народа в важности англо-японского союза». Военный атташе Англии в Токио генерал Вудроф писал Олстону в октябре 1919 г., что большинство японских милитаристов, в том числе военный министр, поддерживает продление союза, хотя «определенная часть офицеров генштаба считает его бесполезным на основании того, что Англия никогда не поддержит Японию против Америки»⁸⁴).

За продолжение союза высказывались и военно-морские круги Японии, причем часть из них выступала за придание ему открыто выраженной антиамериканской направленности. В опубликованной летом 1920 г. в японском журнале «Дипломатик ревью» статье Сато Кенси предлагалось дополнить союз соглашением о «кооперации» британского и японского флотов. Автор считал, что союзники могут свести к нулю стратегическое значение Панамского канала и не позволят соединиться Атлантическому и Тихоокеанским флотам США при условии, если Япония будет держать часть своего флота в районе Гуама, а Великобритания в Карибском море. «В таком значении,— писал Сато Кенси,— англо-японский союз будет единственным средством сохранения всеобщего мира путем сдерживания американской надменности и осуществления переустройства баланса сил»⁸⁵). Газета «Дзи-дзи» писала в декабре 1920 г., что «усиление нашего флота будет только к выгоде Британии, нашего союзника, прямо или косвенно», поскольку «цель американской политики военно-морского строительства в 1917 г. явно претерпела изменение, и намерение Америки, кажется, сводится сейчас к росту ее флота с тем, чтобы быть в состоянии справиться с двумя великими державами в Атлантическом и Тихом океанах»⁸⁶).

Существование англо-японского союза было одним из источников роста антианглийских настроений в Америке после первой мировой войны. В конгрессе, в американских газетах и журналах неоднократно указывалось, что Япония сумела укрепиться в Китае и на Тихом океане, в огромной степени благодаря своему союзу с Англией. Великобритания, говорил в 1919 г. сенатор Рид, «связана с Японией теми тесными узами и близкими отношениями, которые существуют между этими двумя странами в их завоевательном марше на Востоке». Обе эти державы «алчными глазами пристально глядят на новые земли в целях их завоевания». Пока есть связь меж-

⁸⁴) «BD», First Series, vol. VI, p. 922, 773.

⁸⁵) «The Japan Chronicle», June 3, 1920, p. 645.

⁸⁶) «The Japan Chronicle», December 30, 1920, p. 900.

ду ними, т. е. англо-японский союз, вряд ли можно ожидать, что Япония, «железной рукой схватившая Китай за горло», намерена ослабить эту хватку⁸⁷). Подобные обвинения перемежались с призывами к действию. «Давайте потребуем,— говорилось в одной из статей, опубликованных в октябрьском номере журнала «Эйша» за 1919 г.,— чтобы Англия и Франция заявили, что они не находятя ни в каком пакте или соглашении с Японией в целях империалистического господства на Востоке...». Автор призывал оказать давление на Англию при помощи финансовых рычагов, а также посредством «мощи, которую мы продемонстрировали как военная сила»⁸⁸). в 1919—1921 гг. правящие круги США широко использовали оба этих рычага для того, чтобы склонить Англию к ревизии Версальских решений.

Если Соединенные Штаты были заинтересованы в разединении Японии со своим могущественным союзником, то Англия в не меньшей степени нуждалась в соглашении с США по военно-морским вопросам. К этому ее вынуждали внутренние и международные трудности, которых было немало в послевоенное время (экономический кризис, безработица, восстание в Ирландии, рост центробежных тенденций в доминионах и национально-освободительное движение в колониях, задолженность Соединенным Штатам и т. д.). Англия не имела возможности ответить на вызов США форсированием своего военно-морского строительства.

После Парижской мирной конференции американо-английские противоречия в области морских вооружений продолжали оставаться неурегулированными. Визит в Вашингтон в конце 1919 г. бывшего министра иностранных дел Э. Грея, одной из целей которого было договориться о соотношении флотов обеих стран, не принес положительных результатов⁸⁹).

В этой обстановке английские правящие круги, которые еще совсем недавно отстаивали право своей страны иметь самый сильный в мире флот, вынуждены были пойти на принципиальную уступку Соединенным Штатам. 17 марта 1920 г. лорд Британского адмиралтейства Лонг в речи, произнесенной в палате общин заявил об отказе Англии от политики «двухдержавного стандарта» и принятии ею нового принципа морской политики, согласно которому британский флот не уступал бы флоту любой другой морской державы. Это было не что иное, как согласие английского правительства на паритет с Соединенными Штатами в области морских вооружений.

⁸⁷) «CR», 66 cong., 1 sess., vol. 58, part. 7, p. 6889—6890.

⁸⁸) «Asia», vol. XIX, N 9, October 1919, p. 875, 877.

⁸⁹) О пребывании Грея в Вашингтоне в конце 1919 г. см. «BD», First Series, vol. V.

Это решение было продиктовано боязнью, что, если связать США соглашением о паритете, они пойдут в военно-морском строительстве дальше. «Господство на море,— признавал в январе 1921 видный английский знаток в области военных вопросов А. Поллен,— находится в руках нации с самым большим кошельком. Америка является богатейшей страной в мире и, если вашингтонское правительство решит, что оно должно иметь самый большой флот, его ничто не остановит»⁹⁰).

Однако данное решение английского правительства не вызвало отклика в официальных кругах Вашингтона. «Это значительное, если не революционное изменение в британской политике,— говорил год спустя член палаты представителей Линбергер,— в течение двух лет оставалось в Америке практически незамеченным»⁹¹). Правящие круги США намеревались взять за соглашение по военно-морским вопросам с Англией большую цену — добиться ее соглашения на расторжение англо-японского союза и пересмотр ряда других внешне-политических вопросов. Официальные круги Вашингтона, военно-морские деятели, пресса указывали на англо-японский союз как на одну из причин строительства «большого флота». «Великобритания,— говорил 3 января 1921 г. Даниэльс,— может позволить себе способствовать сегодня соглашению о сокращении военно-морского строительства, поскольку такое соглашение оставило бы ее с флотом почти в два раза более сильным, чем какой-либо другой флот в мире, в дополнение к тому факту, что она имеет союз с Японией. Союз, вероятно, не означает какой-либо опасности для Соединенных Штатов, но он существует, и, если эти три нации придут к соглашению, то уже сам по себе английский флот будет намного превосходить наш, в то время как японский и британский флоты вместе взятые затмят американские морские силы»⁹²).

Некоторые политические и военные деятели США открыто пропагандировали идею строительства флота, превышающего по своим размерам военно-морскую силу Англии и Японии вместе взятых. «Мы должны,— говорил бывший член палаты представителей Гобсон,— иметь постоянный и непосредственный морской контроль над Тихим океаном», а для этого надо создать военно-морские силы, «превышающие любую комбинацию флотов, которую может сколотить японская дипломатия». Контр-адмирал Хьюз призывал «помнить», что Англия и Япония являются союзниками и что поэтому необходимо иметь флот, чтобы преодолеть этот союз»⁹³). По подсчетам

⁹⁰) «The New York Times», January 30, 1921, p. 8.

⁹¹) «CR», 67 cong., 1 sess., vol. 61, part 3, p. 2912.

⁹²) «The New York Times», January 4, 1921, p. 5.

⁹³) «The New York Times», February 23, 1921, p. 1; April 21, 1921, p. 2.

журнала «Сайэнтифик америкэн» по линкорам и линейным крейсерам США могли достичь уровня Англии и Японии вместе взятых уже в 1924 г.⁹⁴⁾ В феврале 1921 г. президент лиги сторонников «Ассоциации свободных наций» США Джеймс Макдональд писал на страницах английского журнала «Форин афферс»: «Весьма сомнительно, чтобы новая администрация поддержала предложение морского министра Даниэльса о новой трехлетней судостроительной программе. Сам факт, что на этом настанвает член правительства Вильсона, в немалой степени выступает против ее принятия. Однако откровенность требует добавить, что никакая вещь не сделает столь много для ослабления нашей партии «большого флота» как отказ Великобритании возобновить англо-японский союз. Никакая форма слов в этом документе не сможет предотвратить его от использования в качестве доказательства того, что Великобритания может быть вовлечена в войну между нами и Японией»⁹⁵⁾. Таким образом, после Парижской мирной конференции англо-американское соперничество по вопросу о соотношении флотов и американо-японская борьба за господство на Тихом океане оказались тесно между собой взаимосвязанными.

Известно, что, несмотря на недовольство значительной части английских деловых кругов расширением экспансии Японии в Китае и Юго-Восточной Азии, правящие круги Англии пытались в той или иной форме сохранить англо-японский союз. Это в немалой степени определялось относительной слабостью военно-морских позиций Британии на Тихом океане, а также рядом других причин. В 1920 г. в английском правительстве обсуждался представленный адмиралом Джеллико план, предусматривавший создание сильного Тихоокеанского флота в составе 8 линкоров, 8 линейных крейсеров, ряда вспомогательных судов и постройку большой военно-морской базы в Сингапуре. Осуществление этого плана должно было уравнивать британские военно-морские силы на Тихом океане с японскими. В письме к руководителям адмиралтейства от 21 января 1920 г. английское министерство иностранных дел указывало, что содержание в Сингапуре сильной эскадры «в громадной степени увеличило бы британский престиж на Дальнем Востоке и усилило позиции лорда Керзона и посла его величества в Токио в любых переговорах с японским правительством». В ответе адмиралтейства на вышеуказанное письмо отмечалось, что «желательность содержания сильной эскадры в Сингапуре не должна упускаться из виду», но в то же время указывалось, что это

⁹⁴⁾ J. E. Barker. Disarmament As a Practical Policy. «The Fortnightly Review», December 1921, p. 889—890.

⁹⁵⁾ J. G. Macdonald. America's Future Policy. «Foreign Affairs», vol. II, N 8, February 1921, p. 121.

вызовет значительный рост военно-морских расходов⁹⁶). Финансово-экономические трудности не позволили английским правящим кругам приступить в 1920—1921 гг. к укреплению своих позиций на Тихом океане. «Вследствие нашей теперешней потребности в экономии и роста военной силы Японии, — говорилось в меморандуме британского министерства иностранных дел от 28 февраля 1920 г., — представляется невозможным для нас содержать на Дальнем Востоке силы, достаточные для поддержания твердой позиции, влекущей за собой возможность господства над Японией, или хотя бы флот, равный по размерам ее флоту. Мы окажемся не в состоянии гарантировать безопасность Гонконга, Вэйхавэя, тихоокеанских островов; даже Сингапур в случае осложнений может оказаться в опасности»⁹⁷). Поэтому «единственной альтернативой содержанию на Тихом океане флота, способного иметь дело с Японией», является возобновление англо-японского союза.

Время от времени в английских правящих кругах проскальзывало мнение, что Великобритания призвана сыграть роль посредника в американо-японском конфликте на Дальнем Востоке, однако с нарастающим противоречий между этими странами и усилением угрозы возникновения новой войны выполнение этой роли становилось все более трудным делом. Обстановка требовала от руководителей Англии четко определить свое отношение к кризису на Тихом океане. Перспектива длительного военно-морского соперничества с Соединенными Штатами, угроза оказаться втянутыми в новую войну усиливали в самой Англии и доминионах позиции тех, кто выступал за расторжение англо-японского союза. В странах Британской империи ширится пропаганда в пользу «кооперации» двух англо-саксонских наций и соглашения между ними по вопросу о морских вооружениях. Выражая настроения влиятельных кругов английской буржуазии, популярный в Великобритании журнал «Раунд тэйбл» писал в начале 1921 г., что «любой англо-японский союз, который может быть интерпретирован... как союз против Соединенных Штатов, будет встречен у нас с негодованием и почти неизбежно приведет к разрушительному состязанию в военно-морских и воздушных вооружениях. Выгоды Британии от такого союза наверняка могут оказаться не сбалансированными с вредом от него»⁹⁸).

В газетах и журналах появляются предложения усилить британские позиции на Тихом океане не посредством возобновления англо-японского союза, а путем военно-морского

⁹⁶) «BD», First Series, vol. VI, p. 1054.

⁹⁷) Ibid., p.p. 1021—1022.

⁹⁸) «The Round Table», N 42—43, 1921, p. 574.

сотрудничества с США. В начале 1921 г., когда канадское правительство заявило о посылке в тихоокеанские воды одного крейсера, нескольких миноносцев и подводных лодок, в газетах появились сообщения о том, что между США, Канадой и Новой Зеландией заключено соглашение о военноморском сотрудничестве на Тихом океане. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что «время от времени вносились неофициальные предложения насчет того, что единственным путем преодоления японских империалистических амбиций на Тихом океане были бы совместные действия США и трех британских самоуправляющихся доминионов... В неофициальных кругах было также предложено, что Соединенные Штаты и эти британские доминионы могут объединиться в союз по вопросу сдерживания японской иммиграции, и эти предложения сопровождались даже намеками, что в этом направлении ведутся переговоры»⁹⁹). Госдепартамент США опроверг эти слухи, однако их появление отражало нарастание проамериканских настроений в Британской империи.

Так же как и в США, в Англии и доминионах усиливались настроения в пользу созыва международной конференции для разрешения спорных вопросов. Еще в конце 1920 г., например, журнал «Раунд тэйбл» предлагал, чтобы дальневосточный вопрос был обсужден представителями США, Японии, Англии, британских доминионов, Китая, а возможно Франции и России до того, как будет решаться вопрос о судьбе англо-японского союза¹⁰⁰). Если международная конференция, говорил член английского парламента Бэлэйрс, закончится неудачей, то США и Великобритания должны будут «посадить на паек поставки в Японию стали, отпуская ее только для мирных целей»¹⁰¹).

В начале 1921 г. правящие круги Англии вновь предприняли попытку склонить США к соглашению по военноморским вопросам. Воспользовавшись приездом в Лондон издателя газеты «Нью-Йорк таймс» Адольфа Окса, первый лорд британского адмиралтейства Ли попросил довести до сведения правительства США, что в целях избавления от гонки вооружений Великобритания готова отказаться от своей «традиционной политики двухдержавного флота и вступить в соглашение с Соединенными Штатами относительно паритета». Британское адмиралтейство просило также известить морское министерство США, что оно не возражает против дальнейшей концентрации американского флота на Тихом океане и что Англия берет на себя обязанность выполнять полицейские функции на Атлантике. Предложения Ли были переданы мор-

⁹⁹) «The New York Times», January 3, 1921, p. 29.

¹⁰⁰) «The Round Table», N 41, 1920, p. 96.

¹⁰¹) «The New York Times», January 3, 1921.

скому министру США Дэнби и получили его одобрение¹⁰²⁾. Через некоторое время выяснилось, что английское правительство не решилось пойти на возобновление англо-японского союза, срок действия которого истекал 13 июля 1921 г.

Отмеченные обстоятельства побудили правительство Гардинга пересмотреть свое отношение к вопросу о созыве международной конференции. Правящие круги США решили использовать антимилиитаристское движение в собственных империалистических целях. Готовность Англии заключить соглашение с Соединенными Штатами открывала возможность склонить ее, а следовательно, и Японию, к пересмотру дальневосточных и тихоокеанских проблем. Тенденция к соглашению между главными империалистическими странами в указанные годы в немалой степени определялась также их враждебностью к молодой Советской республике и нарастанием национально-освободительного движения в Китае и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. 17 мая 1921 г. исполняющий обязанности председателя сенатской комиссии по военно-морским делам Поиндекстер заявил, что отныне правительство не будет возражать против поправки Бора. 25 мая сенат единодушно принял эту поправку. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Лодж заявил, что он выступает за международное соглашение по сокращению вооружений и «от всего сердца» будет поддерживать движение, направленное к этой цели. Быстрота, с которой произошел сдвиг в тактике правительства Гардинга, была отмечена прессой. «Меньше чем четырнадцать дней назад,— писала газета «Нью-Йорк таймс» сенаторы, поддерживающие администрацию... даже не смотрели на резолюцию сенатора из Айдахо»¹⁰³⁾. Через некоторое время поправка Бора была принята палатой представителей.

Интересно отметить, что одновременно с принятием поправки о созыве конференции сенат утвердил ассигнования на военно-морские цели в 1921/22 финансовом году в сумме 496 миллионов долларов, т. е. на уровне требований сторонников «большого флота». За эту сумму голосовал и сенатор Бора. Правда, немногим позже пришлось отказаться от плана строительства военно-морских баз на Тихом океане, в том числе в Аламеде, на острове Гуам, и некоторых других проектов. Сумма военно-морских ассигнований была урезана до 417 миллионов, однако она обеспечивала продолжение работ по программе 1916 г.¹⁰⁴⁾. Последнее обстоятельство означало, что правительство Гардинга не отказывается от политики «большого флота» и в случае неудачи переговоров с Велико-

¹⁰²⁾ G. T. Davis, op. cit., p. 275.

¹⁰³⁾ «The New York Times», May 18, 1921, p. 1; May 27, 1921, p. 16; Mar 28, 1921, p. 2.

¹⁰⁴⁾ «The New York Times», July 12, 1921, p. 19.

британней и Японией было готово переключиться на гонку вооружений.

11 июля 1921 г. госдепартамент США опубликовал заявление, что президент Гардинг намерен пригласить представителей некоторых держав на конференцию по сокращению вооружений. «Понятно,— говорилось в заявлении,— что вопрос о сокращении вооружений тесно связан с тихоокеанскими и дальневосточными проблемами и президент считает, что державы, особо заинтересованные в этих проблемах, в связи с этой конференцией рассмотрят все вопросы, имеющие отношение к их разрешению для того, чтобы достичь взаимопонимания относительно принципов и политики на Дальнем Востоке»¹⁰⁵). Начался период дипломатической подготовки Вашингтонской конференции. Впереди была упорная борьба, однако США имели все основания рассчитывать на успех. В их активе находилось согласие Англии на равенство в морских вооружениях, что означало на деле признание права Соединенных Штатов на морское превосходство. Была предпринята и участь англо-японского союза. Эти обстоятельства позволили Соединенным Штатам навязать Японии пересмотр положения, сложившегося на Дальнем Востоке и Тихом океане в результате первой мировой войны.

Концентрация американского флота на Тихом океане в 1919—1921 гг., планы создания системы военно-морских баз на огромном пространстве от Западного побережья США до Филиппин и Гуама, антияпонская направленность выдвигавшихся одна за другой программ военно-морского строительства явились выражением того, насколько далеко зашли американо-японские противоречия в борьбе империалистов двух стран за господство в Восточной Азии и в Тихоокеанском бассейне. Приведенные факты показывают, что американский империализм широко использовал возросшее военно-морское могущество для осуществления внешнеполитических задач в этом районе. Соединенные Штаты к этому времени не были еще готовы к утверждению своего военно-морского господства в западной части Тихого океана, чего нельзя было достичь, не прибегая к войне с Японией. Однако военно-морские акции США в 1919—1921 гг. внесли определенный вклад в укрепление американских позиций на Тихом океане. Вслед за открытием Панамского канала сосредоточение в районе между Сан-Франциско и Пирл-Харбором мощного линейного флота положило начало новому этапу в американской морской истории, длившегося до окончания второй мировой войны, этапу, в течение которого центром военно-морской активности США был Тихий океан. На смену отдельным демонстрациям военно-морской силы пришла политика постоян-

¹⁰⁵) «FR», 1921, vol. I, p. 24.

ного сосредоточения в тихоокеанских водах большого американского флота, призванного подкрепить экономические и дипломатические акции США на Дальнем Востоке. Это, в свою очередь, дало толчок к развитию Пирл-Харбора и других военно-морских баз в восточной части Тихого океана. Вместе с тем, политика гонки морских вооружений и концентрации флота на Тихом океане наряду с такими акциями американской буржуазии, как создание второго банковского консорциума для финансирования Китая и отказ признать как германский мирный договор в целом, так и его дальневосточные статьи в особенности, сыграли важную роль в подготовке условий для пересмотра в пользу США сложившегося на Дальнем Востоке положения. Навязав Японии и Англии в 1919—1921 гг. гонку морских вооружений, американские империалисты широко использовали ее для оказания давления на правительства этих стран с целью склонить их к уступкам на Вашингтонской конференции.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА БИСМАРКА В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

К. Д. ПЕТРЯЕВ

Реабилитация существа политики кайзеровской Германии — характерная черта подавляющего большинства публикуемых в ФРГ трудов по дипломатической истории. К. Д. Эрдман, Г. Риттер, Т. Шидер, И. Барник, Ф. Эрнст, Г. Герцфельд и другие влиятельные историки единодушно в утверждении, что кайзеровская империя не может нести ответственности за возникновение первой мировой войны¹⁾. В ходе исторических изысканий мобилизуются фальшивые аргументы для подведения соответствующего идейного фундамента под здание «интегрированной Европы» и «атлантического сообщества». На все лады доказывается некая «закономерность» руководящей роли ФРГ в этих агрессивных группировках в связи с унаследованным ею милитаристским опытом. Не случайно поэтому особый интерес буржуазные историки проявляют к изучению внешней политики Германии последней трети прошлого столетия.

Один из геополитиков ФРГ Ганс Хаген в 1956 г. писал; «Судьба нашей страны, занимающей срединное положение,

¹⁾ В. Gebhardt. Handbuch der Deutschen Geschichte. 8. Auflage., hrsg. von H. Grundmann. Bd. IV. Die Zeit der Weltkriege. Von W. D. Erdmann. Stuttgart, 1959, L. Dehio. Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über die Grundproblem der neueren Staatengeschichte. Krefeld, o. J. G. Ritter. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. I. Band: Die Altpreußische Tradition (1740—1890). München, 1954. II. Band: Die Hauptmächte Europas und wilhelminische Reich (1890—1914). München, 1960. Т. Schieder. Grundfragen der neueren deutschen Geschichte. Zum Problem der historischen Urteilsbildung. «Historische Zeitschrift», 1961, Bd. 192. H. Herzfeld. Die moderne Welt. 1789—1945. 2. Teil. Weltmächte und Weltkriege. 2. Aufl., Braunschweig, 1957. J. F. Barnik. Deutschlands Schuld am Frieden. Stuttgart, 1965. F. Ernst. Die Deutschen und ihre jüngste Geschichte. Stuttgart, 1964.

вынуждает нас к ускоренному росту по сравнению с государствами, расположенными на окраине Европы. Народ, имевший в своей истории до 19 соседей, должен ложиться спать с обнаженным мечом. Эта готовность истолковывается как милитаризм²⁾). Хаген, как видно, почти буквально повторяет высказанные в свое время доводы Эриха Маркса и Германа Онкена — этих столпов реакционной историографии первой половины нашего века. Несмотря на то, что ложность ссылок на срединное положение Германии уже давно доказана, при изучении проблем внешней политики последней трети XIX века именно эта аргументация во многом определяет содержание и выводы исследований буржуазных историков ФРГ.

Один из старейших специалистов дипломатической истории, Эгмонт Цехлин считает «всеобщим феноменом» политики Бисмарка образование германской империи как срединного государства, ставшего «сосредоточием власти и могущества» и изменившего в целом соотношение борющихся в Европе сил. Цехлин указывает, что сохранение Бисмарком порядка, обеспечивающего гегемонию кайзеровской империи, «справедливо» требовало постоянного наращивания вооружения, но это было якобы в интересах всех европейских народов, ибо Бисмарк действовал будто бы в духе «сознания своей ответственности перед Европой». Цехлин признает, что «стремление к расширению власти и гегемонии является особой, внутренне присущей тенденцией прусско-германского государства», но уклоняется от какой-либо критической оценки этой тенденции³⁾.

Естественно, что война как средство распространения гегемонии полностью оправдывается. Такой тезис подробно, в частности, развивает Карл Песман в специальном труде о значении превентивной войны в политике Бисмарка⁴⁾. Уже в начале книги Песман говорит о «двух принципиально возможных путях развития международных отношений» — или в форме «относительно мирного сосуществования» мировых лагерей, или в форме войны между ними. При этом он, по существу, с одной стороны, само мирное сосуществование понимает в духе идеологов «холодной войны», а, с другой стороны, оставляет за поверженным агрессором право в любое, удобное для него время прибегать к «горячей войне». Признавая бесперспективность войны в современную эпоху, автор

²⁾ «Zeitschrift für Geopolitik in Gemeinschaft und Politik». XXVII. Jahrgang, H. 4, 1965, S. 28.

³⁾ E. Zechlin. Bismarck und die Grundlegung der deutschen Großmacht. Stuttgart, 1960, S. X—XV, XVI.

⁴⁾ K. E. Jessmann. Das Problem des Präventivkrieges im europäischen Staatensystem mit besonderem Blick auf die Bismarck—Zeit. Freiburg—München, 1959.

в то же время считает ее вполне законным средством политики⁵⁾).

Переходя к анализу идеи превентивной войны и роли этой идеи в дипломатии Бисмарка, автор утверждает, что сама идея служила скорее всего «движущим стимулом», способствующим «обогащению его мышления как государственного деятеля»⁶⁾.

Отмечая существенное изменение обстановки в Европе в связи с воссоединением Германии и «рост зависти» у других народов в отношении ее экономических успехов, Песман доказывает неизбежность появления идеи превентивной войны как метода политики сохранения безопасности новой империи. Он приводит слова Бисмарка: «Мы должны избегать войны до тех пор, пока не будем убеждены до конца, что она неизбежна» и пытается доказать, будто подобная формула означала желание Бисмарка «помешать тому, что война с Францией вообще стала возможной». События 1875 г., по мнению автора, показали абсолютное нежелание канцлера развязать военный конфликт с западным соседом, хотя он и не опровергал воинственных заявлений Мольтке, поскольку такие заявления способствовали мобилизации Германии и ее готовности к войне⁷⁾.

Укрепление внутреннего положения в империи, активизация французской колониальной политики, которой Бисмарк всемерно содействовал, усиление отпора натиску России на Балканах посредством заключения договора с Австро-Венгрией в 1879 г. привели, по мнению Песмана, к отказу Бисмарка от идеи превентивной войны как средства политики⁸⁾. Песман приходит к выводу, что «железный канцлер» оперировал термином «превентивная война» лишь как теоретическим понятием и распространял это понятие только на область национальной идеологии, ставившей целью, с одной стороны, держать народ в состоянии внешнеполитической бдительности, с другой стороны, напоминать противнику о наличии у Германии такой бдительности⁹⁾.

Таким образом, К. Э. Песман полностью оправдывает вероломный характер внешней политики и методы дипломатической деятельности Бисмарка. Вместе с тем автор, ссылаясь на опыт Бисмарка, считает вполне законным использование «идеи» превентивной войны в современной реваншистско-милитаристской пропаганде правящих кругов Бонна. К. Э. Песман, правда, лицемерно уверяет, что в условиях, когда все понимают бесплодность войны как для агрессора, так и для его

⁵⁾ Ibid., S. 1, 43, 60.

⁶⁾ Ibid., S. 106.

⁷⁾ Ibid., S. 83—84, 90, 93.

⁸⁾ Ibid., S. 109—110.

⁹⁾ Ibid., S. 110, 159—160

жертвы, такая пропаганда будто бы не представляет опасности для дела мира и в то же время якобы способствует воспитанию «национального самосознания». Нет нужды объяснять, о каком «самосознании» говорит автор, ибо речь идет все о том же затемненном сознании населения ФРГ ядовитыми предрассудками расизма, милитаризма, шовинизма, т. е. теми «богами государственной демоничности», на которые часто любят ссылаться историки ФРГ, оправдывая прошлое и настоящее германского империализма¹⁰).

Глава наиболее влиятельной группы историков Ганс Ротфельс в 1960 г. выпустил книгу, посвященную анализу восточного аспекта внешней политики Германии XIX в.¹¹). Автор утверждает, что «национально-государственный принцип», широко распространившийся с времен революции 1848 г., был тяжелым бременем для германизма в его усилиях распространить свое влияние и свое «право на существование» вне пределов Германии¹²).

В разделе «Проблема восточных национальностей» Ротфельс пишет, что весь комплекс внешнеполитических мероприятий правительства Бисмарка, с какой бы стороны их ни рассматривать, соответствовал якобы, с одной стороны, интересам немцев, живущих в Прибалтике и несущих тамошним народам «процветание и культуру», с другой стороны, национальным потребностям латышского и эстонского народов. По его мнению, Бисмарк не поощрял как грубой германизации этих народов, так и ирредентистского движения прибалтийских немцев, считая возможным тесное и «равноправное сожительство» всех народностей Прибалтики под «духовным» руководством Германии. Ганс Ротфельс всячески доказывает, что политика бисмарковского правительства в Прибалтике не создавала будто бы какой-либо опасности для России и в то же время была необходима для упрочения позиций Пруссии, с судьбами которой была якобы связана будущность прибалтийских народов¹³).

По сконструированной Ротфельсом схеме, национальная идея, получившая распространение среди прибалтийских народов, была еще в аморфном состоянии, являясь неким продуктом или, точнее, промежуточным звеном между идеей срединной Европы и «восточным государственным мышлением». Отсюда Ротфельс делает вывод о том, что задача немцев заключалась в содействии развитию «национальной идеи» прибалтийских народов в направлении восприятия ими «неизбежности» и «благотворности» немецкого руководства

¹⁰) См. Сб. «Враг всего мира. Факты и документы». М., 1962, стр. 9 и след., 207 и след., 219 и след.

¹¹) H. Rothfels. Bismarck, der Osten und Reich. Stuttgart, 1960.

¹²) Ibid., S. 1—17.

¹³) Ibid., S. 42—43.

и понимания «необходимости» бороться под этим руководством против России и «восточного деспотизма»¹⁴⁾.

Грубо фальсифицирует Ротфельс прусскую политику в отношении поляков. Он утверждает, что правительство Бисмарка вынуждено было пойти на репрессивные меры против «польского сопротивления» в период так называемого «культуркампа» лишь постольку и в той мере, в какой это сопротивление могло быть использовано католической церковью в ее антинимперских целях. Автор уверяет, что Бисмарк никогда якобы не поддерживал гакатистов с их планами германизации польских земель. «Бисмарк,— пишет Ротфельс,— не хотел ни изгнать польское население из Пруссии, ни германизировать его»¹⁵⁾.

Если некоторые историки ФРГ слишком упрощенно освещают вопрос о «культуртрегерской миссии» немцев на Востоке отказывают восточноевропейским народам в праве на самостоятельное национальное существование, то Ротфельс эту концепцию тщательно завуалировал. Исходя из тезиса об «извечном антагонизме между Западом и Востоком», Ротфельс противопоставляет эстонцев, латышей, литовцев и поляков России, пытаясь доказать, что, хотя у этих народов не завершилось формирование национального самосознания, все же под «благодетельным воздействием немцев» в своем историческом развитии оно совпадало с основными чертами национального сознания западноевропейских народов. Нетрудно понять, к каким выводам приходит Ротфельс, опираясь на подобную аргументацию. По существу, Ротфельс призывает империалистов «воспринять бисмарковское наследство» и развернуть борьбу за отторжение прибалтийских республик и Польши от социалистической системы и за включение этих народов в «интегрированную» капиталистическую Европу¹⁶⁾.

Оставаясь по всем основным вопросам на позициях, выработанных им в тридцатых годах, Ханс Ротфельс в свете новых задач, выдвигаемых привящими кругами ФРГ, «модернизировал» ряд своих установок. В частности, в его книге нет антифранцузских выпадов, диктовавшихся в свое время потребностями борьбы с Версальским договором. Сделан экскурс в социально-политические условия жизни прибалтийских народов с тем, чтобы обосновать «неестественность» установления социалистического строя в Эстонии, Латвии и Литве. Резко усилены выпады против ГДР и СССР и т. д.¹⁷⁾.

¹⁴⁾ Ibid., S. 182—204.

¹⁵⁾ Ibid., S. 86—88, 93, 262.

¹⁶⁾ Ibid., S. 267—289.

¹⁷⁾ H. Syrbe. Revanchismus unter dem Banner der Europaideologie. Hans Rothfels und die abendländische Neuordnung Osteuropa. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1963, H. 4, S. 679—703.

Если Ротфельс считал необходимым хотя бы для видимости внести некоторые изменения в труды, опубликованные им в период фашизма, то Фридрих Газельмайр в своей многотомной «Дипломатической истории Второй империи» остается на позициях старой (так называемой «официальной») историографии¹⁸). Первая часть его труда, состоящая из трех книг, отведена истории внешней политики правительства Бисмарка¹⁹). Опираясь в основном на довоенные публикации документов²⁰), автор воссоздает известную и до него картину дипломатии европейских кабинетов, игнорируя при этом социально-экономические и политические процессы, происходившие в последней трети прошлого века и следуя, таким образом, традиционной схеме буржуазных историков.

Ограничивая анализ внешней политики правительства Бисмарка узко дипломатической сферой, Газельмайр, естественно, не может объяснить многих сложных явлений в системе международных отношений. Все его повествование подчинено одной цели: всемерному восхвалению «дипломатического гения» Бисмарка, которого, к тому же, без каких-либо оснований автор объявляет «апостолом европейского мира».

Хотя Газельмайр неоднократно подчеркивает свою объективность, последняя служит ему лишь прикрытием вполне определенной концепции. Она сводится к утверждению, согласно которому кайзеровская империя была главным оплотом Европы против панславизма и «русской агрессии». С этой точки зрения военно-стратегический план войны на два фронта, разработанный Мольтке, рассматривается автором как оборонительное мероприятие не только для Германии, но и для всей Европы²¹). В этом же духе трактуется значение австро-германского союза 1879 г., а также последовавшие за ним военно-политические договоры с Италией и Румынией²²). Из изложения Газельмайра следует вывод о том, что германский агрессивный блок был ответом на «активизацию русской экспансии» и должен был лишь «сдерживать» эту

¹⁸) F. Haselmayr. *Diplomatische Geschichte des Zweite Reiches von 1871 bis 1918*. I. Teil: *Ära des Friedenskanzlers (1871—1890)*. II. Teil *Die Ära des Flottenkaisers (1890—1918)*. München, 1954—1964.

¹⁹) I. Buch: *Von russischer Freundschaft zu russische Groll (1871—1878)*. 2. Buch: *Bismarcks Reichssicherung gegen Rußland (1879—1884)*. *Der Erwerb deutschen Kolonialbesitzes (1884—1885)*. 3. Buch: *Die Wahrung des europäischen Friedens durch Bismarck in der Bulgarenkrise von 1885—1888*. *Bismarcks Entlassung*. München, 1954—1957.

²⁰) Кроме известных многотомных немецких и французских публикаций Газельмайр ввел в научный оборот лишь издание, осуществленное берлинским профессором Вольфгангом Виндельбандом в период фашистской диктатуры и состоящее из ряда ранее не опубликованных документов архива министерства иностранных дел Германии (*Bismarck und die europäischen Großmächte 1879—1885*. Hrsg. W. Windelband. Berlin, 1940).

²¹) F. Haselmayr, *Ibid.*, 2. Buch, S. 17.

²²) *Ibid.*, S. 34—36, 90—92, 112—113. 3. Buch, S. 37—62, 79, 167—169.

«экспансию», укрепляя якобы одновременно безопасность всех стран Европы²³). Разумеется, автор ни слова не говорит об агрессивных планах Германии в отношении других народов. Так, военные демонстрации, время от времени устраиваемые немецкой военщиной на Западе, имели, видите ли, лишь целью утихомирить особенно ретивых поборников войны-реванша во Франции, показать готовность Германии к эффективной защите. Так же трактуется антифранцузская кампания немецкой прессы, неоднократно возобновляемая в Германии по прямому указанию Бисмарка²⁴).

В последовательно апологетическом духе освещена Газельмайром колониальная политика Германии 80-х гг. и авантюристическая деятельность ее вдохновителей и организаторов. Ни слова не упомянув о зверствах колонизаторов, автор пытается доказать, что Германия исходила лишь из учета возрастающего значения «немецкой переселенческой волны», а также из деловых интересов тех купцов и промышленников, которые развивали активность в ряде заморских районов. Автор утверждает, что Германия якобы не намеревалась занимать территории, требующие искусственного заселения, содержания больших гарнизонов и администрации²⁵).

Нет нужды подробно опровергать доводы Газельмайра. Известно, что направление немецкой эмиграции в конце прошлого века совершенно не было связано с Африкой, ибо основной поток уезжавших из Германии поглощал американский континент, частично Россия, Балканы. Это, однако, не помешало Германии именно в Африке приобрести свои первые колонии. Ссылка на «деловые интересы» также несостоятельна, поскольку африканские колонии не приносили особых выгод Германии, капиталисты которой все более растущую активность проявляли опять-таки на Балканах, в странах Восточной Европы и в России.

Во всех трех книгах первой части автор стремится подчеркнуть, что Бисмарк вел линию на союз или, по крайней мере, на дружбу с Англией. Но, будучи реальным политиком, Бисмарк, по мнению автора, понимал, что защищенная со стороны континента и связанная своими основными интересами с заокеанскими странами Англия при любой опасной ситуации в Европе не захочет играть первой роли и будет держать руки свободными. В этом, по автору, состояла главная трудность при дипломатических переговорах с Англией. Однако, несмотря на это, Бисмарк, по утверждению Газельмайра, хорошо использовал русско-английские противоречия и добился прекрасных взаимоотношений Германии с Англи-

²³) Ibid., S. 62—64. 3. Buch, S. 98—128.

²⁴) Ibid., S. 17, 105—107. 3. Buch, S. 98—128.

²⁵) Ibid., S. 127—153. 3. Buch, S. 205—246.

ей²⁶⁾. Но автор умалчивает, конечно, о том, что Бисмарк по отношению к Великобритании, проводил столь же вероломный курс, как и по отношению ко всем другим европейским державам. Газельмайр уклоняется также от объяснения причин охлаждения англо-германских отношений к концу XIX в.

Как уже отмечалось выше, в центре повествования Газельмайра стоит Бисмарк, предстающий в его описании как борец за безопасность не только Германии, но и всей Европы. Но кто же, собственно, тогда угрожал Германии? Ответ Газельмайра прост: главным «возмутителем» спокойствия в Европе, по его мнению, выступала Россия. Отсюда понятно одобрение автором руссофобства Бисмарка и правящих кругов Германии, прикрывавших воплями «о русской опасности» свои агрессивные планы в отношении Восточной Европы, Балкан и России. Автор не отвечает «только» на один вопрос: почему для сохранения европейского мира Бисмарку понадобились всевозможные хитроумные дипломатические комбинации и опасные акции, когда гораздо было проще «в интересах всех народов» проводить не на словах, а на деле миролюбивую политику? Газельмайр не может, конечно, поставить такого вопроса, ибо правильный ответ на него противоречит его концепции.

Д. Фриде в книге, посвященной анализу русской политики Бисмарка, ставит целью «вернуть утраченное в Европе историческое сознание», воспитать население ФРГ в духе «традиционного патриотизма»²⁷⁾. Издательство Хольцнера, опубликовавшее труд Фриде, отмечает на суперобложке книги важность проблем, освещаемых Дитером Фриде. Суть этих проблем само издательство видит в показе «извечной ненависти» русских к немцам. Хольцнер уверяет, что уже после прусско-датской войны 1864 г. постоянным девизом русской политики было «возбуждение европейских разногласий и раздоров», в связи с воссоединением Германии. Именно это обстоятельство и явилось якобы роковой причиной первой и второй мировых войн, а в наше время оно превратилось в главное препятствие в решении злободневных задач, стоящих перед народами Европы.

Сам автор, ссылаясь на труд советского историка, академика В. М. Хвостова «История дипломатии» (изд. 1945 г.), пишет, что историки-марксисты, подобно русским ученым до 1917 г., отмечают враждебное отношение Бисмарка к России, но неправильно объясняют причины этого. Поскольку и в немецкой историографии, по мнению Фриде, эти причины не нашли еще вполне обоснованной трактовки, то представляется важным вернуться к проблемам русско-германских отно-

²⁶⁾ Ibid., 3. Buch, S. 287—288.

²⁷⁾ D. Friede. Der verheimlichte Bismarck. Würzburg, 1960.

шений последней трети XIX в. Указав на то, что в течение 40 лет работал над дипломатическими документами в архивах, Фриде претендует на «внесение ясности» в сложные перипетии русско-германских противоречий того времени.

На основе произвольно подобранных и тенденциозно толкуемых фактов Д. Фриде настойчиво проводит тезис о том, что достигнутое Бисмарком единство Германии вызвало ненависть России, которая всегда демонстрировала якобы враждебное отношение к немецкому национальному единству и претендовала на захват всей Польши, Силезии, Богемии и даже части Германии. Вот почему, признавая антирусскую направленность дипломатических акций Бисмарка, Фриде трактует их как «ответную оборонительную реакцию» на агрессивные поползновения России. Автор считает, что эти акции оказались безуспешными и не уменьшили русской угрозы, поскольку русские не хотели каких-либо миролюбивых соглашений с немцами²⁸). Разумеется, что даже приводимые Фриде факты совершенно не подтверждают этих абсурдных выводов.

Фриде пишет, что Бисмарк, стремясь ослабить давление русских, пытался достичь союзнических отношений с Англией. Эта линия, по мнению Фриде, была правильной. Однако, Бисмарк осуществлял ее непоследовательно, поскольку пытался смягчить русско-германские противоречия рядом других мероприятий, вызывавших, с одной стороны, подозрение Англии, с другой — укреплявших франко-русское сотрудничество²⁹).

В книге Фриде мы встречаемся с откровенной фальсификацией побудительных мотивов, причин и следствий внешней политики правительства Бисмарка по отношению к России, с нарочито искаженной картиной событий, связанных с дипломатическими комбинациями Бисмарка, а сам он представлен не столько жертвой своих собственных интриг, сколько трагическим объектом выдуманной им «наследственной ненависти» России к Германии.

Несколько по-иному подходит к оценке политики Бисмарка Петер Рассов³⁰). Он пишет, что именно постоянная угроза со стороны соседей вынуждала Германию, в силу ее среднего положения в Европе, искать союзников. Это заставило Бисмарка взять курс на военно-политическое соглашение с Австро-Венгрией в 1879 г., призванного предотвратить непосредственное русское нападение, за которым автоматически следовало французское. Тем не менее, по мнению Рассова, «германская политика, вообще говоря, не имела никакого

²⁸) Ibid., S. 9, 10, 180.

²⁹) Ibid., S. 163.

³⁰) P. Rasso. Die Stellung Deutschlands im Kreise der Großen Mächte 1887—1890. «Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes— und Socialwissenschaftlichen Klassen». 1959, H. 4.

другого содержания, кроме как стремления избежать войны на два фронта». Отсюда П. Рассов делает вывод, что внешнеполитический курс правительства Бисмарка предусматривал якобы лишь проведение оборонительных мероприятий. Все же последующие неблагоприятные для Германии изменения вызваны не отставкой Бисмарка, а по другим причинам³¹⁾.

Профессор Высшей школы политических наук в Мюнхене граф Штольберг-Вернигероде также подчеркивает «миролюбивый характер» политики правительства Бисмарка. «Бисмарк, — пишет автор, — проводил политику мира, исходя из убеждения, что империя в ближайшем будущем вероятнее всего должна будет вести войну на два фронта, для которой ее силы недостаточны». Вопреки фактам, Штольберг-Вернигероде пишет, что Бисмарк будто бы учитывал в своей политике не только интересы Германии, но и других держав. Так, например, приобретение Германией колоний в Африке было осуществлено при строгом учете интересов Англии, с которой Бисмарк искал дружбы и войну с которой он считал исключенной. Что касается обострения русско-германских противоречий, то, по мнению Штольберг-Вернигероде, оно якобы не было связано с внешнеполитическим курсом Бисмарка, а было вызвано «чудовищным ростом панславизма», все более и более угрожавшего Германии³²⁾.

Клерикальные историки в основном следуют традиции официальной реакционной историографии, отклоняясь от ее концепций лишь в трактовке тех вопросов, которые связаны с дипломатией Ватикана и деятельностью его агентуры в Германии. Так, в одном из новейших исследований по истории «культуркампа», принадлежащем перу Шмидта-Фолькмара, содержится утверждение, что «в общем и целом борьба Бисмарка с церковью была тяжелым бременем для его внешней политики». Если в Англии «культуркамп» находил еще одобрение, хотя и здесь он находил разные толкования, то в России вызвал, по мнению автора, взрыв антинемецких чувств. Россия, в частности, возражала против антипольских мероприятий, оправдываемых в Пруссии ссылками на то, что поляки являются мощным орудием в руках ультрамонтанов в их кознях против Германии. Борьба с церковью ослабляла внешнеполитические позиции кайзеровской империи и, по мнению Шмидта-Фолькмара, была одним из неудачных аспектов политики Бисмарка. Отсюда автор делает вывод о том, что государство и церковь не должны бороться друг против друга, ибо они являются двумя органами бога для «сохранения порядка». Во всех сферах политики церковь

³¹⁾ Ibid., S. 7, 10, 22.

³²⁾ O. Stolberg-Wernigerode. Deutsche Politik von Bismarck bis Ebert. München, 1952, S. 238, 239, 241—242, 240.

и государство должны действовать на основе единства и общности взглядов при соблюдении специфических функций и методов, свойственных каждому из них³³). Политический смысл подобного вывода Шмидта-Фолькмара вполне ясен: призыв автора к консолидации всех реакционных сил приобретает особое значение для боинской клики, направляющей колесницу западногерманского империализма по ухабам старых авантюр.

Одной из немногих попыток раскрыть побудительные мотивы этих авантюр является книга Георга Хальгартена «Империализм до 1914 г.»³⁴). Нет необходимости подробно останавливаться на анализе этого труда, так как такая задача превосходно выполнена А. С. Ерусалимским в предисловии к русскому изданию книги. Следует лишь указать, что в первой и второй главах книги, отведенной автором истории внешней политики кайзеровской империи последней трети XIX в., содержится много интересных наблюдений.

Во-первых, несомненным достоинством труда Хальгартена является стремление увязать те или иные внешнеполитические акции правительства Бисмарка с соответствующими социально-экономическими процессами внутри страны. Хальгартен подчеркивает, что «когда меняются социально-экономические исходные, добрая воля даже самых властных людей оказывается бессильной»³⁵). Тем самым автор признает огромное влияние на содержание и во многих случаях на форму дипломатических комбинаций Бисмарка и его наследников деятельности различных экономических и прочих организаций буржуазии и помещиков. Ему не свойственно игнорирование, например, таких важных явлений, прямо или косвенно влиявших на внешнюю политику, как грондерство и образование монополий, железнодорожное строительство и деятельность банков, аграрный протекционизм и депрессии в экономике, внешняя торговля и вывоз капитала и т. д.³⁶). Так, говоря

³³) E. Schmidt-Volkmar. Der Kulturkampf in Deutschland 1870—1890 Göttingen-Berlin-Frankfurt a. M., 1962, S. 7, 162, 167, 147—187, 351.

Следует отметить, что книга Э. Шмидта-Фолькмара представляет несомненный интерес, ибо содержит оригинальный материал, почерпнутый автором из политического архива министерства иностранных дел Германии (Берлин), Прусского тайного государственного архива (Берлин-Далем), архива министерства культов (Берлин), Баварского тайного государственного архива (Мюнхен), Гессенского архива (Марбург), Баденского архива (Карлсруэ). Широко использовал автор и введенные уже в научный оборот сборники тайного государственного архива, мемуары, прессу, исследования. Однако внешнеполитическому аспекту культуркампа автор в целом уделяет всего 40 страниц из 387.

³⁴) Г. Хальгартен. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. Под редакцией и с вступительной статьей проф. А. С. Ерусалимского. М., 1961.

³⁵) Там же, стр. 47.

³⁶) Там же, стр. 39—106, 113—269. В особенности стр. 115—119.

о вступлении Германии на путь колониальных авантюр, что, как известно, сопровождалось шумной пропагандистской кампанией (особенно среди мелкой буржуазии), автор справедливо отмечает, что «при обосновании германской колониальной политики интересы немецкого среднего сословия и интересы миссионерской деятельности были подогнаны под интересы крупной промышленности и финансовой верхушки, выступивших вскоре на передний план»³⁷⁾. Точно так же провал англо-германских переговоров в конце XIX в. подтвердил, пишет Хальгартен, что «схема обеспечения безопасности разрабатывается в политике лишь в той степени, в какой она не противоречит интересам тех, кто нуждается в этом обеспечении»³⁸⁾.

Во-вторых, Хальгартен делает многократные и во многом удачные попытки объяснения внешнеполитических мероприятий правящих кругов потребностями конкретной ситуации внутри страны. В частности, автор устанавливает совершенно отчетливое «переплетение внутривнутриполитических и внешнеполитических мотивов, большое значение этих вопросов» в дипломатических акциях Бисмарка в период царствования Фридриха III³⁹⁾. В начале 90-х годов «развернувшаяся контраггандация торговцев и промышленников, потребителей, рабочих и бюрократии против аграриев, как и особенно настойчивые требования прибалтийских торговых городов заключить торговый договор с Россией» придали, по мнению автора, особую остроту вопросам русско-германских отношений вообще⁴⁰⁾. В конце XIX в., «когда все вокруг было пропитано духом государственного переворота, политическим деятелям из ведомства иностранных дел не оставалось ничего другого, как по возможности избежать надвигающейся опасности и, ловко маневрируя, предотвратить полную катастрофу»⁴¹⁾. Следовательно, для Хальгартена ясна связь между внутренней и внешней политикой, обусловленность ее глубинными процессами, происходившими в экономике, и перегруппировкой социально-политических сил в последней трети XIX века.

Отмечая эти плодотворные моменты в исследовании Хальгартена, нельзя, однако, пройти мимо его непоследовательности, ибо автор в ряде вопросов отдает дань традициям немецкой буржуазной историографии. Так, в полном соответствии с этими традициями он, вопреки им же приводимым фактам, утверждает, что 70—80-е годы были якобы «вершиной бисмарковского пацифистского макнавеллизма», что «Бисмарк очень хотел сохранить мир», и не его вина, если «в силу не-

³⁷⁾ Там же, стр. 69.

³⁸⁾ Там же, стр. 220.

³⁹⁾ Там же, стр. 103.

⁴⁰⁾ Там же, стр. 137.

⁴¹⁾ Там же, стр. 208.

возможности разоружения, обусловленной внутривнутриполитическими и внешнеполитическими причинами, он мог достичь этой цели, лишь натравливая друг против друга империалистов, принадлежащих к различным группировкам»⁴²). Выходит, что коварный характер дипломатии Бисмарка вполне оправдан, если иметь в виду стремление канцлера к миру, хотя такое утверждение автора трудно согласуется с убедительно нарисованной им картиной провокаций, призванных, как признает сам Хальгартен, в конечном счете разжечь пожар войны в Европе.

Автор правильно отмечает, что «политика концернов, монополий, брожение в среднем сословии, милитаризм и иногда антисемитизм в экономике и внутренней политике, приспособление еще имеющихся остатков либеральных идей к интересам политики силы — вот что составляет основу новой Германии, что определяет мышление кайзера, давшего имя всей этой эпохе». Но в то же время он спешит оговориться, что «все это находится в противоречии друг с другом», хотя на самом деле отмеченные им взаимосвязи — явления одного порядка, действовавшие, взаимно обуславливая друг друга, в строго определенном отношении, а именно, они усиливали агрессивность германского империализма по мере роста экономического могущества трестированного капитала и обуржуазившегося юнкерства.

Во многих разделах книги Хальгартен подчеркивает остроту англо-германских противоречий и невозможность их решения на рельсах миролюбивой политики. Однако в ряде случаев он высказывает совсем иную точку зрения. Так, на стр. 119 автор пишет: «Финансовый капитал со своим неутолимимым стремлением к экспансии в период своего наивысшего расцвета непосредственно перед первой мировой войной не мог серьезно и думать о том, чтобы когда-либо нарушить связь с Лондоном, этой мировой расчетной палатой. Учитывая содействие, оказываемое Британской империей экспорту германского финансового капитала, последний продолжал держиваться английской ориентации также и в период, когда интересы промышленной и аграрной политики, флота и среднего сословия уже давно вызвали один конфликт за другим. Поэтому, когда Бисмарк пал, было ясно только то, что пути Германии ведут в открытый мир. По поводу же конкретного политического курса существовали самые различные мнения. Очень многое, если не все, зависело при этом от изменений, которые произошли в составе правительства империи».

Нетрудно убедиться, что Хальгартен, во-первых, игнорирует антагонистичность взаимосвязей между немецким и английским финансовым капиталом, имманентно порождавших

⁴²) Там же, стр. 99—100.

неизбежность англо-германской схватки. Во-вторых, он отделяет в духе каутскианского понимания империализма финансовый капитал от промышленного и даже противопоставляет интересы первого потребностям второго, проходя мимо давно признанного даже многими буржуазными экономистами факта сращивания банковского капитала с промышленным и образования на этой основе финансового капитала, диктующего свою волю во внутренней и внешней политике буржуазных государств. В-третьих, автор в конечном счете повторяет один из краеугольных тезисов немецкой реакционной историографии, отводившей решающее место в событиях отдельным политическим деятелям. Тем самым Хальгартен разрушает свою собственную концепцию об определяющем воздействии на политику социально-экономических процессов, происходивших в кайзерской империи. Наконец, серьезную ошибку допускает автор, переоценивая влияние на внешнюю политику Германии среднего сословия, объясняя многие дипломатические акции Бисмарка и его преемников потребностями и давлением мелкой буржуазии города и деревни. «Среднее сословие,— пишет Хальгартен,— в прошлом средоточие и источник иррационального и романтического образа мыслей, после векового гнета под влиянием рационально-либерального мира вновь обретает свое место. Капитализм сам перестраивается и приемлет иррациональные расовые мотивы»⁴³). Выходит, что с одной стороны, среднее сословие выдвигается на передний план и занимает позиции, опираясь на которые, оно оказывает свое самостоятельное влияние на многие внешнеполитические шаги империи, с другой стороны, оно заставляет и капитализм, по крайней мере в области идеологии, перестраиваться в соответствии с «иррациональным мышлением» мелкой буржуазии. В данном случае Хальгартен меняет местами причину и следствие, явление и сущность происходивших событий.

Хальгартен, конечно, правильно подметил факт политической активизации средних слоев, участие их в массовых пропагандистских организациях монополистического капитала, ловко прикрывавшего свои экспансионистские вождедения выдвиганием на авансцену идеологической подготовки и войны шумных и крикливых демагогов из среды мелкой буржуазии, отсталых слоев рабочих и деклассированной интеллигенции. Но автор не понял, что в определении основных направлений внешнеполитического курса кайзеровской империи интересы «среднего сословия» не играли никакой роли, какие бы аргументы по этому поводу для отвода глаз ни проводили правящие круги или представители юнкерско-буржуазной клики,

⁴³) Там же, стр. 118—119.

умеющие по всем решающим вопросам ввести разбушевавшиеся «иррациональные страсти» среднего сословия в фарватер своих собственных узкоклассовых интересов.

Однако, даже учитывая существенные недостатки книги Хальгартена, вытекающие из эклектического характера его методологии, нельзя не признать большой разоблачительной силы этого труда, убедительно вскрывающего многие движущие стимулы внешнеполитического курса правительства Бисмарка.

Рассмотренные нами некоторые труды западногерманских историков по вопросам внешней политики правительства Бисмарка позволяют сделать вывод о том, что после окончания второй мировой войны подавляющее большинство немецких буржуазных историков не отказалось от концепций, развивавшихся виднейшими представителями германской «официальной» историографии между первой и второй мировыми войнами.

Учитывая возрастающее стремление народов Европы к миру, западногерманские буржуазные историки, независимо от различий в политическом мировоззрении, особенно подчеркивают якобы «миролюбивый» характер внешней политики правительства Бисмарка. В связи с этим коварство и вероломство объявляются чуть ли не достоинством немецкой дипломатии, поскольку последняя будто бы ставила задачу оградить Германию от войны вообще, войны на два фронта — в особенности. Что при этом в такое заведомо неудобное положение «балансирующего маятника» Германию загоняли ее правящие круги, — буржуазные историки, разумеется, умалчивают.

Больше всего упреков делается в отношении англо-германского сотрудничества, которое, по мнению большинства западногерманских историков, не было упрочено исключительно вследствие субъективных просчетов правящих кругов. В этой связи не одобряются, как правило, попытки хотя бы временного ослабления напряженности в русско-германских отношениях, поскольку такие попытки вызвали рост подозрительности в Англии, сделали невозможным достижение удовлетворяющих обе державы соглашений о дружбе и союзе. По существу, в этом вопросе мы встречаемся с давно знакомым тезисом об «упущенных возможностях», хотя этот тезис часто формулируется полупафосами, туманно и витиевато. Нетрудно понять, что подобный тезис является определенной данью современным идеям «интеграции» Европы и «атлантической солидарности», призванным «сцементировать единство Запада» в его борьбе против социалистических государств. Можно сказать, что это, пожалуй, единственный «серьезный урок», извлекаемый буржуазными историками из поучительного прошлого внешней политики правительства

Бисмарка. Все это неопровержимо свидетельствует о том, что западногерманская буржуазная историческая наука продолжает вращаться в порочном кругу старых представлений и концепций, наглядно демонстрируя этим глубокий кризис современной капиталистической идеологии.

**ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СИНГАПУРЕ
В 1956—1957 гг.**

(По материалам журнала «The Economist»).

Л. И. ТЕРЕШИНА

После окончания второй мировой войны подъем национально-освободительного движения охватил весь мир и распространился на Юго-Восточную Азию. В числе других народов упорную борьбу за политическую и экономическую независимость вели народы Малайи. После капитуляции Японии в сентябре 1945 г. правительство Великобритании прилагало все силы для того, чтобы восстановить свое колониальное господство и с этой целью сосредоточило в Малайе армию в 250 тыс. человек.

Народы Малайи, создав объединенный народный фронт, смогли дать отпор вооруженным силам английского империализма. Была создана Освободительная армия народов Малайи, которая вела партизанскую борьбу против английских войск. Большую роль в организации борьбы за независимость малайского народа сыграла Коммунистическая партия Малайи¹⁾. В таких условиях английское правительство вынуждено было лавировать, идти на определенные политические уступки крупной буржуазии Малайи для того, чтобы сохранить капиталы, вложенные в Малайе в производство каучука, олова, добычу нефти и т. д. В 1948 г. колониальные власти Англии провели конституционную реформу, главная цель которой заключалась в том, чтобы ослабить силу национально-освободительного движения. Было провозглашено образование Малайской федерации, от которой был отторгнут Сингапур, ставший отдельной коронной колонией²⁾.

¹⁾ В. С. Руднев. Малайя 1945—1963. М., 1963, стр. 18—26.

²⁾ Там же, стр. 19.

Конституция 1948 г., являвшаяся определенной уступкой малайским феодалам, ничего не давала рабочим и крестьянам Малайи, поэтому борьба малайского народа за подлинную независимость продолжалась. В 1948 г. английские колониальные власти ввели в Малайе и Сингапуре «Закон о чрезвычайных полномочиях», в соответствии с которым Англия «в необходимых случаях» могла прекращать действие малайской конституции и вводить свои войска в любые районы Малайи. После введения этого закона английский империализм усилил борьбу против антинимпериалистических организаций малайского народа и прежде всего против Освободительной армии народов Малайи, которая образовалась из партизанских отрядов, руководимых коммунистами в феврале 1949 г.³⁾.

Английские колонизаторы просчитались. Им не удалось добиться быстрой победы над патриотами Малайи. В таких условиях правящие круги Великобритании, продолжая войну против малайского народа, пытаются запугать буржуазные и феодальные круги Малайи коммунистической угрозой и на основе этого создать реакционный блок для борьбы с малайскими патриотами.

Весной 1956 г. в Лондоне шли переговоры между делегацией Малайской федерации и английским правительством. В связи с этим журнал «Экономист» всячески подчеркивал непримиримость малайских коммунистов, которые, по утверждению журнала, были намерены вести борьбу «до тех пор, пока Малайской коммунистической партии не будет разрешено играть всестороннюю роль в политической жизни страны», а Малайя и Сингапур не получают полной независимости⁴⁾.

Правительство Великобритании пошло на некоторые уступки. В 1956 г. было достигнуто соглашение о провозглашении Малайской федерации независимым членом Британского содружества наций до августа 1957 г. Английские империалисты навязали правительству Малайской федерации «договор об обороне и взаимной помощи». По этому договору Англия получила право сохранять свои войска и военные базы в Малайе⁵⁾. В демократических кругах Малайи вполне обоснованно указывали, что присутствие английских войск и сохранение в силе закона 1948 г. о чрезвычайных полномочиях дает возможность английскому империализму вмешиваться во внутренние дела Малайской федерации.

³⁾ В. С. Руднев. Указ. соч., стр. 21—22.

⁴⁾ Malay's Way Ahead, «The Economist», February 25, 1956, p. 514.

⁵⁾ Международные отношения после второй мировой войны. Т. 3, М., 1963, стр. 413—414.

Вынужденное предоставить Малайе независимость правительство Англии сделало все возможное, чтобы оставить неизблемым свое господство в Сингапуре.

Цель данного обзора заключается в том, чтобы, используя в качестве источника статьи английского еженедельника «Экономист»⁶⁾ за 1956—1957 гг., выяснить с помощью каких методов правящие круги Англии пытались сохранить свои позиции в Сингапуре, какие мотивы выдвигались для оправдания колонизаторской политики британского империализма перед лицом английского и мирового общественного мнения. Сингапур является главной военно-морской и воздушной базой Англии в Восточной Азии. Через Сингапур проходят торговые пути, связывающие государства Европы и Америки со странами Азии. Сингапур для Англии — был Гибралтаром Востока. В июне 1956 г. «Экономист» в статье о военно-морских базах специально осветил вопрос о роли Сингапура в военных планах английского империализма. Автор статьи отмечает продолжающийся «ускоренный распад последних частей Британской империи» и тот факт, что правительству Великобритании становится все труднее «договориться о чем-либо с независимыми членами содружества», т. е. все труднее держать их в орбите своей империалистической политики. В связи с этим пишет автор статьи, правительство Англии должно приложить все усилия для того, чтобы сохранить Сингапур в качестве главной военно-морской базы, которая входит в «цепь военно-морских и воздушных баз между Великобританией и Австралией». Потеря Сингапура, по его мнению, ослабила бы военно-морскую мощь Англии не менее, чем потеря значительной части британского флота⁷⁾.

Большие военно-стратегические и экономические интересы британского империализма определяли политику правящих кругов Англии при решении вопроса о будущем Сингапура. Под напором народного движения английское правительство в 1953 г. вынуждено было пересмотреть закон 1948 г., по которому Сингапур объявлялся колонией. Новая конституция предусматривала создание сингапурского правительства, имеющего некоторые полномочия в решении внутренних дел Сингапура. Однако эта куца уступка не удовлетворила трудящихся Сингапура, продолжавших борьбу за полную независимость.

В 1956 г. английское правительство вынуждено было созвать Лондонскую конференцию, чтобы решить вопрос о будущем Сингапура. В связи с Лондонской конференцией журнал «Экономист» опубликовал статью «Судьба Сингапура»,

⁶⁾ Журнал «Economist» издается с 1843 г. и является весьма влиятельным органом, выражающим интересы монополистического капитала Великобритании.

⁷⁾ Naval Bases, «The Economist», June 16, 1956, p. 1073—1074.

в которой была изложена точка зрения правящих кругов Англии на пути решения сингапурской проблемы. На конференции прежде всего был поставлен вопрос о возможности и необходимых условиях любого соглашения между колонией и метрополией⁸). Необходимым условием такого соглашения должно было быть право Англии в нужных для нее случаях осуществлять чрезвычайные полномочия в отношении внутренней безопасности Сингапура⁹). Правительство Великобритании стремилось сохранить свои войска и военно-морскую базу в Сингапуре, что было бы удобно осуществить под прикрытием пункта соглашения о праве Англии на осуществление чрезвычайных полномочий.

Представители Сингапура вполне справедливо указывали, что самоуправление будет фикцией до тех пор, пока правительство Сингапура не получит полного контроля над положением в государстве¹⁰). Глава сингапурского правительства Давид Маршалл убеждал английских министров в том, что в интересах Великобритании следует предоставить Сингапuru независимость, так как получение независимости лишит коммунистов поддержки населения Сингапура¹¹). Отмечалось, что коммунисты, возглавлявшие борьбу народа за независимость, создали крепкую коммунистическую организацию в колонии, укрепили свои позиции в профсоюзах и учебных заведениях и что в таких условиях попытка уничтожить коммунистическую организацию путем насилия трудно осуществима¹²). Представители английского правительства на переговорах решительно настаивали на сохранении английских политических, экономических и военных позиций в Сингапуре. Журнал «Экономист» последовательно поддерживал подобную политику. Указывалось, что Англия, построившая порт и город Сингапур, имеет право решать вопрос о его будущем и что в любом случае Сингапур должен оставаться британской базой и членом Британского содружества наций. Закон о чрезвычайных полномочиях 1948 г., утверждал журнал, должен быть сохранен в силе, так как этого якобы требовал рост коммунистической опасности¹³). Правительство Англии; стремясь сохранить незабываемыми основы британского колониального господства в Сингапуре, соглашалось лишь на некоторые второстепенные уступки: увеличение числа членов в Законодательном совете Сингапура, расширение внутреннего самоуправления, замена английского губернатора верховным правителем и т. д.

⁸) The Fate of Singapore, «The Economist», May 19, 1956, p. 670.

⁹) Ibidem.

¹⁰) The Fate of Singapore, «The Economist», May 19, 1956, p. 670.

¹¹) Ibidem.

¹²) Sitting on Singapore, «The Economist», November 3, 1956, p. 403.

¹³) The Fate of Singapore, 2 «The Economist», May 19, 1956, p. 670.

В ходе переговоров выяснилось, что правительство и господствующие классы Англии не желают идти ни на какие уступки, которые бы подорвали их господство в Сингапуре. Это в конечном счете привело к срыву переговоров. Как писал «Экономист», обнаружился внушительный разрыв между тем, что в Сингапуре ожидали и тем, что Англия могла ему дать¹⁴). Английское правительство в 1956 г. пыталось решить сингапурскую проблему на выгодных для себя условиях путем объединения Сингапура с Малайской федерацией. Расчет строился на том, что с правительством Малайской федерации будет легче договориться относительно сохранения английского господства в Сингапуре. Однако лидеры Малайской федерации в то время отказались объединяться с Сингапуром под тем предлогом, что в Сингапуре много китайцев «легко поддающихся влиянию коммунистов», которых, по их мнению, «могли усмирить» только войска метрополии¹⁵).

Журнал «Экономист», оправдывая колонизаторскую политику английского империализма в Сингапуре, писал, что Англия не может уйти оттуда, так как «Сингапур является главной военной базой Англии к востоку от Суэца, призванной защищать политические и экономические интересы западных стран в этом районе. Затем автор статьи, опубликованной в журнале, доказывал, что Сингапур для Британии является не только военной базой, в Сингапуре Британия якобы была ответственна перед всем «свободным миром» и если Англия уйдет из Сингапура, он окажется в руках, может быть «замаскированного коммунистического режима», чего Англия не может допустить¹⁶).

В связи с дальнейшим подъемом национально-освободительного движения в Сингапуре и состоявшимися там массовыми выступлениями «Экономист» в ноябре 1956 г. публикует статью, в которой доказывает, что в Сингапуре складывается ситуация аналогичная кипрской¹⁷). Автор журнальной статьи настаивает на том, что при сложившейся ситуации Англия не должна выводить войска из Сингапура, потому что вывод английских войск может обеспечить Пекину политический аванпост в Юго-Восточной Азии¹⁸). Журнал утверждал, что интересы безопасности колоний требуют присутствия там английских войск и сохранения в силе закона о чрезвычайных полномочиях, «в соответствии с которым Англия может использовать свои войска для пресечения беспорядка.

¹⁴) The Fate of Singapore, «The Economist», May 19, 1956, p. 670.

¹⁵) Sitting on Singapore, «The Economist», November 3, 1956, p. 403.

¹⁶) The Fate of Singapore, «The Economist», May 19, 1956, p. 670.

¹⁷) В 1955—1959 гг. Англия вела колониальную войну против народа Кипра.

¹⁸) The Fate of Singapore, «The Economist», May 19, 1956, p. 671.

По этой же причине Англия не может отказаться от своего контроля над внутренней безопасностью Сингапура».

Английские колонизаторы в качестве одной из причин, в силу которых Англия не могла предоставить независимость Сингапуру, выдвигали излюбленный тезис всех колонизаторов о том, что население Сингапура, якобы, еще не было готово к самоуправлению. Как писал «Экономист», «в процессе предоставления независимости колониальным народам была сделана серьезная ошибка — был введен парламентский институт. Многие, даже старшие служащие в колониях, очень мало знают о парламентской процедуре и нуждаются в технической помощи». Автор статьи утверждает, что если бы в Сингапуре было создано независимое от Англии правительство, то через год выяснилась бы «незрелость большинства сингапурских политиков».

Общественное мнение Сингапура было возмущено политикой английского империализма и нерешительностью лидеров буржуазных партий. По мнению одной из сингапурских газет, «политики Сингапура просто спустили флаг перед британским нажимом»¹⁹⁾. Недовольство срывом Лондонской конференции вылилось в широкую волну протестов против «колониальных хозяев». День возвращения Маршалла из Лондона решено было сделать днем траура и привлечь 90 тысяч членов профсоюзов для проведения символической стачки.

Давид Маршалл ушел в отставку. В июле 1956 г. в Сингапуре к власти пришло правительство во главе с Лин Ю-фу лидером Трудового фронта. Лин Ю-фу доказал свою верность английскому правительству организацией жестокой антикоммунистической кампании²⁰⁾. Были арестованы члены левого крыла Партии народного действия²¹⁾. В то же время Лин Ю-фу пытался лавировать между левыми и правыми²²⁾. Журнал «Экономист» был хорошо информирован о перипетиях политической борьбы, происходившей в Сингапуре. Корреспонденты журнала регулярно помещают статьи, характеризующие внутривластную обстановку. Симпатии авторов статей на стороне реакционных проанглийских деятелей. В сентябре 1957 г. в статье «Ниспровержение в Сингапуре» отмечается, что «последняя попытка коммунистов установить прямое господство в стране была сломлена в 1956 г.». Несмотря на это, указывает журнал, коммунисты смогли создать сильную оппозицию против проанглийского правительства Лин Ю-фу и сейчас пытаются «овладеть Партией народного действия», которая «еще не контролируется ими, но

¹⁹⁾ Singapore's Smeared Canvas. «The Economist», May 26, 1956, p. 801.

²⁰⁾ The Timetable for Autonomy, «The Economist», November 9, 1957, p. 483.

²¹⁾ Subversion in Singapore, «The Economist», September 7, 1957, p. 772.

²²⁾ Mr. Lee Changes his line. «The Economist», July 6, 1957, p. 45.

находится под их влиянием»²³). В то же время журнал одобряет и поддерживает «твердую политику» проанглийского правительства Ли Ю-фу, которое «стабилизирует положение в Сингапуре проведением решительной и умеренной антикоммунистической» политики²⁴).

В результате упорной борьбы сингапурского народа английское правительство в 1957 г. вынуждено было согласиться на проведение новых переговоров о предоставлении Сингапуру независимости, которые состоялись в Лондоне. Английское правительство обещало, что Сингапур, оставаясь членом Британского содружества наций, получит внутреннее самоуправление в 1958 г., но под «контролем Англии останутся внешняя политика и безопасность Сингапура». В 1958 г. была выработана новая конституция Сингапура, которую Давид Маршалл назвал «колониальной конституцией»²⁵), потому что вопросы внешней политики, обороны и внутренней безопасности по-прежнему оставались прерогативой Англии²⁶). Правящие круги Англии данной уступкой надеялись отвлечь трудящихся Сингапура от борьбы за подлинную независимость и несколько укрепить позиции тех буржуазных партий и групп, которые выражали готовность сотрудничать с Англией. В 1959 г. было образовано государство Сингапур, однако английский империализм сохранял свои экономические позиции и военные базы в Сингапуре.

²³) Subversion in Singapore, «The Economist», September 7, 1957, p. 772.

²⁴) Outlook leftish, «The Economist», December 28, 1957, p. 1119.

²⁵) Mr. Lee Changes his line. «The Economist», July 6, 1957, p. 45.

²⁶) В. С. Руднев. Указ. соч., стр. 81.

**ПРОПАГАНДА В ПРЕССЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
В СВЯЗИ С АГРЕССИЕЙ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ
И ПОДГОТОВКОЙ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ
(апрель — сентябрь 1938 г.)**

А. Е. ГЛУШКОВ

Различные аспекты нацистской пропаганды и ее роли в подготовке и развязывании второй мировой войны в общем плане успешно решаются советскими историками¹⁾. Однако представляется весьма важным изучение проблем, раскрывающих роль тех или иных органов нацистской пропаганды в связи с конкретными историческими событиями. Настоящая статья является попыткой на основании изучения германских газет, опубликованных документов секретных совещаний в министерстве пропаганды гитлеровской Германии, материалов Нюрнбергского процесса определить роль германской прессы в подготовке фашистской агрессии против Чехословакии.

Нацистская машина пропаганды начала складываться в 20-е годы вместе с зарождением национал-социалистской

¹⁾ См., например, Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.), М., 1961; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг., М., 1963 и др. Проблемы нацистской пропаганды привлекают внимание историков ГДР. См. K. Drechsler. Die Zersetzungsarbeit der Geheimsender des Goebbels — Ministerium in Frankreich Mai—Juni 1940. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее: «Z. f. G.»), 1961, Hf. 7, S. 1597; H. O dermann. Die vertraulichen Presseanweisungen aus den Konferenzen des Nazi Propagandaministerium, — «Z. f. G.», 1965, Hf. 8, S. 1366; различные аспекты национал-социалистской пропаганды получили известное освещение в сочинениях бивуазных историков Запада. См., например, W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich. Hannover, 1948; I. Wulf. Presse und Funk im Dritten Reich. Eine Dokumentation, Gütersloh, 1964; R. Manvell and H. Fraenkel. Doctor Goebbe's. His Life and Death, Toronto, 1960; (нем. перевод H. F. Fraenkel und R. Manvell. Doktor Goebbels. Eine Biographie, Köln—Berlin, 1960); E. K. Bramsted. Goebbels and National Socialist Propaganda 1925—1945, Ann Arbor, 1965.

партии и достигла своего «расцвета» к началу второй мировой войны. Основные принципы нацистской пропаганды, формы ее и методы были изложены Гитлером в «Майн Кампф». Он писал, что «при помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай»²). При этом он считал, что пропаганда какой-либо идеи должна подкрепляться массовым террором. Открытый террористический режим фашистской диктатуры, установленный в 1933 г., давал возможность правительству гитлеровской Германии соединить действия фашистского суда, полиции и террористических организаций нацистской партии с огромным централизованным пропагандистским аппаратом.

Репрессии и террор были направлены прежде всего против передового отряда немецкого пролетариата — Коммунистической партии, ибо нацистская идеология, не имеющая ничего общего с научной истиной, не выдерживала борьбы с научными идеями марксизма³). Пропаганда же, писал Гитлер, должна быть направлена «исключительно на массы». При этом «сферой ее воздействия должны быть в большей степени чувства, а не разум», а уровень «соответственно снижен до степени, доступной для самых ограниченных людей»⁴).

Для координации деятельности различных пропагандистских органов и учреждений 13 марта 1933 г. в фашистской Германии было создано министерство народного просвещения и пропаганды во главе с Геббельсом⁵).

Министерство пропаганды занималось конкретной разработкой и осуществлением задач, которые ставил Гитлер и верхушка нацистской партии. При этом министерство пропаганды осуществляло тесный контакт с министерством иностранных дел, когда затрагивались вопросы внешней политики, а также пропаганды для заграницы. На Нюрнбергском процессе руководитель отдела радио министерства пропаганды Фриче показал, что «в тот момент, когда начиналось какое-либо мероприятие или война, всегда появлялся представитель министерства иностранных дел с готовой книгой документов, так называемой «белой книгой»⁶).

²) «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник документов в 3-х томах». Т. 1, М., 1965, стр. 270.

³) Из 300 тыс. членов КПП, насчитывающихся ко времени установления фашистской диктатуры, приблизительно 150 тыс. были расстреляны, брошены в тюрьмы, концлагеря. H. Laschitz, S. Vietzke. Deutschland und deutsche Arbeiterbewegung 1933—1945, Berlin, 1964, S. 32.

⁴) Цит. по: R. R. Koerner. So haben es damals gemacht... Wien, 1958, S. 17.

⁵) В составе министерства имелись отделы радио, кино и кинопромышленности, театра, прессы искусства, отдел контрпропаганды, и др. См. R. Manvell and H. Fraenkel. Doctor Goebbels... p. 140—141.

⁶) «Нюрнбергский процесс...», т. 1, М., 1965, стр. 559.

Тесный контакт министерство пропаганды поддерживало и со штабом верховного командования гитлеровского вермахта (ОКВ). В системе ОКВ имелся специальный отдел пропаганды. Представитель этого отдела присутствовал на ежедневных секретных конференциях, проводимых в министерстве Геббельса. Пропагандистские задания для ОКВ формировались на основании указаний Геббельса и начальника ОКВ Кейтеля.

Ведущая роль в системе пропаганды третьего рейха отводилась прессе. В выступлении перед журналистами в марте 1933 г. Геббельс заявил, что пресса «должна быть подобна фортепиано, на котором правительство может играть»⁷⁾. Руководство германской прессой находилось в руках Отто Дитриха⁸⁾. Он определял руководящие принципы для всей германской печати в системе государства и партии. В обвинительном заключении на Нюрнбергском процессе указывалось, что «подсудимый Дитрих являлся инициатором кампаний, которые осуществлялись прессой перед каждым агрессивным актом в целях ослабления намеченной жертвы, обеспечения ложного обоснования агрессии и психологической подготовки германского народа к войне»⁹⁾.

Всю текущую работу с германской прессой вел IV отдел министерства пропаганды (отдел прессы). О масштабах деятельности этого отдела говорит тот факт, что ему в 1934 г. подчинялось 2300 ежедневных газет. Кроме работы с внутригерманской прессой, на IV отдел возлагалось распространение иностранных газет в Германии и экспорт германских газет за границу. Отдел прессы осуществлял связь с иностранными телеграфными агентствами, следил за всеми иностранными корреспондентами, аккредитованными в Германии и снабжал их ежедневной информацией о событиях внутри страны¹¹⁾.

С приходом к власти нацистов начинается пересмотр организационных принципов построения германской прессы. Основная цель реорганизации прессы сводилась к тому, чтобы

⁷⁾ Цит. по I. Wulf. *Presse und Funk...*, S. 81.

⁸⁾ Отто Дитрих — с августа 1931 г. имперский руководитель прессы в системе нацистской партии; представил Гитлера стальным магнатам на известном совещании 27 января 1932 г. в Дюссельдорфе. С ноября 1937 г. — статс-секретарь министерства пропаганды и имперский пресс-шеф. На Нюрнбергском процессе по делу группы министров и дипломатов (процесс № 11) приговорен к 7 годам тюремного заключения. 31 января 1951 г. помилован Верховным Комиссаром США в Германии. Умер в 1952 г.

⁹⁾ «Нюрнбергский процесс...». Т. 1. М., 1965, стр. 271.

¹⁰⁾ H. Odermann. *Die vertrauliche Presseanweisungen...*, «Z. f. G.», 1965, Hf. 8, S. 1368.

¹¹⁾ Для более оперативного руководства прессой, IV отдел в 1938 г. был разделен на два: 1-й — отдел внутренней прессы и 2-й — отдел иностранной прессы. См. I. Wulf. *Presse und Funk...*, S. 81.

поставить под контроль содержание и политическое направление всех германских газет. Законом «В защиту германского народа» от 4 февраля 1933 г. и постановлением от 28 февраля 1933 г. «В защиту народа и государства» уничтожались все остатки буржуазной «свободы» прессы. Согласно этим законам любое печатное периодическое издание в случае напечатания им «неправильных сообщений» (читай: неугодных фашистам — А. Г.) могло быть запрещено министерством внутренних дел на определенный срок или навсегда¹²).

4 октября 1933 г. был опубликован так называемый «закон о редакторах». По этому закону редактором печатного периодического органа мог быть только тот, кто является «арийцем по происхождению» и «обладает качествами, которых требуют задачи духовного развития» общества¹³). Редактор назначался министром народного просвещения и пропаганды. Благодаря этому, во главе немецких газет становились люди, принадлежавшие к нацистской партии или симпатизирующие ей.

Всю германскую прессу можно разделить на две категории: газеты, принадлежавшие нацистской партии и газеты, не принадлежавшие нацистской партии (непартийные). Партийные газеты издавались НСДАП, являлись ее собственностью, подчинялись отделу пропаганды нацистской партии и носили открыто фашистский характер. В 1933 г. в Германии издавалось около 120 ежедневных и еженедельных газет нацистской партии, тираж крупнейших из них соответственно составлял:

«Фелькишер Беобахтер»	— 311.384 экз.
«Вестдейчер Беобахтер»	— 203 094 экз.
«Ангрифф»	— 94.200 экз.
«Гамбургер Тагеблатт»	— 50.903 экз. ¹⁴).

К 1939 г. количество нацистских газет возросло до 600, 16 газет выходили тиражом более 100 тыс. экземпляров каждая. Тираж крупнейших из них выглядел следующим образом:

«Фелькишер Беобахтер»	— 370 тыс. экз.
«Вестдейчер Беобахтер»	— 237 тыс. экз.
«Миттельдейче»	— 164 тыс. экз.
«Ангрифф»	— 125 тыс. экз.
«Национальцейтунг»	— 163 тыс. экз. ¹⁵).

Официальным органом нацистской партии была газета «Фелькишер Беобахтер». Ранее, с 1887 по 1920 г., она выхо-

¹²) «Reichsgesetzblatt 1933», Berlin, 1933, S. 35, 83.

¹³) Цит. по W. Hofer. Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—45. Frankfurt M., 1957, S. 90.

¹⁴) I Wulf. Presse und Funk..., S. 39.

¹⁵) H. Münster. Geschichte der deutschen Presse. Berlin, 1941, S. 116—117.

дила под названием «Мюнхенер Беобахтер». 19 декабря 1920 г. газета была куплена Гитлером за 60 тыс. марок, полученных им от генерала Эппа и стала издаваться под названием «Фелькишер Беобахтер». С 1920 по 1923 г. «Фелькишер Беобахтер» издавался 2 раза в неделю, с 1923 г.—ежедневно. Главным редактором газеты был Розенберг. С 1933 г. выходило 2 издания газеты: северогерманское в Берлине и южногерманское в Мюнхене. 1 августа 1938 г. вышел 1-ый номер «Фелькишер Беобахтер» в венском издании. Другим влиятельным органом нацистской партии была газета «Ангрифф», основателем и главным редактором которой был Геббельс. Первый номер газеты вышел в 1927 г.

Так называемые «непартийные» газеты в период Веймарской республики были тесно связаны с различными группировками германской крупной буржуазии и нередко выступали с поддержкой гитлеровской партии. После прихода к власти Гитлера эти газеты стали составной частью нацистской системы пропаганды, формально оставаясь «независимыми» буржуазными изданиями и сохранив старые названия. Чтобы уменьшить влияние газет этой категории, правительство резко сократило их тиражи. Например, берлинских газет это сокращение коснулось следующим образом (к 1934 г.):

«Берлинер Моргенпост» с 650 000 до 432 888 экз.

«Берлинер Тагеблатт» с 130000 до 74784 экз.

«Фоссише Цейтунг» с 80000 до 49770 экз.

«БЦ аль Миттаг» с 150000 до 99810 экз.

«Локаль Анцейгер» с 300000 до 130193 экз.¹⁶⁾

Для оперативного руководства прессой в министерстве пропаганды ежедневно, начиная с 1933 г., проводились закрытые конференции для представителей германских газет. Каждая крупная германская газета была обязана иметь своего представителя на этих конференциях. Кроме того, в административных центрах областей находились специальные чиновники министерства пропаганды, которые передавали указания министерства редакторам местных газет. В этих указаниях министерство пропаганды рекомендовало главную тему дня, определяло выбор информации для газет, характер комментариев, и т. п., выходить за рамки которых редакторам строго запрещалось. Благодаря этому, то или иное событие либо единодушно умалчивалось, либо находило положительную или отрицательную оценку в германской прессе. Все эти мероприятия позволили провести в Германии к 1934 г. так называемую «унификацию» прессы, т. е. германская пресса была сведена к единой системе, единому руководству, единому политическому направлению и превращена в послушный инструмент национал-социалистской партии.

¹⁶⁾ I. Wulf. Presse und Funk..., 39.

Яркий пример зловещей роли прессы в системе нацистской пропаганды дает анализ содержания германских газет в период подготовки агрессии против Чехословакии. Разработка плана нападения на Чехословакию под кодовым наименованием «Грюн» была закончена гитлеровской Германией к весне 1938 г.¹⁷⁾ Этот план предусматривал молниеносные военные действия, поводом для которых мог послужить какой-либо провокационный инцидент, «как, например, убийство германского посла» в Праге¹⁸⁾, или же Германия должна попытаться «взорвать» Чехословакию изнутри, объявив, что в Чехословакии преследуют судетских немцев. В беседе с английским послом Гендерсоном 3 марта 1938 г. Гитлер заявил, что «если когда-либо в... Чехословакии будут стрелять в немцев (судетских — А. Г.), то германская империя немедленно вступится»¹⁹⁾.

В соответствии с военными планами фашистские лидеры, следуя тактике разделения своих противников, чтобы затем бить их по одиночке, возлагали на германскую дипломатию задачу изолировать Чехословакию на международной арене и привлечь своих союзников к участию в агрессии. На нацистскую пропаганду возлагалось проведение «психологической войны», которая «должна, с одной стороны, угрожать Чехословакии подорвать ее силы сопротивления, а с другой — давать указания национальным группам поддерживать нас (т. е. Германию — А. Г.) в вооруженной войне и оказывать благоприятное для нас влияние на нейтральные страны»²⁰⁾.

Организованная враждебная кампания против Чехословакии началась в германской прессе весной 1937 г., после неудачных секретных переговоров между Гитлером и Бенешем в ноябре—декабре 1936 г. Однако вскоре немецкая пресса переключилась на подготовку аншлюса Австрии и античешская пропаганда сходит временно со страниц германских газет. Некоторое время после аншлюса Австрии германская пресса проявляла по отношению к Чехословакии определенную «сдержанность», ибо, как писал в своем дневнике Иодль, сначала нужно было «переварить Австрию»²¹⁾. Постепенно эта «сдержанность» уступила место разнузданной античешской пропаганде, в которой обосновывалось «право» Германии на захват Судетской области, входившей в состав Чехословакии, но большинство населения которой составляли немцы.

¹⁷⁾ О гитлеровских планах захвата Чехословакии см. В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе, М., 1963, стр. 283—394.

¹⁸⁾ «Нюрнбергский процесс...», т. 1, М., 1957, стр. 617.

¹⁹⁾ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, ноябрь 1937—1938, М., 1948, стр. 69.

²⁰⁾ «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 262.

²¹⁾ Там же, т. 1, М., 1965, стр. 295.

В марте—апреле 1938 г. в германских газетах в большом количестве стали появляться статьи, многочисленные выступления Гитлера, Геббельса, в которых в различных вариантах муссировалась нацистская идея «единого народа, единого рейха, единой воли». В качестве основы объединения всех немцев под эгидой «Великой Германии» германская пресса объявила «общность» немцев по крови. «Мы знаем сегодня лишь одну общность, которая сильнее, чем та, которую образуют политические и хозяйственные интересы. Эта общность есть общность по крови. Человек не может и не хочет больше быть оторванным от своего народа, он связан с ним тесною любовью... Кровь связывает прочнее, чем дело»²²⁾).

Постепенно в германских газетах появляются материалы, в которых идея «общности по крови» преподносилась вместе с идеей и о праве народов на самоопределение²³⁾. Однако «принцип самоопределения» еще не связывался в германской прессе конкретно с каким-либо народом или государством. Готовя захват Чехословакии, нацистская пропаганда избегала связывать принцип самоопределения с судетскими немцами, дабы не вызвать подозрения у чехов. Немецкая пресса пока еще подспудно пыталась навязать миру мысль «о неизбежности» присоединения Судетской области к Германии.

С конца апреля 1938 г. нацистская пропаганда против Чехословакии принимает более жесткий и более конкретный характер. Поводом послужил отказ правительства Бенеша признать требования «Карлсбадской программы», выдвинутой нацистской Судето-немецкой партией в апреле 1938 г. Эта программа требовала полной автономии районов, пограничных с Германией, что означало на деле отторжение их от Чехословакии²⁴⁾.

Немецкая пресса была заранее осведомлена о содержании и характере «Карлсбадской программы». Министерство пропаганды дало указание широко, «серьезно и с достоинством» комментировать требования Судето-немецкой фашистской партии. Немецким газетам запрещалось выдвигать «свои собственные требования», комментарии должны были оставаться в рамках «программы» Судето-немецкой партии, чтобы за рубежом «не создалось впечатления» о том, что немецкая пресса «подталкивает» Генлейна к новым столкновениям с чехословацким правительством. В то же время коммента-

²²⁾ «Völkischer Beobachter», 27. V. 1938.

²³⁾ Требование на «самоопределение» было выдвинуто в 1920 г. в программе НСДАП, известной под названием «25 пунктов». 1-ый пункт программы гласил: «Мы требуем соединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение», см. W. Treue. Deutsche Parteiprogramme 1861—1961, Göttingen—Berlin—Frankfurt M., 1961, S. 146.

²⁴⁾ См. В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг., М., 1963, стр. 292—293

рни должны были носить «твердый» характер и требовать от Бенеша выполнения «Карлсбадской программы»²⁵).

Изменение тона и характера античешской пропаганды в немецкой прессе можно проследить по «непартийной» «Дейче Альгемейне Цейтунг», выходявшей в Берлине. В статье от 6 мая газета отмечала, что «Карлсбадские требования» вызывают ликование и поддержку у всех судетских немцев²⁶). В статье, опубликованной 10 мая, эта газета дает «совет» чехословацкому правительству «исправить ошибки» Версальского договора и предоставить судетским немцам право «самостоятельно» решить свою судьбу²⁷). 14 мая газета писала, что «чем скорее чехословацкая проблема будет решена, тем будет лучше!»²⁸). И как бы подводя итог своим прежним выступлениям по «судетскому вопросу», «Дейче Альгемейне Цейтунг» опубликовала в двух номерах (17 и 18 мая) большую статью, в которой развивался тезис о якобы «незаконном» образовании Чехословакии в 1918 г. Газета утверждала, что Чехословацкая республика возникла благодаря «закулисным переговорам и махинациям» Бенеша в Париже после окончания первой мировой войны в «нарушение» принципов международного права, поэтому, подчеркивала газета, Чехословакия как суверенное многонациональное государство должна прекратить свое существование, а судетские немцы, «насильственно присоединенные» к нему, решить свою судьбу на основе «самоопределения»²⁹).

Античешская пропаганда, развернувшаяся на страницах немецких газет, приняла воинственный характер и свидетельствовала об агрессивных намерениях фашистской Германии. Американский посол в Москве Джозеф Дэвис сделал в своем дневнике 15 мая следующую запись о разговоре с послом Франции Кулоном: «Чешская ситуация и шквал германской пропаганды тревожат его. Они показывают, по его мнению, определенные агрессивные намерения Германии в отношении Чехословакии»³⁰).

Частичная воинская мобилизация, которую объявило чехословацкое правительство 21 мая 1938 г., поддержанная робкими протестами западных держав, решительная позиция СССР, заявившего о готовности придти на помощь чехословацкому народу, отрезвляюще подействовали на Гитлера. Тон

²⁵) «W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich...», S. 349.

²⁶) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6. V. 1938.

²⁷) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 10. V. 1938.

²⁸) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 14. V. 1938.

²⁹) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 18. V. 1938.

³⁰) Цит. по Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор, М., 1959, стр. 91. Действительно, на чехословацкой границе Германия сосредоточила около 10—11 дивизий, ожидающих приказа о нападении на Чехословакию: в Судетской области были приведены в боевую готовность штурмовики Генлейна.

германских газет стал умереннее. Теперь германская пресса по указанию министерства пропаганды пыталась «опровергнуть» мнение мировой общественности, что на чешской границе «имела место проба сил» и убедить мир, что передвижение германских войск — это «ложь, предлог для чешских мобилизационных мероприятий»³¹).

Однако, как только стало известно, что Франция и Англия не одобрили действия чехословацкого правительства, германская пресса вновь усилила античешскую кампанию. Одновременно с этим усилились провокации немецких агентов в Судетах³²).

Все лето 1938 г. Чехословакия была в центре внимания германской прессы. Малейший инцидент или драка в пивной (провоцируемые генлейновцами) становились поводом для новых нападок и угроз. Любое заявление чехословацкого правительства по «судетскому вопросу» германская пресса расценивала как «чужовишное», «мерзкое», «грязное», а его мероприятия по стабилизации положения в Судетах расценивались как «кровавый террор», «зверское обращение» с «братьями по крови», т. е. судетскими немцами. Вот несколько «повседневных» заголовков из геббельсовской газеты «Ангрифф»: «14 против одного! Снова террористический акт!» «Гигантское вооружение 15-ти миллионного государства!» (Статья посвящена чехословацкой армии); «Чехословацкое правительство на поводу у гуситов»; «Судетская область в острой нужде! Кровавый террор чешских банд»³³). Однако эти обвинения были настолько лживыми, что даже германский посол в Праге Эйзенлоп был вынужден признать их бесосновательность³⁴).

Летняя кампания в германской прессе против Чехословакии достигла своего апогея в сентябре 1938 г. К этому времени фашистская Германия закончила в основном военные приготовления, предусмотренные планом «Грюн». Генлейн получил указание из Берлина «провоцировать инциденты, которые могли бы послужить поводом для германской интервенции»³⁵). 9 сентября в Нюрнберге Гитлер вместе с Кейте-

³¹) Н. O d e r m a n n. Die vertrauliche Presseanweisungen..., «Z. f. G.», 1965, Hf. 8, S. 1375.

³²) Характеризуя действия Германии против Чехословакии в 1938 г., один из чиновников третьего рейха Гизевинус писал позже: с июня по сентябрь «Геббельс был занят планомерным разжиганием военного психоза; Гейдрих был занят провоцированием или прямым инсценированием нападений «гуситов» на мирных судетских немцев; полковник Нодль с руководителями штаба вермахта был занят заботой о поводе» для нападения на чехов. Н. Gisevius. Adolf Hitler, München, 1963, S. 429.

³³) «Der Angriff», I, 9, 18. VII. 9, 30. VIII. 1938.

³⁴) Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор..., стр. 94.

³⁵) «Нюрнбергский процесс...», т. I, М., 1965, стр. 251. В меморандуме от 24 августа Нодль просил Гитлера заранее назначить день и час предполагаемого «инцидента» в Чехословакии, чтобы армия во время получи-

лем, Браухичем и Гальдером обсуждали план нападения на Чехословакию³⁶). 11 сентября Подль обсуждал со статс-секретарем министерства пропаганды Янке задачи совместной подготовки к опровержению заявлений «о нарушениях международного права с нашей (т. е. Германии — А. Г.) стороны и использовании нарушения международного права противником»³⁷). В связи с этим германская пресса прежде всего усилила свое внимание к «миссии Ренсмена». Вначале германские газеты осторожно отнеслись к посылке английским правительством Ренсмена в Чехословакию и заняли выжидательную позицию. 26 июля министерство пропаганды дало прессе указание, что «миссия Ренсмена не должна приветствоваться, но также и не должна отрицаться. Основание: мы не знаем, не посоветует ли Ренсмен Праге какое-либо определенное решение, которое бы было неприемлемо для Генлейна. Если бы мы стали его приветствовать, то оказались бы вынужденными в большей или меньшей степени одобрить все то, что он предпримет в Праге»³⁸).

В соответствии с этим указанием, германские газеты долгое время занимались в основном перепечаткой информации о деятельности Ренсмена из иностранных газет. Но по мере того, как деятельность Ренсмена в Чехословакии подходила к концу, германская пропаганда усилила на него свое давление. 1 сентября 1938 г. газета «Ангрифф» опубликовала на первой полосе «открытое письмо Ренсмену». Газета «обращала» внимание Ренсмена на то, что Чехословакия якобы, страна с «мрачным режимом средневековья», где в тюрьмах «в отчаянных муках чахнут» безвинные «молодые цветущие жизни»³⁹). (Чешская полиция арестовала некоторое число судетских немцев за контрабандный ввоз в страну оружия из Германии).

2-го сентября «Дейче Альгемейне цейтунг» писала, что Ренсмен в свои 68 лет «мало интересовался областью, которая сегодня называется Чехословакией». Она советовала ему «обратить внимание» на книгу Элизабет Вискеман «Эссекс и Германия», вышедшую в Оксфорде, в которой, по словам газеты «решается проблема исторических провинций». При этом газета намекала, что проблема Судетской области могла бы быть разрешена путем присоединения судетских немцев к рейху⁴⁰).

Германская печать умалчивала о действительном виновнике обострения «судетского кризиса» и обвиняла во всем

ла приказ о внезапной атаке. Гитлер заявил, что будет действовать «согласно этим предложениям».

³⁶) H. B. Gisevius. Adolf Hitler..., S. 430.

³⁷) «Нюрнбергский процесс...», т. I, М., 1965, стр. 299.

³⁸) W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich..., S. 355.

³⁹) «Der Angriff», 1. IX. 1938.

⁴⁰) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 2. IX. 1938.

чехословацкое правительство; она утверждала также, что разрешение кризиса зависит не от Германии, а «находится в руках Бенеша», на которого «Англия и Франция могут оказать очень сильное влияние»⁴¹⁾. При этом газеты с нетерпением задавали вопрос: «Что предпримет Англия?»⁴²⁾. Через несколько дней «Франкфуртер цейтунг», однако, утверждала, что продолжающийся «кризис» показывает, якобы, неспособность и нежелание чехословацкого правительства «устранить напряженное положение в немецкой области», с которым может быть покончено только «благодаря быстрому и полному осуществлению восьми карлсбадских требований Конрада Генлейна»⁴³⁾. Другая газета добавляла, цитируя выступление одного из деятелей Судето-немецкой партии, что «Карлсбадские требования» «являются не последними, а первыми требованиями, которые мы (т. е. судетские немцы — А. Г.) выдвигаем»⁴⁴⁾.

Античешский тон нацистской печати был усилен лидерами фашистской Германии, выступления которых на открывшемся 5 сентября съезде национал-социалистической партии широко пропагандировались всеми газетами. Для нагнетания военного психоза пресса и фашистские лидеры использовали прежде всего идеи антибольшевизма. Выступивший 10 сентября на съезде министр пропаганды Геббельс лживо заявил о том, что советско-чехословацкие отношения означают «большевизацию Чехословакии» и что «Прага представляет собой организационный центр большевистских заговоров против Европы»⁴⁵⁾. На следующий день Геринг в своей речи, детально расписывая военную мощь рейха, сказал, что Германия не будет больше терпеть оскорблений, наносимых нашим немецким братьям в «красной Чехословакии»⁴⁶⁾.

Особенно угрожающим по тону и лживым по содержанию было выступление Гитлера на съезде 12 сентября⁴⁷⁾. В своей речи он демагогически объявил о своих «мирных намерениях» по отношению к Англии, Франции и Польше, но, что к Чехословакии Германия имеет «серьезные претензии». Извращая факты, он говорил о «муках, голоде и нищете» судетских немцев, о «кровавом терроре» в Чехословакии и что «освобождение» 3,5 млн. немцев «не является больше фразой». Речь Гитлера на съезде была главной темой всех германских газет в течение трех последующих дней. Положение было настолько серьезным, что военные действия против Чехослова-

41) «Der Angriff», 2. IX. 1938. «Frankfurter Zeitung», 3. IX. 1938.

42) «Der Angriff», 3. IX. 1938.

43) «Frankfurter Zeitung», 6. IX. 1938.

44) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6. IX. 1938.

45) «Völkischer Beobachter», 11. IX. 1938.

46) «Völkischer Beobachter», 12. IX. 1938.

47) «Völkischer Beobachter», 13. IX. 1938.

кии казались неизбежными⁴⁸). В различных районах Судетской области генлейповцы начали вооруженные восстания, которые однако были вскоре подавлены чешской полицией⁴⁹).

На секретном совещании в министерстве пропаганды германским газетам было дано указание «печатать сообщения об инцидентах под крупными заголовками»⁵¹). На это «откликнулись» все немецкие газеты: «Дейче Альгемайне цейтунг» писала, что убиты 6 судетских немцев; «Национальшейтунг» утверждала, что в Чехословакии происходит «массовый террор»⁵¹).

Обвиняя чешскую полицию в жестоком отношении к судетским немцам и подчеркивая «неспособность» чехословацкого правительства поддерживать порядок в стране, германская пресса пыталась тем самым подвести мировую общественность к выводу, что немцам необходимо войти в Судетскую область, чтобы восстановить там порядок. Министерство пропаганды указывало 14 сентября представителям газет, что «теперь можно в передовых статьях сообщать об идее плебисцита и притом в следующем смысле: после всех этих инцидентов едва ли можно себе представить, что возможна мирная совместная жизнь национальных групп в подобном государстве»⁵²). Однако при этом министерство пропаганды подчеркивало, что «нельзя ни при каких обстоятельствах представлять плебисцит как требование германской стороны», но что «эта идея появилась как английская и французская инициатива»⁵³). В этом нацистам помогла английская газета «Таймс», которая несколько раз предлагала провести в Судетской области плебисцит и под предлогом превращения Чехословакии в «более однородное государство» передать Германии районы с населением, говорящим на немецком языке⁵⁴. В связи с этим в немецкой печати вновь появились

⁴⁸) Американский корреспондент в Берлине В. Ширер писал позже, что он получил из редакции своей газеты телеграмму следующего содержания: «Война вспыхнет на рассвете. Будьте на следующее утро в Поаге». Цит. по М. Freund. Deutschland unterm Hakenkreuz. Gütersloh, 1965, S. 110.

⁴⁹) Чешский министр иностранных дел Крофта сообщал представителям Чехословакии в Европе и Вашингтоне, что «после речи Гитлера приблизительно в 70 пунктах Судетской области произошли столкновения, попытки восстания, захват вокзалов...», спровоцированные членами Судетонемецкой партии. См. Deutschland und Tschechoslowakei 1918—1945, Praha, 1965, S. 143.

⁵⁰) W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich... 363.

⁵¹) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 14, 15. IX. 1938. «Nationalzeitung», 14. IX. 1938.

⁵²) W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich... S. 363.

⁵³) W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich... S. 363.

⁵⁴) В. Краль О контрреволюционной и антисоветской деятельности Масарика и Бенеша. М., 1955. стр. 201; Э. Ротштейн. Мюнхенский спор... стр. 102, 118, 131; А. И. Недорезов. Национально-освободительное движение в Чехословакии, 1938—1945, М., 1961, стр. 44.

статьи об «истории» Чехословацкой республики. 14 сентября «Ангрифф» писала, что Бенеш является виновником угнетения судетских немцев, ибо в 1919 г. сделал ложное заявление, что «судетские немцы хотят принадлежать чехословацкому государству и не требуют самостоятельности и самоопределения»⁵⁵). Материалы на подобную тему были напечатаны затем во «Франкфуртер цейтунг», «Дейче Альгемейне цейтунг»⁵⁶) и др.

15 сентября «Ангрифф» на первой полосе опубликовала открытое письмо Муссолини лорду Ренсмену под крупным аншлагом: «Лорд Ренсмен, предложите Бенешу плебисцит». Газета выделяла те места в письме, в которых Муссолини утверждал, что «как не существует чехословацкой нации, так не существует и чехословацкого государства», которое состоит из «различных рас», «объединенных принуждением». Муссолини предлагал далее провести «плебисцит не только для судетских немцев, но и для всех национальностей, которые его требуют»⁵⁷). «Ангрифф» писала, что «совместная жизнь чехов и судетских немцев почти не возможна» и поэтому «Лондон и Париж советуют плебисцит», который может разрешить «судетский кризис»⁵⁸).

Несмотря на воинственные заявления фашистских лидеров и прессы, Гитлер в середине сентября 1938 г. проявил серьезные колебания: он опасался сопротивления чехословацкой армии, имеющей мощные оборонительные сооружения на германской границе. Поэтому фашистское правительство согласилось на переговоры с западными державами, чтобы попытаться расчленив Чехословакию, а затем и аннексировать ее, не прибегая к военным действиям. Германское правительство и пропаганда при этом запрашивали несколько больше, чем надеялись получить, дабы иметь возможность уступить.

Встреча Гитлера с Чемберленом по чехословацкому вопросу, которая состоялась в Берхтесгадене 15 сентября, привлекла большое внимание мировой общественности. Однако в немецкой печати она оставалась на втором плане. Министерство пропаганды разъяснило, что «чем дольше в Германии об этом молчат, тем благоприятнее для нас будет обстановка. Чем больше мы останемся сфинксом, тем нервнее будут становиться другие»⁵⁹). Немецкая пресса ничего не сообщила о характере бесед в Берхтесгадене, однако в своих немногочисленных комментариях германские газеты пытались оказать нажим на английское правительство. Газеты

⁵⁵) «Der Angriff», 14. IX. 1938.

⁵⁶) «Frankfurter Zeitung», 15. IX. 1938; «Deutsche Allgemeine Zeitung», 17. IX. 1938; «Nationalzeitung», 14. IX. 1938.

⁵⁷) «Der Angriff», 15. IX. 1938.

⁵⁸) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 16. IX. 1938.

⁵⁹) «W. H a g e m a n n. Publizistik im Dritten Reich...», S. 364. ,

продолжали широко пропагандировать сообщения о «терроре» в Судетской области, о пограничных конфликтах и т. д.

Комментируя визит Чемберлена, влиятельная в английских кругах «Франкфуртер цейтунг» писала, что положение в Чехословакии «одним визитом не изменить», но в переговорах должно быть найдено такое решение, при котором это «фиктивное национальное государство... должно исчезнуть»⁶⁰). Немецкие газеты выделяли то место в коммюнике о переговорах, в котором говорилось о предстоящей новой встрече Гитлера с Чемберленом⁶¹) и писали, что западная дипломатия должна торопиться, «если хочет придти к цели», ибо «мы не можем больше долго оставаться свидетелями чешского вызова»⁶²). Газеты подчеркивали, что требование судетских немцев о возвращении «на родину в рейх» также непоколебимо, как и решимость руководства германского рейха прийти на помощь судетским немцам осуществить это право⁶³).

Переговоры убедили Гитлера, что английский премьер согласен отдать Судетскую область Германии без серьезного конфликта. Но и после этого фашистская Германия не ослабляла нажима на Чехословакию и ее западных союзников. Вдоль чехословацких границ были сосредоточены 5 немецких армий, германское посольство в Праге получило указание вывезти всех немецких женщин и детей в Германию. Подробные инструкции получила германская пропагандистская машина. На секретной конференции 17 сентября высокопоставленный чиновник министерства пропаганды, обращаясь к представителям прессы сказал: «Господа, вы являетесь тяжелой артиллерией рейха. Вы должны закончить подготовку позиций для штурма. Всеми средствами нужно продержаться несколько дней»⁶⁴). Он заявил, что «газеты, которые раньше стреляли из орудий калибра 7,5 см должны вспомнить, что имеются орудия калибра 21 см», т. е. сообщения из Чехословакии должны показывать, что «это государство стало нетерпимым».

Для оказания давления на мировую общественность, германская печать широко использовала любые античешские выступления, особенно в Польше и Венгрии. Еще в августе месяце газета «Национальцейтунг» напечатала статью бывшего полковника венгерского генерального штаба, в которой обсуждались методы и перспективы раздела Чехословакии⁶⁵). 15 сентября «Франкфуртер цейтунг» опубликовала заметку,

⁶⁰) «Frankfurter Zeitung», 16. IX. 1938.

⁶¹) Вторая встреча Гитлера с Чемберленом состоялась в Годесберге 22—23 сентября

⁶²) «Der Angriff», 16. IX. 1938.

⁶³) «Deutsche Allgemeine Zeitung», 16. IX. 1938.

⁶⁴) H. Odermann. Die vertrauliche Presseanweisungen... «Z. f. G.», Hf. 8, S. 1377.

⁶⁵) «Nationalzeitung», 19. IX. 1938.

в которой сообщалось, что Венгрия требует проведения «плебисцита для всех без исключения национальных областей Чехословакии»⁶⁶). 19 сентября немецкие газеты сообщали, что венгерское правительство требует «самоопределения» венгерского населения в Чехословакии⁶⁷). 20 сентября газеты писали, что польское правительство «обратило внимание» Франции и Англии на угнетение польского меньшинства в Чехословакии и указало что этот вопрос должен быть «решен теми же методами» что и судетский⁶⁸). Однако немецким газетам запретили сообщать, на какие конкретно области претендуют Польша и Венгрия. Печатая подобные материалы, германская пресса преследовала одну цель: доказать, что Чехословакия не имеет права на существование, ибо представляет собой, по выражению Геринга, «образование, слепленное из самых различных национальностей: немцев, словаков, венгров, русин и, наконец, ... некоторого количества чехов»⁶⁹).

К началу мюнхенских переговоров глав четырех стран характер античешской пропаганды несколько изменился. Теперь главный удар был направлен не против чехословацкого государства и его народа, а в большей мере против президента Бенеша. Газеты обвиняли Бенеша в том, что он хочет развязать войну из «тщеславия и мстительности», что во французских банках он хранит огромное состояние, а в Праге постоянно стоит самолет, «готовый доставить Бенеша в Москву, в то время, когда народ истекает кровью». В то же время провозносилось миролюбие немцев и подчеркивалось, что Германия хочет жить в дружбе с чешским народом⁷⁰). Это делалось для того, чтобы подорвать у чехословацкого народа всякое доверие к правительству Бенеша, усыпить его бдительность и ослабить волю к сопротивлению германской агрессии.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене начались переговоры между Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье. Ход переговоров немецкие газеты не освещали, а продолжали печатать сообщения о «терроре» в Судетской области. Когда же в некоторых газетах появились сообщения о характере переговоров в Мюнхене, редакторы их получили серьезное внушение со стороны министерства пропаганды с предупреждением о конфискации газет⁷¹).

⁶⁶) «Frankfurter Zeitung», 15.IX.1938. В Чехословакии в 1938 г. проживало около 15 млн. чел. Из них: 7 млн. чехов, 3,5 млн. немцев, 2,5 млн. словаков, 760 тыс. венгров, 500 тыс. украинцев, 110 тыс. поляков. См. U. Wallendy. Wahrheit für Deutschland, Vetho-Weser. 1965, S. 83.

⁶⁷) «Frankfurter Zeitung», 19. IX. 1938.

⁶⁸) «Frankfurter Zeitung», 20. IX. 1938.

⁶⁹) «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, ноябрь 1937—1938, М., 1948, стр. 176.

⁷⁰) «Völkischer Beobachter», 27. IX. 1938; «Frankfurter Zeitung», 28. IX. 1938.

⁷¹) W. Hagemann. Publizistik im Dritten Reich... S. 374.

30 сентября представителями четырех держав было подписано соглашение, которое предусматривало оккупацию германскими войсками Судетской области до 10 октября. Чехословацким представителям, недопущенным к переговорам, в оскорбительной форме было заявлено, что соглашение принято и была вручена карта, на которой указывались зоны и сроки передачи Судетской области Германии. Министерство пропаганды разработало подробную инструкцию для прессы о том, как комментировать Мюнхенское соглашение⁷²⁾. Во-первых, запрещались всякие восторженные комментарии результатов переговоров до тех пор, пока не будет полностью оккупирована Судетская область. Во-вторых, исход переговоров должен изображаться как результат «мирной деятельности» Гитлера. В-третьих, «должны быть найдены дружеские слова для государственных деятелей трех стран; особенно сердечные слова для Муссолини, лучшего друга Германии». В-четвертых, пресса должна была приветствовать судетских немцев. В-пятых, «деятельность чешских властей, которой прежде по понятным причинам отводилось много внимания, должна отступить на задний план».

Эти указания тщательно выполнялись всеми немецкими газетами и преследовали цель создать впечатление о «миролюбии» и «уступчивости» Германии, притупить бдительность народов в связи с подготовкой новых актов агрессии, которые планировались правительством фашистской Германии.

События 1938 г. показывают, что германская пресса играла важную роль в системе нацистской пропаганды. Она разжигала милитаризм, чувства крайнего национализма и ненависть к другим народам, отвлекала трудящиеся массы от проблем внутреннего развития, превращая их в послушное орудие фашистской верхушки. Для оказания давления на правительства западных стран и обмана общественного мнения гитлеровская пропаганда разжигала идеи антибольшевизма, запугивала народы мнимой угрозой «большевистской революции», выставляя фашистскую Германию «единственным бастионом» в борьбе против СССР. Германская фашистская пресса, действовавшая по заранее выработанным планам, сыграла определенную роль в организации нацистской агрессии против Чехословацкого государства.

⁷²⁾ Ibidem.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Балобаев. Вопрос о военной готовности Германии в связи с обсуждением в рейхстаге в апреле 1913 г. законопроекта об увеличении военных расходов	3
З. В. Балобаева. Вопрос об английских военных долгах в англо-американских отношениях в 1929—1932 гг.	18
С. В. Вольфсон. «Великие дебаты». Дискуссия о военно-политических доктринах американского империализма в связи с поражением войск США в Корее (ноябрь 1950—март 1951 гг.)	36
С. В. Вольфсон. Реакция в Соединенных Штатах Америки на испытание атомного оружия в Советском Союзе (конец 1949—первая половина 1950 гг.)	70
С. С. Григорьевич. Политика России на крайнем северо-востоке Азии в первой трети XIX века.	90
Я. А. Домбровский. Военно-морская политика США на Тихом океане в 1919—1921 гг.	112
К. Д. Петряев. Некоторые вопросы внешней политики правительства Бисмарка в буржуазной историографии ФРГ.	146
Л. И. Терешкина. Из истории колониальной политики английского империализма в Сингапуре в 1956—1957 гг. (по материалам журнала «Экономист»)	162
А. Е. Глушков. Пропаганда в прессе фашистской Германии в связи с агрессивной против Чехословакии и подготовкой Мюнхенского соглашения (апрель—сентябрь 1938 г.)	169

Томск, Изд. ТГУ, 1967 г., 186 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина
Литературный редактор Н. М. Шпагина
Технический редактор Э. Н. Страшкова
Корректоры Н. Н. Боброва и Г. А. Азовцева

К300920. Сдано в набор 1/XII-67 г. Подписано к печати 15/III-68 г.
Формат 60 × 92^{1/16}, печ. л. 11,6, уч.-изд. л. 11,6 Усл. печ. л. 12.
Заказ 1808. Тираж 600 экз. Цена 1 р. 16 к.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 36.
Областная типография № 1 Управления по печати. Томск, ул. Советская, 47.